ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УПК РСФСР 1922 ГОДА — ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС

(к 100-летию со дня принятия)

Монография

Под ред. доктора юридических наук,
профессора А. И. Чучаева

Москва
2023

УДК 343.13
ББК 67.410.2
У66

Авторский коллектив:
Россинский С.Б., доктор юридический наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН — гл. 1, § 2 и 3 гл. 2;
Рябцева Е.В., кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права РФ — § 4–6 гл. 2;
Чучаев А.И., доктор юридических наук, профессор, зав. сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН — введение, § 1 гл. 2, приложение.

Рецензенты:
Грибунов О.П., доктор юридических наук, профессор;
Муравьев К.В., доктор юридических наук, доцент.

У66 **УПК РСФСР 1922 года — первый советский процессуальный Кодекс** (к 100-летию со дня принятия) : монография / под ред. А. И. Чучаева. — Электрон. дан. (2,5 Мб). — М.: Институт государства и права РАН, 2023. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Системные требования: процессор Pentium-II; память 256 Мб ОЗУ; дисковод 24-х CD-ROM; Windows 98/2000. — ISBN 978-5-8339-0219-6

В работе впервые в российской литературе системно исследуется первый советский Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый в 1922 г. Его характеристике предшествует анализ формирования советской уголовной юстиции РСФСР, уголовно-процессуальной политики советской власти в 1917–1922 гг. и судебной реформы РСФСР 1922 г. Подробно представлены общая характеристика УПК РСФСР 1922 г., досудебное и судебное производство, производство в революционных трибуналах, производство в порядке высшего судебного контроля Наркомюста и исполнение приговоров.

В приложения дан текст УПК РСФСР 1922 г.

Предназначена для научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава, студентов, магистрантов и аспирантов юридических вузов и факультетов, а также для всех тех, кто интересуется историей российского права вообще и уголовно-процессуального права в частности.

Минимальные системные требования: процессор Pentium-II; память 256 Мб ОЗУ; дисковод 24-х CD-ROM; Windows 98/2000.

ISBN 978-5-8339-0219-6 © Институт государства и права РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава I
Формирование уголовной юстиции РСФСР
и уголовно-процессуальная политика в первые годы советской власти
(1917–1922 гг.)

§ 1. Уголовная юстиция в первые месяцы советской власти
в условиях коалиции большевиков и левых эсеров
(конец 1917 г. — начало 1918 г.) 8
§ 2. Дальнейшее развитие уголовной юстиции на пути к централизации
судебной системы и частичной реставрации дореволюционных
подходов (1918–1921 гг.) 25
§ 3. Судебная реформа РСФСР 1922 г. (общая характеристика
преобразований в сфере уголовной юстиции) 44

Глава II
Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г.

§ 1. Общая характеристика УПК РСФСР 1922 г. 53
§ 2. Общие положения уголовно-процессуального права
по УПК РСФСР 1922 г. 60
§ 3. Досудебное производство по УПК РСФСР 1922 г. 74
§ 4. Судебное производство по УПК РСФСР 1922 г. 99
§ 5. Производство в революционных трибуналах по УПК РСФСР 1922 г. . 121
§ 6. Производство в порядке высшего судебного контроля Наркомюста
и исполнение приговоров по УПК РСФСР 1922 г. Производство
в порядке высшего судебного контроля Наркомюста 131

Приложение

Постановление от 25 мая 1922 года
«Об уголовно-процессуальном кодексе» 135
Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 136
Отдел первый 136
Глава I. Основные положения 136
Глава II. О подсудности 140
Глава III. О составе суда, сторонах и об отводе 143
Глава IV. О доказательствах 145
Глава V. О протоколах 148
Глава VI. О сроках, о судебных издержках 149

Отдел второй 150
Глава VII. Возбуждение производства по уголовному делу 150
Глава VIII. О дознании 151
Глава IX. Общие условия производства предварительного следствия . . 153
Глава X. О следственных участках 156
Глава XI. Предъявление обвинения и допрос 157
Глава XII. Меры пресечения 159
Глава XIII. Допрос свидетелей и экспертов 161
Глава XIV. Обыски и выемки 163
Глава XV. Осмотры и освидетельствования 165
Глава XVI. Определение психического состояния обвиняемого . . . 166
Глава XVII. Окончание предварительного следствия 167
Глава XVIII. Обжалование действий следователя 169
Глава XIX. Действия прокурора по прекращению дела и по преданию суду 170
Глава XX. Действия суда по прекращению дела и по преданию суду 172
Отдел третий. Производство в народном суде 174
Глава XXI. Единоличные действия народного судьи 174
Глава XXII. О судебном заседании 176
Глава XXIII. Об изменении обвинения и о привлечении к суду новых лиц 184
Глава XXIV. Вынесение приговора 185
Глава XXV. Обжалование определений и приговоров народного суда 189
Глава XXVI. Производство в совете народных судей 191
Глава XXVII. Производство по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам 195
Глава XXVIII. Особые производства в народном суде 197
Отдел четвертый 200
Глава XXIX. Производство в революционных трибуналах 200
Глава XXX. Производство в верховном трибунале 206
Отдел пятый 212
Глава XXXI. Производство в порядке высшего судебного контроля народного комиссариата юстиции 212
Отдел шестой 213
Глава XXXII. Исполнение приговоров 213

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. — первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права, предопределившего вектор дальнейшего развития национальной системы органов уголовной юстиции, механизма досудебного и судебного производства по уголовному делу, ставшего предтечей последующих кодифицированных актов в данном сегменте правового регулирования и таким образом ознаменовавшего начало новейшей истории российского уголовного процесса.

Принятие Кодекса стало одной из «реперных точек» известной судебной реформы 1922 г., обусловленной завершением гражданской войны, переходом советской России к мирной жизни, новой экономической политикой и многими другими факторами, сопутствующими постепенному выходу из постреволюционного кризиса, восстановлению народного хозяйства и возникновению более устойчивых форм и методов государственного управления. К этому времени экстренно введенные, явно не рассчитанные на продолжительный период действия, неоднократно изменяемые и корректируемые «декретные» правила уголовного и квазиуголовного судопроизводства стали представляться уже не соответствующими реальным потребностям начинающего оправляться от социально-политических и экономических потрясений общества. Будучи достаточно эффективными для обеспечения хотя бы некого подобия правопорядка в самые первые месяцы и годы формирования советской государственности, подобные меры одновременно привели к отрицанию закона, властной вседозволенности и судебному произволу. В отсутствие правовой определенности, неурегулированности большинства отношений, возникающих в сфере расследования и судебного разбирательства уголовных и квазиуголовных дел, многие используемые в правоприменительной практике методы и приемы работы учрежденных советской властью народных судов, революционных трибуналов, следственных комиссий, милиции, ВЧК и др. фактически превращали уголовное судопроизводство в профанацию, приводили к абсолютному обесцениванию высокого смысла процессуальной формы, полному игнорированию каких-либо процессуальных гарантий доброкачественности получаемых результатов. К тому же, ввиду вызванного известными причинами кадрового голода, другими словами, отсутствия достаточного количества квалифицированных юристов, судебные и правоохранительные органы

стали вынужденно комплектоваться из лиц, не имеющих должных правовых знаний, не располагающих соответствующими умениями и навыками, не обладающих необходимыми для правоприменителей правовой культурой, правосознанием, правопониманием и другими должными качествами, однако идеологически преданных советской власти.

Советское руководство было вынуждено признать всю порочность существовавшей судебно-следственной практики, мало чем отличавшейся от полного беззакония. Возникли объективные потребности в возвращении классических правовых ценностей, восстановлении многих правовых норм, отраслей, институтов, в воссоздании понятия «закон» и категории «законность». Указанные причины в своей совокупности дали импульс для больших изменений в сфере раннесоветского уголовно-процессуального права, а по сути, для формирования еще не существующей полноценной системы советского уголовного судопроизводства.

Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был далеко не случайным. Он разрабатывался группой известных юристов с дореволюционным прошлым, стремившихся учесть весь позитивный опыт, накопленный в сфере национальной уголовной юстиции за долгие годы, и одновременно старавшихся учесть все плюсы и минусы поспешно учрежденных в 1917 г. и реформируемых на протяжении последующих нескольких лет органов революционной юстиции. В этой связи подлинное понимание смысла и содержания Кодекса возможно лишь при надлежащем осмыслении проблем, тенденций, обсуждений и дискуссий, сопутствующих возникновению и последующим изменениям системы судоустройства и судопроизводства в нестабильных условиях первой «пятилетки» развития советской государственности как некоего зеркала, наиболее четко отразившего постреволюционные социально-политические процессы. Намерения подробно рассмотреть все эти проблемы и предопределили подготовку настоящей монографии.

В первой главе монографии исследуются исторические предпосылки, обусловившие принятие первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, рассматриваются обстоятельства формирования раннесоветской уголовной юстиции в первые месяцы и годы советской власти, а также принятые в указанный период декретные и другие документы, определяющие систему судоустройства и порядок судопроизводства. Вторая глава посвящена непосредственному рассмотрению УПК РСФСР как кодифицированному законодательному акту в сфере уголовного судопроизводства. В этой связи анализируются общие

положения Кодекса, рассматриваются положения, регламентирующие досудебное и производство, особенности рассмотрения уголовных дел в революционных трибуналах, порядок проведения высшего судебного контроля и исполнения приговоров. Отдельное внимание уделяется историко-правовым оценкам всего Кодекса в целом (как полноценной кодификации) и его отдельных норм и институтов в частности.

При подготовке монографии использовались раннесоветские доктринальные источники, юридическая периодика, издаваемая как во время, так и сразу после описываемых обстоятельств, оценки и воспоминания непосредственных участников и очевидцев событий, предшествующих и сопутствующих принятию УПК РСФСР 1922 г., а также документы и материалы из фонтов Государственного архива РФ.

Представляется, что монография будет полезна ученым, студентам и преподавателям юридических вузов, а также практическим работникам и другим лицам, проявляющим интерес к истории отечественного судоустройства и уголовно-процессуального права.

Глава I
ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ РСФСР И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1922 ГГ.)

§ 1. Уголовная юстиция в первые месяцы советской власти в условиях коалиции большевиков и левых эсеров (конец 1917 г. — начало 1918 г.)

Российская система уголовной юстиции постинквизиционного типа начала складываться в XIX в., войдя в наиболее активную фазу развития после известной судебной реформы 1864 г., окончательно закрепившей курс на построение свойственных для буржуазного общества и государства механизмов судопроизводства. Причем ввиду целого ряда объективных и достаточно понятных любому историку факторов эти процессы были подтверждены сильному влиянию романо-германской публично-правовой доктрины нового времени. В частности, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (УУС)[1] и просуществовавшие вплоть до 1917 г. дореволюционные механизмы предварительного следствия и судебного разбирательства предполагали весьма высокую степень преемственности по отношению к классической французской модели уголовной юстиции, возникшей чуть более 200 лет назад и получившей нормативное закрепление в Наполеоновском кодексе — Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г.[2] Так, досудебное производство,

[1] Устав уголовного судопроизводства Российской Империи от 20 ноября 1864 г.

[2] Ввиду известных причин, позволивших Франции на рубеже XVIII–XIX вв. занять лидирующие позиции в континентальной Европе, ее самая прогрессивная на тот момент правовая система, в частности система уголовной юстиции, вообще оказала очень сильно влияние на формование и последующее развитие европейского законодательства. Сам по себе Наполеоновский кодекс уголовного следствия (Code d'instruction criminelle) оказался настолько удачным, настолько успешно гармонизировался с возникшей во второй половине XVIII в. континентальной (романо-германской) уголовно-правовой доктриной, в том числе с концептуальными идеями Чезаре Беккариа, что помимо Франции был принят «на вооружение» и в других странах, а в некоторых из них (например, в Бельгии или Люксембурге) с учетом ряда изменений используется по сей день.

названное предварительным следствием находилось в ве́дении судебных следователей, осуществляющих свою деятельность при содействии полиции под наблюдением прокуроров и их товарищей, а судебное производство — в ве́дении судов различных уровней: волостных и окружных судов, судебных палат и Сената, выполняющего функции высшей судебной инстанции по уголовным и гражданским делам.

Однако политические катаклизмы, связанные с упразднением монархии и постепенным установлением советской власти, предопределили глобальные преобразования всей системы государственного управления. А это, в свою очередь, неизбежно затронуло и организацию уголовной юстиции, и порядок реализации соответствующих юрисдикционных полномочий.

В силу начавшегося в 1917 г. и продолжавшегося в течение нескольких последующих лет организационно-правового хаоса первые попытки реформирования уголовной юстиции носили весьма импульсивный, экстренный характер и во-многом были обусловлены стремлением скорейшей ликвидации прежних механизмов судопроизводства, судебных и правоохранительных органов Российской империи и максимально быстрого, оперативного создания временной системы судебно-следственной власти, обеспечивающей возможность эффективной защиты завоеваний революции, осуществления уголовной репрессии в условиях политической нестабильности и построения новой государственности. Несомненно, что одна из причин указанных реформ предполагала сугубо идеологическую основу — была связана с известными революционным идеями и лозунгами об абсолютной неприемлемости дальнейшего сохранения «не отвечающей интересам народа», «загнивающей», «эксплуататорской», неоднократно скомпрометировавшей себя в части уголовного преследования революционеров царской системы уголовной юстиции. Подобные позиции неоднократно высказывались основателями советского государства, например, были озвучены В.И. Лениным на прошедшем в январе 1918 г. III Всероссийском съезде Советов. Мотивируя решение большевиков, «не реформируя старый суд, сразу отдать его на слом», докладчик говорил, что «этим была расчищена дорога для настоящего народного суда, превратившегося из слепого орудия беспощадной эксплуатации трудящихся и защиты интересов денежного мешка в орудие воспитания на прочных основах социалистического общества»[1]. Аналогичные объяснения вполне ожидаемо встречаются и в целом ряде публикаций советских

[1] См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. Октябрь 1917 ~ март 1918. М., 1974. С. 270.

ученых-процессуалистов, посвященных образованию судебных и правоохранительных органов РСФСР[1].

Вместе с тем при более глубоком погружении в историю возникновения раннесоветской юстиции указанная причина начинает представляются далеко не определяющей проведение столь поспешных и кардинальных преобразований. По крайней мере, многие доступные на сегодняшний день источники свидетельствуют, что вопросы реформирования системы судопроизводства и судебно-следственных органов вообще не входили в перечень первостепенных задач построения советской государственности. В частности, некоторые известные юристы — непосредственные участники и очевидцы тех событий писали о наблюдавшемся в конце октября — начале ноября 1917 г. достаточно равнодушном отношении нового политического руководства страны к необходимости каких-либо серьёзных изменений в данном сегменте государственного управления[2]. Тем более, что в сформированном после революции преимущественно большевистском правительстве — Совете народных комиссаров (Совнаркоме) «портфель» юстиции в силу известных договоренностей был обещан представителю партии левых социалистов-революционеров (эсеров). Поэтому В.И. Ленин и его соратники вообще изначально не намеревались проводить в данном направлении никаких поспешных преобразований[3]. К тому же и в самих программных документах СРДРП(б) подобные задачи были сформулированы в самом общем, не подразумевающем конкретики виде: говорилось лишь о праве каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника, а также о необходимости обеспечения выборности судей народом[4]. По оценкам одного из ученых-правоведов послереволюционного периода, впоследствии репрессированного В.С. Ундревича, в первое время большевики сами признавали слабую проработанность вопросов роли и значения права и суда в пролетарской революции[5].

---

[1] См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Курс уголовного процесса. Т. 1. Судоустройство. 2-е изд. М., 1936. С. 170–171; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т.1. М., 1968. С. 104 и др.

[2] См.: *Стучка П.И.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сборник статей (1917–1913). М., 1931. С. 35; *Ростовский И.А.* Как работал народный суд в 1918 году // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 16 и др.

[3] См.: *Стучка П.И.* Указ соч. С. 35.

[4] См.: Программы политических партий России / сост.: А.В. Медведев, И.А. Хвостова. Н.Новгород, 2013. С. 9.

[5] См.: *Ундревич В.С.* Борьба за суд пролетарской диктатуры в первые месяцы Октябрьской революции // Советское государство и право. Журнал института советского строительства и права. 1931. № 7 С. 60.

Поэтому, по всей вероятности, имелась и еще одна веская причина, предопределившая необходимость реорганизации царской уголовной юстиции, — практически полное разложение существовавшей ранее системы судебно-следственных и правоохранительных органов, обусловившее утрату должной работоспособности, возможности надлежащего осуществления возложенных на нее функций. В частности, в конце октября — начале ноября 1917 г. советское правительство столкнулась с неожиданной проблемой — абсолютным игнорированием «служителями Фемиды» новых политических реалий, а иногда и явным пренебрежением этими обстоятельствами. Еще целый месяц после революции — утверждал известный юрист того времени Ф.М. Нахимсон — суды продолжали работать, руководствуясь буржуазным законодательством, постановляя приговоры именем временного правительства[1]. В свою очередь, один из основателей раннесоветской системы уголовной юстиции Д.И. Курский, вспоминая обстоятельства формирования новых судебно-следственных органов в г. Москве, писал о возникшем еще в период работы временного правительства и усилившимся после октябрьской революции нежелании многих царских судебных чиновников надлежаще исполнить свои служебные обязанности, в том числе о явном саботаже с их стороны[2]. По мнению П.И. Стучки, суд казался чем-то посторонним, фактически продолжающим открыто и легально агитировать за свергнутую власть, против сторонников которой тут же велась вооруженная борьба[3]. Одновременно начался и массовый отток с государственной службы опытных судей, следователей, прокуроров, сотрудников полиции, приведший к банальному кадровому голоду, то есть к отсутствию в распоряжении советской власти достаточного количества квалифицированных юристов и правоохранителей, способных «переварить» весь объем уголовных дел, особенно в условиях резко возрастающей криминогенности постреволюционного общества.

При таких обстоятельствах возникла объективная потребность в принятии ряда экстренных мер, связанных с упразднением прежней и формированием новой, советской системы судебных и правоохранительных органов, а, следовательно, и существенным реформированием механизмов судопроизводства, выявления, раскрытия

[1] См.: *Нахимсон Ф.М.* Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 28;

[2] См.: Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству (беседа с Наркомом юстиции тов. Дм. Ив. Курским) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 4.

[3] См.: *Стучка П.И.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1.

и расследования преступлений. Хотя для справедливости все же необходимо отметить, что первые шаги в данном направлении начали предприниматься несколько ранее — в период работы временного правительства. Ведь еще 6 (19) марта 1917 г. был ликвидирован корпус жандармов, а 10 (23) марта 1917 г. — упразднен и Департамент полиции; взамен было образовано временное управление по делам общественной полиции и обеспечению имущественной безопасности граждан. 17 (30) апреля 1917 г. временное правительство учредило новый правоохранительный орган, наделенный, помимо прочего, функциями выявления, раскрытия преступлений и проведения дознания, — милицию[1]. Уже после октябрьской революции, 28 октября (10 ноября) 1917 г. указанный орган был преобразован в рабочую милицию. А 20 декабря 1917 г. советское правительство сформировало еще одно правоохранительное ведомство — Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК)[2].

Вопрос о необходимости принятия специального «судебного» декрета впервые попал в повестку советского правительства в начале ноября 1917 г. А уже 10 (23) ноября проект документа в первоначальной редакции был оглашен народным комиссаром юстиции П.И. Стучкой на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В тот же день была опубликована статья П.И. Стучки «Классовый или демократический суд», где автор раскрывал основные положения готовящегося «судебного» декрета, предполагавшего кардинальные преобразования основ правосудия и системы судебных и правоохранительных органов[3].

Дальнейшая работа с проектом документа проходила в условиях бурной полемики и ожесточённой борьбы между представителями двух основных политических сил: большевиков и левых эсеров. И если первые намеревались реализовать идею о едином народном суде, уполномоченном рассматривать по существу (в первой инстанции) все без исключения, в том числе уголовные, дела, то вторые — ратовали за максимально возможное сохранение лучших традиций российского правосудия, в частности за дифференциацию общей и мировой

[1] История МВД России. Учреждение Министерства внутренних дел. Полиция Российской Империи в XIX–XX в. (1802–1917) // URL: https://мвд.рф/history/1802_1917.

[2] История МВД России. Создание рабоче-крестьянской милиции. Развитие системы органов внутренних дел в СССР (1917–1940) // URL: https://мвд.рф/history/1917_1940.

[3] См.: *Мишунин П.Г.* Из истории первого Декрета о суде // Вопросы истории. 1949. № 4. С. 10.

юстиции[1]. Вместе с тем подход левых эсеров вовсе не состоял в копировании упраздняемой системы дореволюционной юстиции — их позиция сводилась к максимальной адаптации хорошо апробированных механизмов судоустройства и судопроизводства к новым общественно-политическим реалиям[2].

В итоге указанных обсуждений и дискуссий был подготовлен окончательный проект документа, предполагающий целый ряд весьма шатких, неустойчивых и поэтому явно не рассчитанных на длительное использование компромиссных позиций — ни одной из политических сил не удалось полностью реализовать свои идеи об организационных и функциональных принципах народного правосудия. Однако, будучи заинтересованы в сотрудничестве с левыми эсерами и движимы намерениями отдать «портфель» народного комиссара юстиции представителю этой партии, большевики все-таки пошли на большие уступки (по справедливому замечанию В.Н. Сладкова, передали партнерам по коалиции тактическую инициативу[3]) — новую систему советской юстиции в целом было решено формировать по образу и подобию дореволюционных стандартов за исключением целого ряда деталей, не вписывающихся в предполагаемый вектор развития социалистической государственности[4].

Подготовленный правовой акт, названный Декретом «О Суде»[5] и вошедший в историю государства и права как Декрет о суде № 1, был принят на заседании Совнаркома 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Декретом полностью упразднялась существовавшая ранее судебная система, в частности окружные суды, судебные палаты, правительствующий Сенат со всеми департаментами, военные и морские суды, мировые судьи, а также институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры. Взамен мировых судей учреждались местные суды, состоящие из избираемого на основе прямых демократических выборов[6] постоянно действующего «профессиональ-

[1] См.: *Курский Д.И.* Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. 1918. Вып. 2. С. 58.

[2] См.: *Шрейдер А.А.* Народный суд. М., 1918. С. 5.

[3] См.: *Сладков В.Н.* Наркомат юстиции РСФСР и советское законодательство (1917-1922 годы): дис. ... канд. истор. наук. М., 1996. С. 42.

[4] См.: *Коссов И.А.* Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль–ноябрь 1918 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 89.

[5] Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О Суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

[6] До назначения прямых демократических выборов местных судей предписывалось избирать районными и волостными либо уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

ного» судьи и двух очередных заседателей, подлежащих приглашению на каждую сессию по особым спискам; для осуществления военно-уголовной юстиции (на фронтах) образовывались специальные местные суды, избираемые в том же порядке полковыми Советами либо полковыми Комитетами солдатских депутатов. В части образования иных судебных органов Декрет не предполагал какой-либо определённости — имелась лишь краткая формулировка, указывающая на перспективные планы урегулирования этих вопросов отдельным декретом.

Решения вновь образуемых судов признавались окончательными, не предполагающими возможности пересмотра в апелляционном порядке. Вместе с тем устанавливалось право направления просьбы о кассации (кассационного обжалования приговора) по уголовному делу, по которому назначалось наказание в виде лишения свободы на срок свыше семи дней; полномочия кассационной инстанцией возлагались на уездные (в столицах — на столичные) съезды местных судей.

В ве́дение местных судов передавалось и досудебное производство по уголовному делу: предварительное следствие предписывалось осуществлять единолично «профессиональному» судье за исключением принятия решений о задержании подозреваемого и предании обвиняемого суду, которые надлежало выносить всем коллегиальным составом суда. К участию в качестве обвинителей и защитников как в досудебном, так и в судебном производстве Декрет допускал «любых неопороченных граждан обоего пола, пользующиеся гражданскими правами».

Кроме того, для защиты завоеваний революции и борьбы с различными проявлениями контрреволюционного поведения: мародёрством, хищничеством (хищениями имущества), саботажем, иными злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и др. — образовывались рабочие и крестьянские революционные трибуналы, состоящие из председателя и шести очередных заседателей, избираемых соответствующими губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Этим же органам приписывалось проводить предварительное следствие по указанным категориям уголовных дел, для чего на их базе предполагалось создание особых следственных комиссий.

В ряде современных публикаций по истории советской юстиции бытует мнение, что Декрет о суде № 1 предопределил отмену прежнего порядка уголовного судопроизводства[1]. Вместе с тем подобные

[1] См., например: *Карданова Р.Х.* РКП(б) и формирование системы советской юстиции (1917–1922 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2006. С. 33.

позиции представляются не совсем точными — применявшийся до революции УУС оставался кодифицированным источником уголовно-процессуального права вплоть до принятия Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.[1], прямо запретившего использование в приговорах и других судебных решениях ссылок на законы свергнутых правительств. Тогда как в Декрете о суде № 1 содержалось лишь достаточно неопределённое и предрасположенное к вариативному толкованию предписание, обязывающее судей руководствоваться законами свергнутых правительств лишь в той части, в которой они не отменены революцией, не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Одновременно отмечалось, что отмененными признаются все законы, не соответствующие декретам советской власти, а также программам-минимум РСДРП и партии эсеров[2]. Кстати, несколько позднее П.И. Стучка прямо признал расплывчатость и неопределённость данной формулировки, однако при этом назвал ее откровенной и нелицемерной, призывающей к определению самим народом тех положений прежнего законодательства, которые еще подлежат применению, и тех, которые окончательно отмены революцией[3].

Как уже отмечалось ваше, в силу понятных причин Декрет о суде № 1 являлся не более чем экстренной мерой, принятой советским правительством в целях срочного упразднения старой и оперативного формирования временной, как бы переходной системы судебно-следственных органов революционного типа, то есть был рассчитан на весьма непродолжительный период действия. Тем более, что его положения носили самый общий характер и прямо предполагали потребность в последующей конкретизации в других нормативных правовых актах. Поэтому уже через несколько недель его содержание стало дополняться и корректироваться посредством издания еще целого ряда подобных документов.

Так, 19 декабря 1917 г. Народным комиссариатом юстиции (Наркомюстом) РСФСР была утверждена специальная Инструкция,

[1] Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

[2] В ряде современных публикаций Декрет о суде № 1 оценивается как правовой акт двойственного характера, предполагающий существенные заимствования из царского законодательства и одновременно содержащий зачатки новых советских институтов. См., например: *Верещагина А.В.* Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 108.

[3] См.: *Стучка П.И.* 13 лет борьбы ... С. 10.

определяющая состав, полномочия и порядок работы революционных трибуналов (Инструкция о ревтрибуналах)[1]. К указанному времени вопросы юстиции уже практически полностью перешли под контроль левых эсеров[2], а Наркомюст возглавил один из членов партии И.З. Штейнберг. В этой связи Инструкция во многом отразила вышеупомянутый левоэсеровский подход, подразумевающий максимально возможную преемственность формируемой модели судоустройства и судопроизводства по отношению к дореволюционной системе, но с учетом новых общественно-политических реалий.

И хотя Инструкция имела весьма ограниченную сферу применения — касалась лишь производства в чрезвычайных судах, ее принятие стало важным шагом на пути формирования раннесоветской системы уголовной юстиции. По сути, это был первый правовой акт советской власти, более или менее ясно определяющий порядок расследования и судебного разбирательства отдельных категорий уголовных дел. В частности, в Инструкции устанавливалась подсудность уголовных дел революционным трибуналам (например, в отношении лиц, организующих восстания против советской власти, активно противодействующих или неподчиняющихся советскому правительству либо подстрекающих к подобным деяниям, пользующихся служебным положением в целях нарушения либо затруднения надлежащей работы предприятий или учреждений посредством саботажа, сокрытия или уничтожения документов, имущества, прекращающих либо сокращающих без необходимости производство предметов массового потребления и т.д.). Более четко определялся состав революционного трибунала (один постоянный председатель, два постоянных заместителя, один постоянный секретарь, два его заместителя и сорок поочередно участвующих заседателей в количестве шести основных и одного либо двух запасных на каждую сессию), а также закреплялись правила избрания указанных лиц, сроки наделения их полномочиями и продолжительность проведения судебных сессий.

Кроме того, Инструкцией устанавливался перечень поводов к возбуждению уголовного дела (сообщения судебных и административных мест и должностных лиц, общественных, профессиональных партийных организаций и частных лиц) и определялся 48-часовой срок их

[1] Инструкция Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 г. «Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 21 декаб.

[2] Подробнее об этом см., например: *Сладков В.Н.* Указ. соч. С. 41–44.

рассмотрения (предварительного расследования) следственными комиссиями. Для осуществления данных функций следственные комиссии наделялись целым рядом государственно-властных полномочий. Они могли требовать от любых органов и должностных лиц, от государственных, общественных, иных предприятий и учреждений представления различных сведений, документов и неоконченных производством дел, а также для получения необходимой информации поручать своим членам либо специально уполномоченном лицам осуществлять наблюдение («обозрение») за деятельностью всех указанных лиц и организаций. Кроме того, следственные комиссии были уполномочены производить обыски, выемки, аресты, освобождать ранее арестованных из по стражи — все соответствующие постановления могли выноситься лишь коллегиально (тремя членами комиссии) за исключением безотлагательных случаев, когда решение дозволялось принимать любому члену комиссии единолично, но с обязательным последующим утверждением всей комиссией в 12-часовой срок. Исполнение распоряжений следственных комиссий возлагалось на Красную гвардию, милицию, войска и другие исполнительные органы республики.

По результатам рассмотрения поступившего повода (сообщения или жалобы) следственной комиссии предписывалось прекратить производство (в случае отсутствия состава преступления), либо назначить уголовного дело к слушанию в заседании революционного трибунала или направить его по подсудности. Туда же — в революционный трибунал — надлежало подавать и любые жалобы на постановления следственной комиссии.

Отдельное внимание Инструкция уделала ряду общих условий судебного разбирательства: публичности (гласности) рассмотрения уголовного дела; участию обвинителей и защитников, в качестве которых по выбору сторон допускались любые пользующиеся политическими правами граждане обоих полов; обязательному ведению стенографического протокола судебного заседания. Кроме того, предусматривалась особая форма привлечения общественности к осуществлению правосудия — при революционном трибунале могла учреждаться коллегия лиц, посвящающих себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты, в которую свободно записывались все желающие по рекомендации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Из состава коллегии трибунал мог пригласить для каждого уголовного дела общественного обвинителя и общественного защитника (последнего надлежало обеспечивать по просьбе обвиняемого в случае, если по какой-либо причине он не мог воспользоваться правом самостоятельного приглашения защитника). Помимо

них в ходе судебных прениях предполагалась возможность участия одного обвинителя и одного защитника из числа присутствующих в судебном заседании лиц.

Приговоры революционного трибунала предписывалось постановлять по большинству голосов членов коллегии. По общему правилу такие решения считались окончательными и обжалованию не подлежали. Вместе с тем в случае нарушения установленного Инструкцией порядка судопроизводства либо выявления признаков явной несправедливости приговора Наркомюст имел право обратиться во ВЦИК с предложением назначить вторичное и окончательное рассмотрение уголовного дела.

Принято считать, что в январе 1918 г. началась подготовка нового «судебного» декрета, направленного на конкретизацию и существенное дополнение «правовых лозунгов» общего характера, установленных Декретом о суде № 1. Разработка документа по-прежнему находилась в зоне сильного влияния партии левых эсеров и осуществлялась под руководством еще сохраняющего пост Народного комиссара юстиции И.З. Штейнберга. В этой связи многие воплощенные в нем правотворческие решения были в очередной раз детерминированы левоэсеровскими представлениями о перспективах формирования советской юстиции, предполагающими, как уже отмечалось, разумную степень преемственности по отношению к дореволюционной модели судоустройства и дореволюционном механизмам судопроизводства.

Однако мало кому известно, что указанные намерения партии левых эсеров не ограничивались лишь декретным правотворчеством, то есть принятием очередных мер, рассчитанных на непродолжительный период действия и направленных на формирование временной системы судебно-следственных органов революционного типа. В реальности левые эсеры вынашивали более глобальные замыслы — быстро разработать и ввести в действие полноценный Свод законов РСФСР, предполагающий систематизированный комплект новых уставов, регламентирующих основные отрасли советского права. В частности, к середине февраля 1918 г., то есть в достаточно сжатые сроки представителями партии левых эсеров был подготовлен проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР, которым планировалось заменить формально еще не отмененный УУС.

Правда данный документ не был завершен — по всей видимости, его введение в действие предполагалось разбить на несколько этапов. Например, проект не включал положений, определяющих порядок досудебного производства по уголовному делу. Имелась лишь пояснительная записка с предложениями по внесению ряда изменений во соответствующий раздел УУС, что, вероятнее всего, объясняется

желанием сохранить на первых порах некоторые положения прежнего уголовно-процессуального законодательства и возвратиться к данному вопросу позднее, в более «спокойное» время. Эти предложения были связаны с упразднением судебных следователей как единоличных субъектов досудебного производства с их повсеместной замены коллегиальными следственными комиссиями. Такие намерения мотивировались негативной оценкой работы следственного аппарата Российской империи, не оправдавшего, по мнению авторов предложений (левых эсеров А.А. Шрейдера, Н.Ф. Тераевича, Н.К. Змирлова и др.), замыслов судебной реформы 1860-х гг.[1]

Кстати, указанные сведения позволяют сделать достаточно интересный вывод. Сама идея передачи досудебного производства в ве́дения единоличных субъектов — следователей в ве́дение следственных комиссий принадлежала не большевикам, а именно левым эсерам. Тогда как большевики, напротив, осознав непродуктивность подобной меры, в дальнейшем фактически реанимировали прежний порядок — вновь передали расследование уголовных дел о наиболее тяжких преступлениях в компетенцию единоличных народных следователей (подробнее данный вопрос будет рассмотрен далее).

Проект Устава уголовного судопроизводства РСФСР так и не воплотился в жизнь. Причем обнаружить какие-либо сведения, объясняющие причину отказа от таких намерений, не представилось возможным. Являлся ли он следствием ожесточенной борьбы между большевиками и левыми эсерами? Или, возможно, был предопределён пониманием преждевременности столь кардинальных шагов либо осознанием «сырости», необработанности подготовленного проекта? Или имелись какие-то иные резоны, обусловившие снятие Устава уголовного судопроизводства РСФСР с текущей повестки? К сожалению, ответит данные вопросы достаточно сложно. Однако, совершено ясно другое — левоэсеровские идеи о перспективах развития уголовной юстиции окончательно лишились права на существование после их отстранения от власти летом 1918 г.

В любом случае в начале 1918 г. было принято решение, не принимая никаких Сводов законов и уставов, ограничиться изданием очередного «судебного» декрета, воспроизводящего левоэсеровские идеи о перспективах развития уголовной юстиции в достаточно усечённом виде. Хотя и здесь не обошлось без достаточно ожесточенной борьбы и жарких дискуссий, приведших к необходимости очередного поиска приемлемых компромиссов. В частности, наибольшей критике

[1] См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 1–81.

подверглись предпринимаемые левыми эсерами попытки создания независимых от исполнительной власти органов правосудия, сохранения и укрепления окружных судов увеличения количества судебных инстанций, что расценивалось большевиками как «убогость творческой фантазии» и «копирование учреждений по старым образцам»[1], а также воспринималось в контексте негативного прогноза, предполагающего усиление влияния профессионального юридического сообщества[2]. В результате затянувшихся на несколько недель обсуждений и согласований появился окончательный вариант документа, который был утверждён Президиумом ВЦИКа 20 февраля 1918 г. и вошел в историю государства и права как Декрет о суде № 2[3].

Декрет устанавливал достаточно четкую (насколько, насколько это было возможно в первые месяцы существования советской власти) модель судоустройства. Так, наряду с учрежденными ранее судебными органами для рассмотрения дел, не относящихся к подсудности местных судов, образовывались окружные народные суды; избрание, отзыв (прекращение полномочий), а при необходимости уменьшение либо увеличение количества судей возлагалось на соответствующие местные Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. В качестве высшего органа управления окружного суда определялось общее собрание постоянных членов суда (судей), в ведении в которого находились вопросы образования уголовных и гражданских отделений (в современном понимании — судебных составов) включающих председателя и не менее двух постоянных членов, а также избрания и ротации как председателя суда, так и председателей отделений. При этом устанавливался исключительно коллегиальный порядок осуществления судебных полномочий. В частности, все подготовительные распоряжения по уголовным делам обязывалось принимать в составе не менее трех судей, а рассматривать и разрешать такие дела по существу — в составе председательствующего судьи и двенадцати очередных народных заседателей[4], выбираемых путем жеребьевки из списков, составляемых исполнительными комитетам соответствующих местных Советов.

---

[1] См.: *Захаров В.В.* Высший судебный контроль в РСФСР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 15. С. 55.

[2] См.: *Сладков В.Н.* Указ. соч. С. 44.

[3] Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О Суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

[4] В судебное заседание предполагалось приглашать еще и двоих запасных народных заседателей — для введения в состав коллегии в случае невозможности дальнейшего выполнения своих функций кем-либо из основных заседателей.

В Декрете еще раз обращалось внимание на отмену существовавшего до революции апелляционного порядка обжалования судебных решений и возможность использования лишь кассационных процедур, для осуществления которых планировалось образование соответствующих судов второго уровня (областных судов). Для достижения единообразия кассационной практики, предполагалось учредить так называемый Верховный судебный контроль, состав которого надлежало формировать из представителей областных судов, делегированных на срок не свыше одного года. Авторы Декрета рассчитывали наделить Верховный судебный контроль полномочиями по обнаружению противоречий в толковании законов областными судами (кассационными инстанциями) и их устранению посредством вынесения обязательных для использования «объединяющих принципиальных решений», направленных на обеспечение единообразия судебной практики — прототипов будущих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РФ. Кроме того, Верховному судебному контролю планировалось поручать выявлять неустранимые противоречия между действующими законами и народным правосознанием, по результатам рассмотрения которых вносить в законодательные органы представления о необходимости изменения отдельных положений советского права, то есть выполнять функции, отчасти сходные с функциями современного Конституционного Суда РФ. Отменять решения Верховного судебного контроля предполагалась дозволить лишь законодательному органу советской власти.

Однако ввиду целой чреды дальнейших событий, вытекающие из содержания Декрета о суде № 2 намерения о создании областных (кассационных) судов и Верховного судебного контроля так и не получили своего практического воплощения. По всей вероятности, предложенная представителями партии левых эсеров модель судоустройства просто не была рассчитана на политическую обстановку первых месяцев существования советской власти, то есть оказалась нежизнеспособной для указанного исторического периода, непригодной для решения задач, стоящих перед раннесоветским правосудием, в первую очередь перед уголовной юстицией, в условиях красного террора, военного коммунизма, гражданской войны и, как следствие, резко возросшей криминализации общества. Поэтому объективная необходимость заставила большевиков изменить подходы к организации судебной власти — пересмотреть идеи, предполагающие формирование разветвленной системы судебных инстанций, и перейти к использованию юридических механизмов, позволяющих назначать повторное рассмотрение дела посредством сугубо административных процедур,

например рассмотрения ВЦИКом соответствующих обращений Наркомюста. Хотя, как полагают некоторые исследователи, окончательный отказ от намерения учредить Верховный судебный контроль и областные суды все-таки скорее был обусловлен политической конъюнктурой — разрывом коалиции большевиков и левых эсеров, сопровождающимся отстранением последних от власти[1].

Декрет о суде № 2 уделял достаточно много внимания порядку судопроизводства, в том числе механизмам предварительного расследования и судебного разбирательства всех остальных, то есть не подсудных революционным трибуналам категорий уголовных дел. Причем эти механизмы также во-многом отразили вышеупомянутые левоэсеровские идеи о перспективах построения советской уголовной юстиции, предполагающие максимально возможное сохранение прежних форм и методов работы судебных и правоохранительных органов. В частности, в ст. 8 Декрета содержалось положение, прямо предписывающее осуществлять все виды судопроизводства по правилам царских судебных уставов 1864 г. постольку, поскольку таковые не отменены советской властью и не противоречат правосознанию трудящихся[2] (в последнем случае судам рекомендовалось мотивировать в приговорах и решениях основания отмены устарелых или буржуазных законов).

В этой связи Декрет о суде № 2, хотя и выключал целый ряд правовых норм, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства, также не являлся полноценным источником уголовно-процессуального права (неким «революционным уголовно-процессуальным кодексом»), пришедшим на смену УУС. Он лишь закреплял совокупность наиболее базовых, к тому же рассчитанных на переходный период положений, позволяющих обеспечить более или менее приемлемую правоприменительную практику в условиях, явно не предрасполагающих к возможности незамедлительного кардинального реформирования системы национального законодательства. Иными словами, этот правовой акт в течение нескольких последующих месяцев (до вступления в силу обновленного Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.), по сути, выступал в качестве «временных Основ уголовного судопроизводства» и регламентировал основополагающие принципы работы экстренно созданных революционных органов уголовной юстиции. К таковым, в том числе, относились: принцип недопустимости споров

[1] См.: *Захаров В.В.* Указ. соч. С. 56.

[2] Например, в ст. 36 Декрета о суде № 2 предусматривалось право любого, в том числе и уголовного, суда, не ограничиваясь формальным законом, всегда руководствоваться соображениями справедливости.

о подсудности, принцип свободы выбора языка уголовного судопроизводства, принцип неприемлемости уголовного преследования лиц, не достигших 17-летнего возраста, и необходимости передачи соответствующих дел в специальные «комиссии о несовершеннолетних» и т.д.

Особое внимание уделялось принципу свободы (а точнее, абсолютной свободы) оценки доказательств. Желая полностью покончить с теорией формальных доказательств, по всей вероятности, ассоциирующейся с классовым характером прежних общественно-правовых формаций и религиозными пережитками, авторы Декрета попытались создать качественно иной механизм использования органами предварительного расследования и судами различных предметов, документов, сведений, «не стесненный никакими формальными соображениями» и основанный исключительно на внутреннем усмотрении соответствующего правоприменителя. В частности, отменялась тайна купеческих и прочих книг, а суду предоставлялось дискреционное полномочие требовать представления всех подобных документов в обычном порядке, то есть по правилам, установленным для иных письменных доказательств. Одновременно был ликвидирован один из важнейших атрибутов дореволюционного уголовно-процессуального права, позволяющий в определённой степени обеспечить надежность сведений, проистекающих от свидетелей или сведущих лиц — принесение присяги религиозного характера; вместо нее в систему уголовно-процессуального регулирования вводилась как бы альтернативная юридическая гарантия достоверности подобных средств доказывания — предварение ответственности (предупреждение от ответственности) за ложное показание, которая в практически неизменном виде сохраняется по сей день.

Декретом предусматривались и некоторые левоэсеровские новации в части досудебного производства, в особенности по делам, не подсудным местным народным судам, то есть не нашедшие отражения в первом «судебном» декрете 1917 г. Так, проведение предварительного следствия по указанным категориям уголовных дел поручалось учреждаемых в этих целях специальным следственным комиссиям, состоявшим из трех лиц, временно (до назначения прямых выборов) избираемых Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. По смыслу Декрета следственные комиссии обладали всем спектром государственно-властных, в том числе юрисдикционных, полномочий, необходимых для полного, всестороннего и объективного установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, а в случае надобности могли обращаться за содействием к Красной гвардии, народной милиции, иным государственным и общественным учреждениям, а также к любым частными и должностным лицам.

Кроме того, для обеспечения интересов раскрытия истины следственным комиссиям предоставлялось право ограничивать участие стороны защиты. Решения следственных комиссий подлежали обжалованию в соответствующий окружной суд.

По окончании предварительного расследования и в случае убежденности в изобличении человека в совершении инкриминируемому ему преступлении следственной комиссии предписывалось не передавать уголовное дело прокурору для составления акта, как это было определено в ст. 478, 510–524 УУС, а составлять собственное постановление о предании лица суду и направлять все материалы в окружной суд. Последний, в свою очередь, наделялся правом признать указанный следственный акт необоснованным и возвратить уголовное дело в следственную комиссию для доследования либо поручить такое доследование одному из членов суда.

В части рассмотрения уголовного дела в первой инстанции Декрет о суде № 2 фактически воспроизводил правила, ранее регламентированные Инструкцией о ревтрибуналах. Например, устанавливалось, что в судебное следствие надлежит приглашать представителей обвинения и защиты. В этой связи, также как и для трибунального процесса, предусматривалось создание коллегии лиц, посвящающих себя правозаступничеству в форме общественного обвинения и общественной защиты

Отдельное внимание уделялось и порядку участия народных заседателей, являвшихся по смыслу Декрета не только «судьями факта», каковыми ранее были присяжные заседатели, но и «судьями права». Например, им дозволялось отводить председательствующего члена окружного суда, решать вопросы о виде и размере уголовного наказания, в том числе, по своему убеждению, назначать наказание ниже установленного предела вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от наказания. Поэтому предусматривалось не раздельное, а совместное совещание народных заседателей и председательствующего, имевшего лишь право совещательного голоса. Процедура произнесения им заключительного (напутственного) слова отменялась.

Как отмечалось выше, советская власть ликвидировала дореволюционный институт апелляции, фактически заменив его кассационным порядком рассмотрения уголовных дел. В связи с этим было введено правило, предполагающее возможность обжалования приговора в месячный срок не только по формальным основаниям, но и ввиду несправедливости принятого решения. Одновременно устанавливался запрет обжалования оправдательных приговоров, а также подачи жалоб

в части смягчения наказания либо полного освобождения обвиняемого от наказания. Кроме того, приостановление исполнения судебного решения ввиду поданной жалобы допускалось лишь по специальному постановлению суда первой или кассационной инстанции.

§ 2. Дальнейшее развитие уголовной юстиции на пути к централизации судебной системы и частичной реставрации дореволюционных подходов (1918–1921 гг.)

Менее чем через полгода после принятия Декрета о суде № 2 был подготовлен и издан очередной «судебный» декрет — Декрет о суде № 3[1]. На первый взгляд этот документ имел сугубо корректировочный характер, то есть был направлен не более чем на внесение некоторых изменений в систему и порядок работы экстренно созданных органов революционной юстиции. Однако сама потребность в его принятии предопределялась не столько организационно-правовыми, сколько политическими причинами — разрывом коалиции большевиков и левых эсеров, выходом последних из Совнаркома, в том числе полной утратой ими контроля над Наркомюстом (18 марта 1918 г. Народным комиссаром юстиции был назначен член РСДРП(б) П.И. Стучка, а затем, 22 августа 1918 г. — другой большевик Д.И. Курский). Июльское восстание левых эсеров — с сожалением отмечал в своих воспоминаниях современник революционных событий, а в последствии белоэмигрант профессор Н.С. Тимашев — не сыграло ни в одной области государственной жизни, такой роли, какую оно сыграло в сфере судоустройства. С уходом Народного комиссара юстиции И.З. Штейнберга заложенный в Декрет о суде № 2 подход, предполагающий необходимость рассмотрения особо важных дел, не народными, а несколько более компетентными судами, был признан уступкой мелкобуржуазным предрассудкам[2].

В этой связи издание Декрета о суде № 3 надлежит расценивать как некий переломный момент, как отправную точку, ознаменовавшую постепенный отход от левоэсеровских представлений о векторе дальнейшего развития национальной юстиции и начало методичного

[1] Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О Суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

[2] См.: *Тимашев Н.С.* Судоустройство // Право советской России: сб. статей / под общ. ред. Е.А. Ляцкого. Вып. 2. Прага, 1925. С. 215.

формирования достаточно самобытной советской системы судебных и правоохранительных органов, а также обусловленных ей механизмов судопроизводства, в том числе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Кроме того, подготовка Декрета о суде № 3 уже не предполагала каких-либо серьезных обсуждений и дискуссий; с этого момента все дальнейшие нормативные правовые акты в области юстиции, как и многие другие подобные документы, стали преимущественного разрабатываться в условиях келейности[1], исключающих привлечение к работе над соответствующими проектами представителей различных политических сил.

Декретом о суде № 3 помимо прочего были перераспределены полномочия судов по рассмотрению отдельных категорий уголовных и расширена компетенцию следственных комиссий. В частности, к ведению местных народных судов стали относиться все уголовные дела, за исключением дел о преступлениях против жизни, изнасилованиях, разбоях, бандитизме, фальшивомонетничестве, рассмотрение которых осталось в компетенции окружных судов. Туда же — в окружные суды — были переданы полномочия по рассмотрению уголовных дел о взяточничестве и спекуляции, ранее находившихся в ве́дении революционных трибуналов. В связи с расширением сферы деятельности местных судов, устанавливалось дополнительное правило, предполагающее возможность кассационного обжалования вынесенных ими приговоров, предусматривающих наказание в виде лишения свободы на срок свыше семи дней, в Советы местных народных судей. По этим же причинам произошли «технические» изменения в компетенции следственных комиссий — в их ве́дение было передано расследование наиболее сложных уголовных дел, подсудных местному народному суду. Одновременно устанавливалось, что предварительное следствие во всех подобных случаях допустимо возбуждать как по постановлению местного суда, так и по решению самой следственной комиссии, однако вопрос о дальнейшем направлении дела окончательно поручалось решать именно местному суду.

Кроме того, ввиду отказа большевиков от идеи создания Верховного судебного контроля и областных судов Декретом о суде № 3 временно учреждался Кассационный суд, уполномоченный рассматривать кассационные жалобы на решения окружных народных судов. В структуре Кассационного суда предполагалось сформировать уголовное и гражданское отделения, состоящие из Председателя и его товарища, утверждаемых ВЦИКом по представлению Наркомюста,

[1] См.: *Сладков В.Н.* Указ. соч. С. 63–64.

а также восьми членов, избираемых ВЦИКом из кандидатов, представленных окружными народными судами и Советами местных народных судей. По мнению ряда исследователей, подобный шаг был обусловлен лишь существовавшей на тот момент потребностью в создании условий для кассационной проверки решений еще не упразднённых окружных народных судов. В целом же большевики относились к окружным судам с изрядной долей недоверия, считали их учреждение не более чем тактическим маневром во взаимоотношениях с партией левых эсеров, а после распада коалиции стали вынашивать планы их скорейшей ликвидации. И в этой связи создание Кассационного суда тоже предполагалось на весьма непродолжительный срок[1] — в реальности указанный судебный орган так и не был сформирован; советская власть отказалась от подобных идей уже осенью 1918 г.[2]

Ввиду малой информативности первых «судебных» декретов, краткости содержащихся в них правовых формулировок, явно не предрасполагающих к обеспечению хотя бы некоего подобия единообразия правоприменительной практики, Народным комиссаром юстиции П.И. Стучкой был предпринят еще один вынужденный шаг — разработана и утверждена Инструкция об организации и действии местных народных судов[3], содержащая достаточно подобные разъяснения по целому ряду вопросов, не попавших в сферу декретно-правового регулирования. Такое правотворческое решение, вне всяких сомнений, было более чем своевременной мерой, позволившей внести некоторую ясность в порядок работы формируемых судебных органов.

В этой связи некоторые советские ученые даже называли данную Инструкцию «законом об организации местного народного суда»[4] или «небольшим кодексом законов о судоустройстве»[5]. Однако, подобные сравнения представляются не вполне оправданными. При всей полезности и разумности указанных разъяснений, Инструкция вряд ли могли претендовать на роль нормативного правового акта, сопоставимого по юридической силе с кодексом, законом или, по крайней мере, очередным декретом советской власти. Тем более, что 10 июля

[1] См.: *Захаров В.В.* Указ. соч. С. 59.

[2] См.: там же. С. 60–61.

[3] Постановление Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 г. № 597 «Об организации и действии Местных Народных Судов (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 699–708.

[4] См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 197.

[5] См.: *Чельцов М.А.* Уголовный процесс. М., 1948. С. 152.

1918 г. была принята первая Конституция РСФСР[1], в соответствии с которой судоустройство и судопроизводство относились к ве́дению Всероссийского съезда Советов и ВЦИКа (ст. 49 Конституции). Поэтому документ скорее имел характер интерпретационного акта, чем-то напоминавшего современные постановления Пленума Верховного Суда РФ или ведомственные приказы руководителей органов дознания и предварительного следствия, содержащие разъяснения и толкования уголовно-процессуального законодательства и направленные на обеспечение единообразие правоприменительной практики. Помимо прочего, в Инструкции конкретизировался порядок предварительного следствия, подготовки уголовного дела к судебному заседанию, его рассмотрения в первой и кассационной инстанциях, постановления и исполнения приговоров и т.д. Кроме того, ввиду понимания фактической неподготовленности большинства новых судей к осуществлению юрисдикционных полномочий, отсутствия у них необходимого опыта правоприменительной практики в Инструкции содержался примерный образец (шаблон) приговора, направленный на избежание ими очевидных ошибок и преодоление трудностей, связанных с неумением составлять процессуальные документы.

Наряду с постоянным реформированием одинарного судоустройства и судопроизводства в первой половине 1918 г. наблюдались и серьезные преобразования трибунальной юстиции. Так, изменения и дополнения в организацию и порядок работы революционных трибуналов были внесены специальным декретом Совнаркома от 4 мая 1918 г.[2] В частности, советское правительство признало целесообразным сохранить указанные чрезвычайные суды только в столицах, крупных городах (губернских и промышленных центрах) и на узловых станциях, а все остальные местные и армейские трибуналы — упразднить с передачей находящихся в их производстве дел в ближайшие трибуналы. Кроме того, некоторый корректировке подверглись правила трибунальной подсудности. При каждом революционном трибунале было предписано сформировать коллегию обвинителей, состоящую не менее чем из трех лиц, избираемых местными Советами рабочих и крестьянских депутатов: непосредственно, по представлению трибунала или Наркомюста. В обязанности коллегии вменялось:

[1] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года).

[2] Декрет СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. № 471 «О Революционных Трибуналах» // Известия ВЦИК. 1918. № 97. 17 (4) мая.

а) делегирование своих членов для участия в заседаниях следственных комиссий по вопросам о предании уголовных дел революционным трибуналам; б) формулирование письменных заключений по вопросам подсудности и полноты проведенных следствий; в) внесение предложений о выдвижении обвинений в отношении лиц, подозреваемых в совершении контрреволюционных деяний; г) формулирование самих обвинительных тезисов по каждому уголовному делу при его назначении к слушанию; д) поддержание публичного обвинения в судебных заседаниях.

Одновременно были внесены изменения в правила работы следственных комиссий. Им стало дозволено разрешать все вопросы лишь в закрытых заседаниях, предписано согласовывать решения о предании уголовных дел трибуналу либо об их прекращении с коллегией обвинителей, а также знакомить с материалами оконченных следственных производств обвиняемых и их защитников, управомоченных, в свою очередь, высказывать свои замечания по поводу проведенного следствия.

Для рассмотрения кассационных жалоб и протестов на приговоры местных революционных трибуналов при ВЦИКе был образован специальный кассационный отдел в составе назначаемого Совнаркомом и утверждаемого ВЦИКом председателя и двух постоянных членов[1]. Одновременно устанавливался и сам кассационный порядок рассмотрения уголовных дел, в целом сводящийся к заслушиванию доклада представителя специально образованной центральной обвинительной коллегии Революционного трибунала при ВЦИКе и соответствующим пояснениям сторон либо их представителей. Кстати, весьма примечательно, что именно данный порядок и предопределил общие подходы к кассационному производству по уголовному делу, в целом используемые по настоящее временя.

Наряду с этим, 29 мая 1918 г. для производства по особо важным уголовным делам, отнесенным к трибунальной подсудности, был образован высший чрезвычайный судебный орган — Революционный трибунал при ВЦИКе в составе председателя и шести членов, избираемых ВЦИКом на трёхмесячный срок[2]. Одновременно на его базе учреждались следственная комиссия и вышеупомянутая центральная

[1] Декрет ВЦИК и СНК от 11 июня 1918 г. «Об учреждении кассационного отдела при ВЦИК и о порядке кассации приговоров революционных трибуналов» // СУ РСФСР. 1918. № 45. Ст. 545.

[2] Декрет ВЦИК и СНК от 29 мая 1918 г. «Положение о Революционном трибунале при ВЦИК» // СУ РСФСР. 1918. № 41. Ст. 520.

обвинительная коллегия; последняя наряду с процессуальной ролью выполняла и управленческие функции — обеспечивала координацию и руководство деятельностью коллегий обвинителей местного уровня.

На основании всего изложенного можно сделать вывод об абсолютной хаотичности, бессистемности и импульсивности кардинальных преобразований, затронувших сферу юстиции в целом, организацию и порядок уголовного судопроизводства в частности в самые первые месяцы существования советской государственности. Ввиду вполне понятных политических причин и множества возникающих в результате любой революции реакционных факторов предпринятые в данном направлении меры в принципе не могли быть рассчитаны на долгосрочную перспективу. Они носили безотлагательный характер, во-многом базировались на вынужденных и довольно неустойчивых компромиссах, были направлены на решение сиюминутных задач, говоря образно, на «экстренное затыкание дыр».

И в этой связи к середине 1918 г. стали заметны многие системные недостатки, присущие работе народных судов, трибуналов, следственных комиссий и других органов, созданных и действующих на основании первых революционных декретов в сфере юстиции. В частности, наряду с ненадлежащей кадровой укомплектованностью, слабым финансированием и материально-техническим обеспечением указанных органов многие специалисты не без оснований писали о разобщенности, неопределённости и коллизионности подавляющего большинства правовых норм о судоустройстве и судопроизводстве, предрасполагающих к вариативному толкованию и абсолютной несогласованности правоприменительной практики[1]. Кроме того, обращалось внимание на совершенно неприемлемую для постреволюционной социально-политической обстановки, начинающейся иностранной интервенции и гражданской войны децентрализованность судебной системы, на отсутствие единого и объединяющего «судебного центра»[2].

Кстати, в указанный период времени в силу все тех же причин вообще стала ощущаться потребность в централизации любых органов власти, в достаточно авторитарных или даже тоталитарных формах государственного администрирования. Интересы революции, всего несколько месяцев назад разбившей самые прочные и тяжелые оковы, обеспечивающие принудительное повиновение масс, — писал В.И. Ленин — вновь

[1] См.: *Крыленко Н.В.* Через пять лет // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 6–7; *Славин И.В.* Пять лет работы совнарсудов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 9.

[2] См.: *Курский Д.И.* Указ. соч. С. 59; *Славин И.В.* Указ соч. С. 9.

потребовали беспрекословного подчинения этих же масс единой воле руководителей трудового прогресса»[1].

И поэтому уже летом 1918 г. советским правительством в целом и Наркомюстом в частности и стала проводится несколько иная политика в области судоустройства, направленная на создание единой и централизованной судебной системы взамен многочисленных, разрозненных и плохо координируемых местных судебных учреждений.

Например, на прошедшем в июне 1918 г. на съезде губернских и уездных комиссаров юстиции Союза коммун Северной области, основными насущными задачами, стоящими перед органами юстиции были признаны: «сплочение центра с местами» и выработка единообразной схемы работы всех судебных учреждений». В свою очередь, состоявшейся в конце июля 1918 г. астраханский краевой съезд Советов провозгласил в качестве одной из основных задач укрепления государственности «незамедлительное учреждение единообразных и подчиненных центральной власти народных судов. Аналогичные тенденции были присущи и многим другим губерниям, находившимся под контролем советской власти[2].

Одновременно советское правительство поручило Наркомюсту подготовить проект нового «судебного» декрета, призванного юридически закрепить принципы централизации судебной власти, а также внести бóльшую ясность в организацию судебных учреждений и порядок реализации ими государственно-властных полномочий, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Причем ввиду перехода Наркомюста под контроль партии большевиков и практически полного единства взглядов участников созданной рабочей группы, выполнение этого задания не предполагало особых споров и дискуссий. Проект документа был подготовлен в относительно спокойной обстановке и в конце ноября 1918 г. внесен для утверждения на очередное заседание ВЦИКа. В историю советского государства и права этот «судебный» декрет вошел как Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., о котором уже неоднократно упоминалось выше.

Согласно ст. 1–3 Положения в РСФСР устанавливалась единая система народных судов. Причем вследствие отказа от левоэсеровских идей, предполагающих деление судебных учреждений на звенья, предписывалось формировать лишь районные, уездные или городские (как

[1] См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. Март ~ июль. 1918. М., 1974. С. 200.

[2] См.: *Павлов В.А.* Становление органов юстиции и прокуратуры РСФСР (октябрь 1917 г. — декабрь 1922 г.): дис. ... канд. истор. наук. М., 2004. С. 66–67.

бы местные) суды, находящиеся на одном и том же уровне судебной иерархии (составляющие единственное звено судебной системы) и осуществляющие тождественные юрисдикционные полномочия. Разъяснялось, что общее количество народных судов, подлежащих учреждению в отдельном районе, уезде или городе, должно было определяться соответствующим местным и утверждаться губернским (для городов губернского уровня — городским) исполнительным комитетом (исполкомом) Совета рабочих и крестьянских депутатов. Одновременно учреждались и первые органы судейского сообщества: губернские (приравнённые) судебные округа, советы судей, наделённые, помимо прочего, полномочиями кассационной инстанции, правом рассмотрения жалоб на отдельные действия судов и т.д.

Ввиду однозвенности устанавливаемой судебной системы в Положении содержались достаточно простые правила подсудности — все уголовные дела относились к ве́дению суда по месту совершения преступления, за исключением дел о контрреволюционных деяниях и выступлениях, саботаже, дискредитировании власти и шпионаже, которые подлежали рассмотрению параллельно существовавшими революционными трибуналами. Вместе с тем указанные правила предполагали большую степень правовой неопределённости, поскольку не содержали разъяснений, касающихся территориальной подсудности в ситуациях, побуждающих к спорам о принадлежности того или иного события, в частности преступления, к тому или иному району, уезду или городу, что, по всей вероятности, вызывало затруднения в правоприменительной практике.

Народные суды могли осуществлять свои функции как единолично — в составе одного народного («профессионального») судьи, избираемого по определенным правилам, установленным ст. 12–13 Положения, так и коллегиально — в составе «профессионального» судьи и двух (и одного запасного) либо шести (и двух запасных) очередных народных заседателей, подлежащих приглашению на каждую сессию суда по особым спискам в порядке жеребьевки. При этом был сохранен установленный прежними декретами о суде «неприсяжный» принцип участия народных заседателей, предполагающий их наделение равными с «профессиональным» судьей правами и принятие совместных решений по всем возникающим в ходе рассмотрения дел вопросам (в некоторых случаях народным заседателям даже дозволялось председательствовать в судебных заседаниях).

По смыслу Положения коллегия с участим шести народных заседателей имела значение особо «квалифицированного» судебного состава; ее участие предписывалось в ходе рассмотрения уголовных дел об особо

тяжких преступлениях: посягательствах на человеческую жизнь, причинении тяжелых ран или увечий, изнасилованиях, разбоях, подделке денег и документов, взяточничестве и спекуляции монопольными и нормированными продуктами потребления. Тогда как все остальные уголовные дела по общему правилу подлежали рассмотрению в составе «профессионального» судьи и двух народных заседателей, хотя и они по решению того же судьи могли быть рассмотрены с участием шести заседателей. Использование единоличного состава суда в уголовном судопроизводстве допускалось для осуществления полномочий, не связанных с отправлением правосудия (то есть с рассмотрением дела по существу): для производства предварительного следствия без передачи уголовного дела в следственную комиссию, а также для проверки законности и обоснованности содержания обвиняемых под стражей и осуществления надзора (контроля) за производством милицейского дознания.

В отличие от более ранних «судебных» декретов Положение включало достаточно четкую и развернутую систему правовых норм, определяющих порядок судопроизводства, в том числе и по уголовным делам. Вместе с тем этот документ, как и предшествующий ему Декрет о суде № 2, тоже не являлся полноценным источником уголовно-процессуального права, не обладал всеми признаками, присущими подлинной кодификации, в первую очередь не характеризовался эффектами «разрыва» и «кристаллизации»[1]. Положение в очередной раз закрепляло совокупность рассчитанных на непродолжительный период действия базовых постулатов предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, обеспечивающих более или менее единообразную правоприменительную практику в условиях неготовности государства к полноценной кодификации уголовно-процессуального законодательства. Другими словами, данный правовой акт имел значение очередных «временных Основ уголовного судопроизводства», регламентирующих принципы и некоторые наиболее важные правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Так, к принципам уголовного судопроизводства по смыслу Положения были отнесены: а) полиязычнось (право Советов или исполкомов устанавливать любой местный язык судоговорения); б) дискреционность в определении меры уголовного наказания, включая

[1] Об указанных признаках кодификации см.: *Головко Л.В.* УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2001. № 6. С. 3. Подробнее эти признаки будут рассмотрены, в § 1 главы 2 настоящей монографии.

возможности назначения наказания ниже установленного предела, условного наказания либо полного освобождения виновного от наказания; в) обеспечение надежности свидетельских показаний посредством письменного предупреждения об ответственности за сообщение ложных сведений.

Особое значение для работы органов уголовной юстиции возымел установленный ст. 22 Положения принцип так называемой революционной законности, обязывающий «применять декреты рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового — руководствоваться социалистическим правосознанием». Одновременно устанавливался запрет на использование в приговорах и решениях ссылок на законы свергнутых правительств. В этой связи достаточно справедливой представляется точка зрения Л.В. Головко, рассматривающего Положение в качестве правового акта, детерминировавшего «завершение эпохи Судебных уставов» в целом и окончательную отмену действовавшего ранее УУС в частности[1]. Однако, подобная отмена была не столько формальной, как об этом пишет уважаемый автор, сколько фактической. Ведь дореволюционное процессуальное законодательство специально никем не упразднялась. Тем более, что Положение вообще охватывало своей силой далеко не все бывшие владения Российской империи, а лишь территории, подконтрольные советской власти осенью 1918 г.

В Положении в очередной раз нашел отражение принцип свободы оценки доказательств. Вместе с тем смысл соответствующей нормы (ст. 24 Положения) уже не предполагал такой абсолютной свободы, которая была предопределена Декретом о суде № 2. С одной стороны, суд не ограничивался никакими формальными доказательствами и наделялся правом использования в доказывании любых предметов, документов или сведений, в том числе был уполномочен требовать их от третьих лиц. Однако, с другой стороны, предусматривался прямой запрет на включение в доказательственную массу сведений, полученных в ходе принесения присяги. Иными словами, в Положении устанавливалась формальная недопустимость отдельных средств доказывания, ограничивающая дискреционность судебно-следственных полномочий на использование подобных познавательных ресурсов.

Достаточно много внимания уделялось и вопросам предварительного следствия, которое по-прежнему возлагалось на следственные комиссии и было обязательным по всем уголовным делам, подлежим рассмотрению судом с участием шести народных заседателей.

[1] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. С. 154.

По другим уголовным делам суду дозволялось ограничиваться материалами милицейского дознания, то есть инициировать проведение предварительного следствия следственной комиссией (в безотлагательных случаях — одним из членов суда) лишь при необходимости. Таким образом, в очередной раз фактически воспроизводились дореволюционные идеи о жестком разграничении процессуальной формы работы органов уголовной юстиции и непроцессуальной деятельности правоохранительных органов полицейского типа, допускаемой вместо полноценного следствия по не представляющим сложности делам о нетяжких преступлениях. Тогда как в более словных случаях в соответствии со ст. 33 Положения участие милиции ограничивалось оказанием непроцессуального содействия следственной комиссии наряду с любыми другими государственными органами, должностными лицами, гражданами, организациями, общественными объединениями и пр. Кстати, указанные нормы достаточно удачно корреспондировались с принятыми в тот же период правовыми актами, регламентирующими порядок работы милиции. В частности, п. 27 Инструкции об организации советской рабоче-крестьянской милиции 1918 г.[1] возлагал на нее (милицию) полномочия по проведению уголовных дознаний, а п. 28 Инструкции относил к предмету ее (милиции) ве́дения: а) розыски и дознания по поручению народных судей и следственных комиссий; б) выполнение их указаний о задержании и доставлении подозреваемых и обвиняемых; в) производство осмотров, обысков, выемок как по постановлениям народных судов и следственных комиссий, так и в особых случаях по своей инициативе для пресечения сокрытия следов преступления. Кроме того, в ст. 16 упомянутой выше наркомюстовской Инструкции об организации и действии местных народных судов от 23 июля 1918 г. народному судье предписывалось внимательно знакомиться с каждым поступившим протоколом дознания и в случае признания его результатов достаточными — формулировать обвинение.

В качестве поводов для начала работы следственной комиссии (для начала предварительного следствия) предусматривались заявления граждан, сообщения милиции, учреждений и должностных лиц, постановления народного суда, а также собственное усмотрение комиссии. При этом по смыслу Положения, свои наиболее важные решения следственной комиссии надлежало разрешать в полом составе.

[1] Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)» // СУ РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.

К таковым, в частности относились решения о возбуждении или прекращении следствия, об избрании или изменении меры пресечения, о завершении следствия и предании суду. Вместе с тем некоторые следственные действия (допросы свидетелей, осмотры места или вещественных доказательств и т.д.) разрешалось проводить и отдельным членам следственной комиссии. По просьбе лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, к предварительному следствию допускался защитник, делегированный коллегией защитников. Однако в интересах установления истины следственной комиссии дозволялось ограничивать его участие в уголовном деле.

Постановления следственной комиссии о прекращении следствия или о предании суду вместе со всем делопроизводством подлежали направлению в народный суд, который, в свою очередь, имел право возвратить поступившие материалы для доследования. Туда же — в народный суд надлежало направлять и жалобы на указанные постановления; решения суда по результатам рассмотрения жалоб признавались окончательными.

Для обеспечения некоего подобия состязательной формы судебного разбирательства уголовного дела Положение предусматривало участие в судебных процессах обвинителей и защитников. В этой связи при губернских, уездных и городских исполкомах учреждались коллегии обвинителей и защитников — предтечи будущих прокуратуры и адвокатуры. Кроме того, в качестве защитников, допускалось приглашать близких родственников обвиняемых и представителей (юрисконсультов) государственных предприятий, учреждений, организаций. При этом обвинитель назначался по усмотрению суда. Участие защитника признавалось обязательным лишь при наличии ходатайства обвиняемого по уголовному делу, подлежащему рассмотрению судом в составе «профессионального» судьи и шести народных заседателей, а также в случае приглашения обвинителя; в остальных ситуациях вопрос о допуске защитника надлежало решать суду по собственному усмотрению.

Особое внимание уделялось правилам рассмотрения уголовных дел в первой инстанции. В частности, устанавливались поводы для начала судебного разбирательства, определялся механизм реализации полномочий судьи, направленных на подготовку и обеспечение надлежащего порядка судебного разбирательства (правила задержания и доставления обвиняемого, правила вызова участвующих лиц и т.д.). Положением закреплялось условие гласности судебного заседания, предполагающее открытость судебных процессов за исключением ситуаций, расцениваемых судом как нежелательных для

присутствия «публики» и, таким образом, требующих ее удаления из зала суда. Кроме того, предусматривалась возможность проведения судебных заседаний при неявке без уважительной причины любого из вызванных лиц, в том числе и подсудимого; в последнем случае копию приговора требовалось направлять осужденному (оправданному) с разъяснением ему права на кассационное обжалование в общем порядке.

Судебное заседание надлежало начинать с проведения ряда подготовительных действий: разъяснения подсудимому права на отвод народного судьи и (или) народных заседателей, проверки явки в суд, удаления вызванных свидетелей из зала судебного заседания и др. Судебное следствие предписывалось начинать с оглашения судьей выдвинутого обвинения и выяснения у подсудимого, согласен ли он с подобным обвинением и признает ли себя виновным; при полном согласии подсудимого с обвинением дозволялось, не исследуя всех доказательств, в частности не допарившая всех свидетелей, переходить к заключительным процедурам заседания. В противном случае предполагалось полное и всестороннее судебное познание обстоятельств уголовного дела, осуществляемое посредством допросов подсудимого, свидетелей, экспертов, осмотров вещественных доказательств и т.д., и завершаемое последним словом подсудимого и удалением судьи и народных заседателей в совещательную комнату для постановления и надлежащего обоснования приговора — по большинству голосов. Как уже отмечалось ранее, Положением допускалась возможность кассационного обжалования приговора в соответствующий совет народных судей; инициаторами такого обжалования могли быть подсудимые, лица, возбудившие уголовное преследование, а также местные исполкомы. Необжалованные приговоры предполагалось проводить в исполнение незамедлительно по истечении срока подачи кассационной жалобы, а обжалованные — после рассмотрения уголовного дела в кассационном порядке.

Заложенные в Положение о народном суде РСФСР 1918 г. подходы оказались достаточно удачными, определившими вектор развития национальной политики в сфере уголовной юстиции на последующие несколько лет. Предусмотренная система судоустройства и судопроизводства в целом просуществовала три с половиной года, то есть достаточно долго, по крайней мере, насколько это было возможно в послереволюционный период, обремененный экономическим кризисом, гражданской войной, нестабильностью механизмов государственного управления и другими негативным факторами. Тем не менее и она успела претерпеть некоторые изменения.

Например, в сентябре 1920 г. Наркомюстом были организованы особые сессии народных судов и учреждены так называемые дежурные камеры[1]. Первые уполномочивались рассматривать не принятые революционными трибуналами к производству уголовные дела о крупной спекуляции, о наиболее важных должностных преступлениях, о злостных нарушениях трудовой повинности, о незаконном изготовлении и продаже спирта и т.д.; в ве́дении вторых находились несложные дела, подлежащие незамедлительному рассмотрению непосредственно в день задержания обвиняемого. В определённой степени это сблизило органы ординарной и трибунальной юстиции — принципы работы последних стали частично использоваться в ходе рассмотрения уголовных дел в народных судах[2].

21 октября 1920 г. был принят еще один (как бы уже пятый!) «судебный» декрет — новое, а точнее несколько обновленное Положение о народном суде РСФСР[3], содержащее ряд изменений, обуславливающих постепенную реставрацию некоторых дореволюционных подходов к организации судоустройства и механизмам судопроизводства. Причем такие преобразования представляются вполне закономерными и объяснимыми — несколько оправившись от послереволюционного хаоса, оценив имеющийся кадровый потенциал, в том числе возможности привлечения на службу отдельных специалистов, некогда работающих в судебных и правоохранительных органах Российской Империи, руководители молодого советского государства начали постепенно формировать работоспособную систему юстиции. А поскольку решение этих задач по понятным причинам было поручено известным специалистам с дореволюционным «прошлым», неудивительно, что многие принятые в данном направлении правотворческие решения фактически повторили формально отвергнутые, а фактически внедренные в практику расследования и судебного разбирательства уголовных дел идеи, основанные на прежних доктринальных и законодательных подходах. Как справедливо писал С.А. Шейфер, итоги раннесоветской правотворческой деятельности в этой сфере в известной степени обусловливались стремлением сохранить прогрессивные

[1] Постановление Народного комиссариата юстиции от 16 сентября 1920 г. «Об особых сессиях Народного Суда и дежурных камерах» // Известия ВЦИК. 1920. 26 нояб.

[2] См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 224.

[3] Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

для своего времени, тщательно выверенные и апробированные позиции, лежащие в основе Устава уголовного судопроизводства Российской империи[1].

В частности, Положение предопределило закономерный и давно назревший отказ от дальнейшего функционирования следственных комиссий, придуманных левыми эсерами в качестве существенной гарантии продуктивности досудебного производства, но на поверку оказавшихся достаточно «тяжёлыми», нерасторопными и малоэффективными. Предварительное следствие передавалось в компетенцию единоличных субъектов — народных следователей, находящихся в ве́дении советов народных судей и действующих в пределах специально созданных следственных участков. Народные следователи уполномочивались возбуждать производство следствия, избирать меру пресечения либо направлять в суд заключение о смягчении избранной меры пресечения, проводить необходимые следственные действия, выносить постановления, требовать содействия от правоохранительных органов, учреждений, иных субъектов и т.д., а также решать вопрос о завершении предварительного следствия с преданием обвиняемого суду либо прекращением уголовного дела. Решения следователя дозволялось обжаловать в народный суд по месту совершения преступления, постановления которого признавались окончательными и подлежали безусловному исполнению.

Кроме того, Положением предопределялся перевод корпуса государственных обвинителей из прямого ве́дения исполкомов в подчинение территориальных органов Наркомюста (отделов юстиции). Одновременно вводился институт так называемых общественных обвинителей — особых представителей советских учреждений и профсоюзов, инициировавших соответствующее уголовное дело и поэтому прямо либо косвенно заинтересованных в привлечении к ответственности винновых лиц. Вносились и некоторые изменения в организацию работы защитников — к осуществлению этой деятельности стали допускаться лишь компетентные лица, внесённые в специальные реестры исполкомов, а в случае их недостаточности — консультанты, состоящие при территориальных подразделениях юстиции. Одновременно устанавливалось еще одно основание, обязывающее суд обеспечить участие защитника в уголовном деле — по личной просьбе подсудимого, содержащегося под стражей.

В марте 1921 г., в систему судопроизводства были введены механизмы так называемого высшего судебного контроля, призванного

[1] См.: *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 64.

осуществлять общий надзор за деятельностью судебных органов, давать руководящие разъяснения и указания по вопросам советского права, а также пересматривать приговоры и иные судебные решения, вступившие в законную силу и возобновлять судебные дела ввиду вновь открывшихся обстоятельств, то есть была предпринята очередная попытка создания некой институции, обеспечивающей решение задач, сходных с задачами, находящими в настоящее время в ве́дении Верховного Суда РФ. Однако, эти нововведения не предполагали образования отдельного органа власти и даже звена судебной системы, подобного рассмотренному выше формально учрежденному в 1918 г., но фактически так и не созданному Верховному судебному контролю. Указанные функции были возложены на Наркомюст, превращенный, таким образом, и в высшую судебную инстанцию, и в субъекта официального толкования права. Между тем сами механизмы работы высшего судебного контроля не имели должной нормативной основы и носили весьма фрагментарный, в определенной степени даже случайный, характер, поэтому их использование еще не обеспечивало надлежащих гарантий законности правосудия и единообразия судебной практики[1].

Одновременно достаточно серьезные изменения претерпевала и параллельно существующая система трибунальной юстиции, выраженная в работе чрезвычайных судов, уполномоченных на осуществление уголовной репрессии по политическим делам. Ее оформление в целом было завершено в апреле 1919 г., что нашло отражение в новом Положении о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г.[2] В частности по-новому определялись правила трибунальной подсудности (по признаку политического значения дел о контрреволюционных и иных деяниях, противоречащих завоеваниям революции и направленных на ослабление силы и авторитета советской власти), что предполагало свободу усмотрения в принятии материалов к производству и полностью согласовывалось с чрезвычайным характером указанных судебных органов. Кроме того, устанавливалось право трибунала по собственному усмотрению допускать в процесс обвинителя и защитника, правда участие первого обуславливало обязательность приглашения последнего. При постановлении приговора трибуналу предписывалось руководствоваться «исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной свести».

[1] См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 226.

[2] Декрет ВЦИК от 12 апреля 1919 г. «О революционных трибуналах. (Положение)» // Известия ВЦИК. 1919. 12 апр.

Для рассмотрения дел в кассационной инстанции при ВЦИКе учреждался Кассационный трибунал в составе председателя, двух членов и судьи-докладчика. Кассационное производство надлежало заканчивать в недельный срок, допуская к участию в судебном заседании инициаторов соответствующих жалоб и протестов на приговоры местных трибуналов. Основаниями кассационной отмены предыдущих решений признавались нарушения формы и порядка рассмотрения дела в первой инстанции, а также несоответствие примененных репрессивных мер характеру и степени общественной опасности деяния.

Несколько ранее, в феврале 1919 г. было издано специальное Положение о революционных военных трибуналах[1], в соответствии с которым образовывался особый чрезвычайный орган военной юстиции — Революционный военный трибунал в составе председателя и двух членов, назначаемых Реввоенсоветом. К его подсудности относились все воинские и политические преступления, совершаемые представителями высшего командного состава Красной армии. Одновременно учреждались военные трибуналы армий и их отделы (в современной юридической терминологии — постоянные судебные присутствия), также состоящие из председателя, двух членов и уполномоченные рассматривать аналогичные уголовные дела в отношении нижестоящих военнослужащих в зависимости от их должностного положения. Решения этих трибуналов не подлежали обжалованию и приводились в исполнение в течение 24 часов.

В ноябре 1919 г. было опубликовано новое Положение о военных трибуналах[2], в соответствии с которым к их подсудности стали относиться уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и военнопленными в районах боевых действий и создающих опасность для социалистического строя и завоеваний революции, обороноспособности республики, организации и боеспособности Красной армии. Одновременно допускалась возможность учреждения дополнительных военных трибуналов в укрепленных районах, наделенных полномочиями трибунала армии. В Положении уделялось достаточно пристальное внимание процессуальным основам работы военных трибуналов: формам участия обвинителей и защитников, поводам для начала производства, порядку рассмотрения дел, в первую

[1] Постановление Реввоенсовета Республики от 4 февраля 1919 г. «О революционных военных трибуналах. (Положение)» // Известия ВЦИК. 1919. 12 февр.

[2] Декрет ВЦИК от 27 ноября 1919 г. «Положение о Революционных Военных трибуналах» // Известия ВЦИК. 1919. 27 нояб.

очередь собирания и исследования доказательств, правилам постановления и исполнения приговора и т.д.

Ввиду изменений военно-политической обстановки и учреждения целого ряда новых чрезвычайных судов (особого трибунала при ВЧК, военно-железнодорожных трибуналов, комиссий по борьбе с дезертирством т.д.) в марте 1920 г. было принято очередное Положение о революционных трибуналах[1], направленное на упорядочение формирования трибунальной юстиции. Оно объявлялось основным законом для всех революционных трибуналов, обуславливающим потребность внесения соответствующих изменений в регламентирующие их деятельность правовые акты; особый трибунал при ВЧК упразднялся.

Положением закреплялись новые подходы к трибунальной подсудности уголовных дел, предполагающие обязательность рассмотрения материалов, поступающих из ВЧК, Наркомюста, НКВД, а также РКП(б), губисполкомов, народных судов и комиссий по борьбе с дезертирством. Кроме того, трибуналам дозволялось непосредственно принимать заявления и сообщения о преступлениях, которые надлежало направлять по подследственности. Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание, что существовавшие ранее трибунальные следственные комиссии упразднялись, а предварительное следствие передавалось в ве́дение органов ВЧК.

В Положении нашли отражение основные принципы и правила процессуального порядка работы революционных трибуналов. Исходя из смысла содержащихся в нем правовых норм предусматривались две основные формы трибунального судопроизводства: а) развернутая, которая определялось исключительным общественно-политическим значением либо сложностью уголовного дела и предполагала участие сторон, вызов свидетелей и использование прочих технологий, присущих полноценному судебному процессу; б) упрощенная, которая применялась при рассмотрении остальных уголовных дел и сводилась лишь к допросу подсудимого, его выступлению с последним словом, а также к допросам некоторых свидетелей, предварительные показания которых представлялись сомнительными, не заслуживающими доверия[2].

---

[1] Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах (Положение) // СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.

[2] Существование указанных форм трибунального уголовного судопроизводства было формально закреплено в постановлении, принятом на II съезде трибуналистов, прошедшем в апреле 1920 г. См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 222.

Кроме того, в Положении более четко определялись функции Кассационного трибунала: 1) установление единообразия в деятельности всех революционных трибуналов; 2) надзор за этой деятельностью; 3) разрешение процессуальных и других вопросов; 4) рассмотрение кассационных жалоб и протестов по делам, разбираемым в трибуналах. Иными словами, Кассационный трибунал превращался в центральный чрезвычайный суд, осуществляющий общее руководство государственной политикой в сфере трибунальной юстиции. Кстати, несколько позднее был учрежден Верховный трибунал при ВЦИКе[1], ставший единым кассационное-надзорным органом для всех действовавших на территории РСФСР трибуналов, а также судом первой инстанции для уголовных дел особой важности[2].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно констатировать, что в первые годы советской власти уголовная юстиции развивалась по двум параллельным векторам: ординарному (нарсудовскому) и трибунальному, предполагавшим наряду с некоторыми сходствами и существенные отличия в организации построения, принципах и механизмах работы соответствующих судебных органов. При этом никакого объединяющего общереспубликанского судебного центра не существовало и в силу послереволюционного хаоса, нестабильности государственного управления и целого ряда других объективных факторов существовать не могло. Однако завершение периода военного коммунизма и переход к новой экономической политике предопределили потребность в кардинальных преобразованиях судоустройства, в коренных изменениях порядка судопроизводства, в постепенном объединении общих (народных) и чрезвычайных судов, в формировании принципиально иных подходов к работе судебных, следственных и правоохранительных органов, обеспечивающих возможность централизованного руководства всей системой советской, в том числе уголовной, юстиции, а также единообразие правоприменительной практики. Эти задачи и обусловили необходимость проведения глобальной судебной реформы 1922 г.

[1] Декрет ВЦИК от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» // Известия ВЦИК. 1921. 28 июня.

[2] См.: *Григорьев О.В.* Военно-судебные органы (1918–1921 гг.) // Военно-юридический журнал. 2011. № 1. С. 31.

§ 3. Судебная реформа РСФСР 1922 г. (общая характеристика преобразований в сфере уголовной юстиции)

Завершение гражданской войны, переход советской России к новой экономической политике и многие известные факторы, сопутствующие постепенному выходу из постреволюционного кризиса, восстановлению народного хозяйства и возникновению более «мирных» форм и методов государственного управления, предопределили необходимость серьезных преобразований правовой системы в целом, судоустройства и судопроизводства в частности. Экстренно введенные, явно не рассчитанные на продолжительный период действия и поэтому неоднократно изменяемые и корректируемые правила организации и работы поспешно учрежденных органов революционной юстиции к 1921 г. стали представляться пережившими свое время[1]. Будучи достаточно эффективными для обеспечения хотя бы некого подобия законности и правопорядка в самые первые месяцы и годы формирования советской государственности, указанные экстренные меры одновременно привели к фактическому отрицанию закона, к властной вседозволенности и судебному произволу. В отсутствие правовой определённости, неурегулированности большинства правоотношений, возникающих в сфере расследования и судебного разбирательства уголовных дел, многие используемые в правоприменительной практике методы и приемы работы судов, следователей (следственных комиссий), милиции, ВЧК и др. фактически превращали уголовный процесс в профанацию, приводили к абсолютному обесцениванию высокого смысла уголовно-процессуальной формы, полному игнорированию каких-либо процессуальных гарантий доброкачественности получаемых результатов. К тому же ввиду вызванного понятными причинами отсутствия достаточного количества квалифицированных юристов, судебные и правоохранительные органы стали вынужденно комплектоваться за счет идеологически преданных советской власти субъектов — тех самых пресловутых рабочих, солдат, матросов и т.п., не имеющих должных правовых знаний, не располагающих соответствующими умениями и навыками, не обладающих необходимыми для правоприменителей правовой культурой, правосознанием, правопониманием и другими должными качествами. За четыре года — отмечал один из выступающих на прошедшем в январе 1922 г. Московском

[1] См.: *Стучка П.И.* Пять лет революции права // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 3.

губернском съезде работников юстиции — была создана целая школа из тысяч пролетарских правоведов, ранее не имевших никакого понятия о юриспруденции, а порой и безграмотных[1]. Так, по официальным статистическим данным за 1921 г. только 17% судей имели высшее юридическое и еще 10% — среднее образование, тогда как 66% судей имели лишь начальное образование, а еще 6% — вообще не имели никакого образования[2]. Очевидно, что при подобных обстоятельствах приговоры судов просто не могли отвечать элементарным требованиям законности, обоснованности, справедливости, по крайней мере, в их классическом понимании. Поэтому советское руководство было вынуждено признать всю порочность существовавшей судебной практики, мало чем отличавшейся от полного беззакония[3]. В частности, выступая на состоявшемся в марте 1921 г. X съезде РКП(б), В.И. Ленин указал на безальтернативность принятия в первые годы советской власти ряда государственно-управленческих мер военного времени. Вместе с тем он обратил внимание на ошибочность позиции, предполагающей понимание этих мер, как единственно возможных для социалистического общества, указал на неприемлемость их дальнейшего использования для обеспечения законности и правопорядка[4].

Кроме того, существовали и сугубо экономические причины, обуславливающие поспешность пересмотра революционных основ судоустройства и судопроизводства. Введение новой экономической политики, направленной на максимально быстрое преодоление последствий военного времени, предполагающей некоторые послабления для частного сектора было связано с объективной необходимостью использования иной юридической парадигмы, иных принципов отраслевого регулирования и правоприменительной практики, обеспечивающих более высокий уровень доверия общества к государству в целом и суду в частности, ощущение гражданами должной степени правовой защищенности, стабильность правоотношений и т.п. В этой связи появилась потребность в «реабилитации» традиционной правовой доктрины и свойственных для цивилизованного мира правовых ценностей, в восстановлении многих классических правовых норм,

[1] См.: *Лисицын А.Е.* Московский губернский съезд работников юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1992. № 3. С. 11.

[2] См.: *Шипилов А.В.* Революционная законность и становление советской юстиции (1917–1922 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2006. С. 146–147.

[3] См.: *Шипилов А.В.* Указ. соч. С. 145.

[4] См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. Март ~ июнь. 1921. М., 1970. С. 24.

отраслей, институтов. Возникли предпосылки для воссоздания понятия «закон» и категории «законность»[1].

Все эти причины в своей совокупности дали импульс для больших изменений раннесоветского права, а, сути, для формирования еще не существующей полноценной, максимально приближенной к общепринятым канонам юридической доктрины, соответствующей передовым стандартам мировой цивилизации правовой системы. Проведенные в данном направлении преобразования органов и учреждений советской юстиции, а также порядка осуществления ими полномочий, в частности производства предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, вошли в историю государства и права как судебная реформа 1922 г.

Так, еще в августе 1921 г. был издан специальный декрет «Об усилении деятельности местных органов юстиции»[2], в преамбуле которого отмечалось о претворении в жизнь принципов революционной законности как о важнейшем условии перехода к мирному строительству, как об одной из самых насущных потребностей советского государства. Примерно в это же время начали разрабатываться проекты первых кодифицированных нормативных правовых актов в сфере юстиции.

Несколько позднее указанные идеи активно обсуждались на IV всероссийском съезде деятелей советской юстиции. В частности, выступая с пленарным докладом, председатель ВЦИКа М.И. Калинин обратил особое внимание на необходимость изменения подходов к предназначению советского права, в его превращение из инструмента борьбы с контрреволюцией и уничтожения препятствий, стоящих на пути укрепления советской власти, в почитаемый и уважаемый народом регулятор общественных отношений[3].

На съезде была одобрена предложенная Д.И. Курским общая программа затеваемой судебной реформы, которую планировалось свести с нескольким основным направлениям: 1) к повышению роли органов юстиции в обеспечении социалистической законности и правопорядка;

---

[1] См.: *Трайнин А.Н.* О революционной законности // Право и жизнь. 1922. № 1. С. 5–8; *Бранденбурский Я.Н.* Просто законность или революционная законность? // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31/32. С. 2; *Крыленко Н.В.* О философских выступлениях т. Сольца на тему о «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и его практических по этому поводу предложениях // Статьи о революционной законности / Н.В. Крыленко, В.И. Яхонтов. М., 1926. С. 47–51; и др.

[2] Декрет ВЦИК от 25 августа 1921 г. «Об усилении деятельности местных органов юстиции» // Известия ВЦИК. 1021. № 199. 8 сентяб.

[3] См.: IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26–30 января 1922 г.): материалы. М., 1922. С. 95.

2) к минимизации внесудебной репрессии; 3) к сохранению как народной, так и трибунальной юстиции, но при условии стремления к повышению их интеграции, к большему единству деятельности ординарных и чрезвычайных судов; 4) к изменению порядка уголовного судопроизводства, включая расширение права участвующих лиц; 5) к воссозданию прокуратуры как надзорного ведомства, наблюдающего за соблюдением режима социалистической законности; 6) к возрождению адвокатуры как одного из институтов гражданского общества и т.д.[1] Правда, мнения делегатов съезда не совпадали по ряду деталей, что привело к достаточно серьезным дискуссиям. Причем самые серьезные разногласия касались степени централизации судебной системы и необходимости сохранения трибунальной юстиции. По данным вопросам представители Наркомюста занимали более «консервативную» позицию, предполагающую сохранение организационно обособленных народных судов и революционных трибуналов, отсутствие единого «судебного центра» и т.п. Их оппоненты во главе с не состоящим в то время на службе в Наркомюсте Н.В. Крыленко ратовали за интеграцию народных судов и трибуналов в единую, но при этом включающую несколько звеньев судебную систему во главе с Верховным судом РСФСР[2].

В результате споров и обсуждений на съезде было принято решение об дальнейшем укреплении единой судебной системы во главе с высшим судебным органом, выступающим в качестве кассационной инстанции по отношению ко всем остальным судам. Вместе с тем вопрос об организационном объединении ординарных судов и революционных трибуналов оставался открытым вплоть до ноября 1922 г., когда был окончательно разрешен в новом Положении о судоустройстве РСФСР.

Реформирование системы судебных и правоохранительных органов началось с ликвидации ВЧК и учреждении нового органа, осуществляющего полицейские функции в сфере обеспечения государственной безопасности — Государственного политического управления (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР (НКВД)[3]. В ве́дение органов ГПУ передавались полномочия по подавлению контрреволюционных выступлений, борьбе с бандитизмом, шпионажем, контрабандой, охраной государственных границ,

[1] См.: там же. С. 34.

[2] Подробнее см.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 232–233.

[3] Декрет ВЦИК от 6 февраля 1922 г. № 160 Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов // Известия ВЦИК. 1922. № 30. 8 февр.

железнодорожного и водного транспорта, а также по исполнению специальных поручений ВЦИКа и Совнаркома, связанных с охраной революционного порядка. Тогда как все ранее находившиеся в производстве ВЧК дела об общеуголовных преступлениях передавались для дальнейшего разбирательства в народные суды и революционные трибуналы и впредь становились подсудным указанным органам. При этом на территориальные, транспортные, военные и иные специализированные подразделения ГПУ возлагались функции органов дознания. В частности, они уполномочивались задерживать подозреваемых, заключать их под стражу и предъявлять им обвинение, производить обыски, выемки, а также принимать решения о направлении соответствующих материалов в суд.

В мае 1922 г. после пятилетнего перерыва была воссоздана прокуратура. В ее исключительное ве́дение перешли функции, ранее возлагавшиеся на отделы юстиции, а именно: функции надзора за исполнением законов органами власти и другими субъектами правоотношений на территории РСФСР, в частности наблюдения за деятельностью органов предварительного следствия, милиции, ГПУ, за содержанием лиц под стражей, а также функция поддержания государственного обвинения в судебных заседаниях по уголовным делам[1].

Прокуратура учреждалась как единый, централизованный орган государственной власти, организационно подчиненный Наркомюсту и действующий в его составе. Более того устанавливалось правило, согласно которому Народный комиссар юстиции по своей должности одновременно являлся и прокурором (в современном понимании — генеральным прокурором) республики.

Кстати, подобные идеи разделялись далеко не всеми представителями советской элиты, поэтому вызывали серьезное сопротивление, став предметом острых споров и дискуссий. Так некоторые члены ВЦИКа (например, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев, Л.М. Каганович и Л.Б. Каменев и др.) расценивали единство и централизацию прокуратуры как прямое нарушение революционных принципов, предполагающих выборность местных органов власти и обеспечение правопорядка с участием обладающим рабоче-крестьянским правосознанием народных масс. В этой связи предлагался несколько иной подход, основный на двойственном подчинении губернских, местных и приравненных прокуроров: по вертикали — вышестоящим прокурорским работникам и прокурору Республики, а по горизонтали — соответствующим

[1] Постановление ВЦИК от 28 мая 1922 г. «Положение о прокурорском надзоре» // Известия ВЦИК. 1922. 16 июня.

исполкомам[1]. Решающую роль в указанном споре сыграла позиция В.И. Ленина. В направленном во ВЦИК письме «О двойном подчинении и законности» он говорил о недопустимости калужской, казанской или иной местной законности, настаивая на ее единстве для всего государства. В.И. Ленин отрицал какую-либо потребность в двойственном подчинении прокурорских органов, полагая, что они не наделяются административной властью, а лишь призваны следить за единообразным соблюдением, исполнением, использованием, применением и пониманием правовых норм[2].

В соответствии с Положением на прокуратуру возлагался достаточно широкий круг полномочий в сфере борьбы с преступностью и уголовной юстиции. Так, прокурорам предписывалось: 1) возбуждать по собственной инициативе либо на основании поступающих обращений уголовные производства (судебные преследования в отношении граждан и должностных лиц; 2) осуществлять надзор за проведением дознаний и предварительных следствий, включая указания и разъяснения по поводу избрания мер пресечения и другим возникающим вопросам; 3) рассматривать оконченные производством материалы органов дознания, выносить по ним решения о предании суду либо о прекращении дела; 4) утверждать обвинительные заключения органов предварительного следствия, а в случае несогласия с таковыми прекращать уголовные дела либо самостоятельно составлять обвинительные акты, подлежащие направлению в суд; 5) при необходимости участвовать в распорядительных судебных заседаниях; 6) поддерживать государственное обвинение в суде первой инстанции; 7) опротестовывать решения нижестоящих судов в порядке кассации и высшего судебного контроля (надзора); 8) проверять законность содержания под стражей обвиняемых, освобождать неправомерно арестованных или ненадлежаще содержащихся в тюремных условиях лиц.

Важным направлением проводимой судебной реформы стало воссоздание упразднённой в 1917 г. адвокатуры — в целях обеспечения некоего подобия состязательности судопроизводства и повышения уровня правовой защищённости советских граждан. Вместе с тем в ходе реализация этих намерений тоже возникли существенные разногласия. Так, официальная позиция Наркомюста по данному вопросу основывалась на желании создания сети учреждений по оказанию квалифицированной юридической помощи, в первую очередь по

[1] См.: *Павлов В.А.* Указ. соч. С. 135–136.

[2] См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. Март 1922 ~ март 1923. М., 1970. С. 191–201.

осуществлению представительства в суде, при этом не обладающих абсолютной автономностью и находящихся под контролем государства. Подобный подход обуславливался вполне разумными опасениями, что в противном случае — при превращении адвокатуры в «свободную» юридическую корпорацию с предоставлением ей полной независимости — адвокаты сконцентрируются лишь на интересах обеспеченных слоев населения (кулаков, нэпманов и т.п.) и перестанут защищать права простых трудящиеся[1]. Однако многие губернские съезды и собрания деятелей юстиции придерживались иной позиции — об учреждении адвокатуры как некого независимого от внешнего влияния, слабо подконтрольного профессионального сообщества правозащитников. Окончательная точка в указанном споре была поставлена на том же IV всероссийском съезде деятелей советской юстиции: ввиду сильного давления со стороны Наркомюста неподконтрольность адвокатуры государству была признана неприемлемой, а порядок работы адвокатов по найму — не совместимым с принципами социалистического правосудия, предполагающего превалирование материальной истины над интересами частных лиц, в том числе привлекаемых к ответственности в порядке уголовного судопроизводства[2]. Именно эта позиция и нашла отражение в принятом в мае 1922 г. Положении об адвокатуре[3], в соответствии с которым коллегии профессиональных защитников по уголовном и гражданским делам (адвокатов) учреждались при губернских отделах юстиции. А несколько позднее, в июле 1922 г. Наркомюстом было издано специальное Положение о коллегиях защитников[4], где устанавливалась достаточно сильная административная и финансовая зависимость адвокатов от президиумов соответствующих коллегий, в свою очередь подотчетных и подконтрольных прокурорам и народным судам.

Одной из наиболее важных реперных точек проведенной судебной реформы стало принятие в ноябре 1922 г. нового Положения о судоустройстве РСФСР, в котором были подведены итоги всех многочисленных преобразований в сфере юстиции и установлена единая

[1] См.: *Славин И.В.* Об организации адвокатуры // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 2. С. 5.

[2] См.: *Павлов В.А.* Указ. соч. С. 128–129.

[3] Постановление ВЦИК от 26 мая 1922 г. Положении об адвокатуре // Известия ВЦИК. 1922. 16 июня.

[4] Постановление Наркомюста РСФСР от 5 июля 1922 г. «Положение о коллегиях защитников» // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. М., 1926.

судебная система государства[1]. Положением предусматривалась единая система судов (судебных учреждений), функционирующих на всей территории РСФСР в целях «ограждения завоеваний пролетарской революции, обеспечения интересов государства, прав трудящихся и их объединений».

Система включала: а) уездные (городские) народные суды, действующие в единоличном составе «профессионального» судьи либо того же судьи и двух народных заседателей; б) губернские (областные) суды; в) Верховный Суд РСФСР и его коллегии. При этом на губернские суды, помимо прочего наделялись полномочиями по осуществлению надзора за нижестоящими судами, а Верховный Суд РСФСР — полномочиями по контролю за всеми судебными органами республики, кассационному пересмотру решений губернских судов, надзорному пересмотру решений любых нижестоящих судебных учреждений, а также рассмотрению по существу (в первой инстанции) дел особой государственной важности.

Для производства по наиболее сложным категориям дел, рассмотрение которых предполагало использование особых знаний и навыков, временно учреждались специализированные суды: а) военные трибуналы (по уголовным делам о преступлениях, угрожающим «крепости и мощи красной армии»); б) военно-транспортные трибуналы (по уголовным делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту; в) особые трудовые сессии народных судов (по уголовным делам о преступлениях в сфере нарушения трудового законодательства); г) земельные комиссии (по делам о земельных правоотношениях); д) состоящие при Совете труда и обороны, а также губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии (по делам об имущественных правах между государственными органами). Порядок организации и деятельности указанных специализированных судов определялись особыми правилами (разд. IV Положения).

В Положении еще раз обращалось внимание на существование ранее учрежденных органов прокуратуры, коллегий защитников (адвокатуры). Кроме того, для исполнения судебных решений при уездных (городских) губернских (областных) судах учреждались судебные исполнители, а для выполнения указанных в законе действий — нотариат. И, наконец, Положением еще раз закреплялся статус народных следователей, действующих в пределах вверенных участков, при отдельных судебных учреждениях и уполномоченных осуществлять

[1] Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судоустройстве РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

предварительное расследование преступлений под наблюдением (под надзором) прокуратуры и губернских судов.

Воющее Положением определись лишь организационно-кадровые основы судоустройства, то есть примерно те же правоотношения, которые в настоящее время урегулированы законодательством РФ о судебной системе в целом и различных судебных органах в частности. Так, например, устанавливались требования, предъявляемые к народным судьям и следователям, порядок их избрания и прегрешения их полномочий, правила привлечения к участию в судебных процессах народных заседателей, состав, функции и полномочия губернских (областных) судов, Верховного Суда РСФСР, порядок дисциплинарной ответственности судебных работников и т.д.

Будучи опубликованным лишь в ноябре 1922 г., Положение в отличие от рассмотренных выше предыдущих «судебных» декретов уже не включало правовые нормы, устанавливающие порядок предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел — это вопросы нашли отражение в принятом несколькими месяцами ранее первом советском Уголовно-процессуальном кодексе, характеристике которого посвящена следующая глава настоящей монографии.

Глава II
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР 1922 г.

§ 1. Общая характеристика УПК РСФСР 1922 г.

В истории советского государства и права Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. (УПК РСФСР)[1] обычно позиционируется как некая данность. Ученые, посвятившие свои публикации, указанному периоду развития национальной системы уголовного судопроизводства обычно ограничивались и продолжают ограничиваться констатацией самого факта принятия данного законодательного акта, а также краткой характеристикой его содержания[2]. Тогда как обстоятельства, сопутствующее подготовке и обсуждению проекта первого УПК РСФСР остаются неизвестными.

Вместе с тем подобный историко-правовой вакуум далеко не случаен. К великому сожалению, в силу не вполне понятных причин каких-либо сведений и документов, позволяющих хотя бы частично реконструировать подобные обстоятельства, практически не сохранилось. В частности, эти вопросы толком не освещались в издававшихся на тот период немногочисленных журналах юридической направленности, не были охарактеризованы в доступных на сегодняшний день воспоминаниях и мемуарах современников указанных событий, не нашли отражение в опубликованных в 1920-х гг. научных работах по уголовному процессу и т.д. Для сравнения, принятому в тоже самое время первому Уголовному кодексу РСФСР, «повезло» значительно больше — сохранились многочисленные публикации и прочие сведения, свидетельствующие о достаточно оживленных дискуссиях и спорах, ведущихся в данном сегменте раннесоветского правотворчества; современным исследователям даже доступны некоторые из существовавших рабочих проектов документа.

Однако утверждать о полном отсутствии информации об обстоятельствах подготовки и принятия УПК РСФСР все же не приходится — некоторые подобные, хотя и весьма скудные, сведения

---

[1] Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

[2] См., например: *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 51; *Чельцов М.А.* Указ. соч. С. 156–158; *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 113–114; и др.

можно обнаружить в Государственном архиве РФ. Из сохранившихся документов, в частности, следует, что 1 февраля 1922 г. Наркомюстом в целях разработки кодифицированного источника советского уголовно-процессуального права была создана специальная комиссия в составе председателя Н.В. Крыленко и двух членов: П.А. Красикова и Н.А. Черлюнчакевича; комиссии предписывалось закончить свою работу до 20 февраля 1922 г.[1] Вместе с тем комиссия, по всей вероятности, функционировала значительно дольше, поскольку разработанный законопроект был впервые рассмотрен коллегией Наркомюста 22 марта 1922 г., а также обсуждался на последующих заседаниях коллегии, проведенных 5 и 19 апреля 1922 г.[2], после чего в окончательном варианте был передан в аппарат ВЦИКа[3].

Каких-либо иных, более подробных сведений о подготовке проекта УПК РСФСР обнаружить не удалось! В частности, остаются непонятными причины, повлиявшие на выбор несвойственного для национальных правовых традиций названия принимаемого нормативно-правового акта — не «Устав», не «Уложение», а именно «Кодекс». Конечно, можно предположить, что таким образом авторы законопроекта намеревалось окончательно покончить с «дореволюционным прошлым» и объявить всему миру о зарождении принципиально новых традиций советского законотворчества — собственно говоря, такого результата они, в конечном счете, и добились. Однако почему выбор законодателя остановился на явно позаимствованном из «враждебной», идеологически неприемлемой западноевропейской доктрины и, следовательно, имеющем еще более негативный оттенок термине «кодекс» (от лат. «codex» — книга и фр. «code» — закон, свод правил, кодекс)? Видимо, исследователи так и не смогут получить четкий ответ на данный вопрос и, поэтому будут ограничиваться лишь различными гипотезами. Кстати, одна из таких версий вполне может состоять и в том, что должностных лиц, ответственных за подготовку проекта УПК РСФСР (равно как всех иных готовившихся кодексов), вообще не слишком заботило название будущего документа, либо они окончательно запутались в выборе подходящего термина. По крайней мере, подобное предположение

[1] См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 136.

[2] См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 143–145.

[3] К сожалению, обнаруженные в Государственном архиве РФ протоколы заседаний коллегии Наркомюста подтверждают лишь сами факты рассмотрения указанных вопросов, но не позволяют реконструировать содержание высказывавшихся позиций и возможно имевшей место полемики — подробные стенограммы этих заседаний либо не велись, либо не сохранились.

вытекает из содержания протокола вышеупомянутого заседания коллегии Наркомюста от 1 февраля 1922 г.: в повестке заседания соответствующий вопрос именовался «О разработке процессуальных кодексов», тогда как в резолютивной части протокола было указано «Для разработки Устава уголовного судопроизводства (!) образовать комиссию...»[1].

Итак, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят 25 мая 1922 г. на очередном заседании III Сессии ВЦИКа девятого созыва и введен в действие с 1 июля 1922 г.[2] В отличие от предыдущих нормативных документов ВЦИКа, Совнаркома, Наркомюста и других органов советской власти, устанавливающих те или иные условия и процедуры предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, это был первый подлинно кодифицированный и надлежащим образом систематизированный законодательный акт, определяющий порядок уголовного судопроизводства Советской России[3]. В частности, он характеризовался упомянутыми ранее и присущими полноценной кодификации «эффектом разрыва» и «эффектом кристаллизации».

«Эффект разрыва», обусловленный необходимостью решения стоящих перед кодификацией социально-правовых задач, возникающих в завершении общественно-политического кризиса, и поэтому предполагающий ликвидацию старого юридического порядка и порождение нового[4], выразился в принятии «на вооружение» вытекающей из УПК РСФСР принципиально иной парадигмы уголовного судопроизводства. Кодекс формально легализовал отречение от прежней доктрины, бесповторный отказ от имперского уголовно-процессуального законодательства, соответствующей правоприменительной практики и одновременно ознаменовал начало новой, советской эпохи развития уголовной юстиции, предопределенной другими социальными ценностями и идеологическими установками. Поэтому именно со вступления в действие УПК РСФСР и принято исчислять «новейшую» историю отечественного уголовного процесса.

«Эффект кристаллизации», делающий кодекс «символом остановленного времени», предполагающий «израсходование всей правотворческой энергии» в соответствующей отрасли, на долгие годы лишающий

[1] См.: Государственный архив РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 1. Л. 136.

[2] В этой связи весьма примечательно и даже символично, что современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ был введен в действие ровно через 80 лет (!) — с 1 июля 2002 г.

[3] См.: *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 113; и др.

[4] См.: *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головко. М., 2007. С. 147.

государство потребности в проведении очередных преобразований законодательства[1], выразился в стабильности и устойчивости большинства предусмотренных УПК РСФСР норм и институтов — многие из них практически в неизменном виде просуществовали до следующей реформы уголовного судопроизводства, проведенной на рубеже 1950-х–1960-х гг., а некоторые — сохранились вплоть до настоящего времени. Правда «эффект кристаллизации» был присущ УПК РСФСР с определённой долей условности, поскольку сугубо формально Кодекс просуществовал всего несколько месяцев[2] — уже в феврале 1923 г. был принят новый, а точнее обновленный Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РСФСР 1923 г.)[3]. Вместе с тем новый Кодекс не предполагал каких-либо существенных изменений и отличался от своего предшественника всего несколькими «штрихами», обусловленными незавершенностью формирования советской государственности в целом и органов уголовной юстиции в частности. В первую очередь, в нем отразились изменения, обусловленные принятым несколько позднее первого УПК РСФСР вышеупомянутым Положением о судоустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г., например исключена возможность рассмотрения уголовных дел судом в составе народного судьи и шести народных заседателей. В целом же установленный первым УПК РСФСР порядок уголовного судопроизводства остался практически неизменным и с учетом нескольких незначительных изменений подождал использоваться в течение почти 40 последующих лет.

В этой связи возникает закономерный, хотя и несколько выходящий за предмет настоящей монографии вопрос: с какой целью законодатель в начале 1923 г., намереваясь внести лишь «точечные» изменения в появившийся всего несколько месяцев назад УПК РСФСР, решился на принятие формально нового кодифицированного законодательного акта в сфере уголовного судопроизводства. К сожалению, ответ на данный вопрос нельзя получить ни из одного доступного источника, а ученые-процессуалисты всегда старались аккуратно обойти этот нюанс,

[1] См.: *Кабрияк Р.* Указ. соч. С. 154.

[2] В реальности УПК РСФСР 1922 г. просуществовал намного дольше и был формально отменен лишь в 1928 г. (постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 25 января 1928 г. «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями» // Документ опубликован не был). Однако его фактическое применение было завершено именно с момента вступления в силу УПК РСФСР 1923 г.

[3] Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

не заострять на нем излишнего внимания. Напрашиваются лишь две более или менее приемлемые гипотезы. Во-первых, подобный правотворческий шаг мог быть обусловлен банальным отсутствием у советского законодателя правотворческого опыта и (или) правотворческой культуры — ответственные за уголовно-процессуальную политику должностные лица могли просто не осознавать возможность внесения в кодифицированный нормативно-правовой акт каких-либо текущих поправок или, что вероятнее, не представлять порядок проведения соответствующей процедуры. Во-вторых, нельзя игнорировать и тот факт, что 30 декабря 1922 г. было образовано новое государство — Союз советских социалистических республик (СССР). Поэтому если первый УПК РСФСР принимался как закон полностью автономной и независимой страны, то УПК РСФСР 1923 г. — как закон союзной республики в составе общей федерации.

Верна ли хотя бы одна из указанных гипотез или они обе ошибочны, в сущности, не так уж и важно. Гораздо важнее другое — то, что первый УПК РСФСР и УПК РСФСР 1923 г. уже давно перестали представляться как два самостоятельных Кодекса; в настоящее время они воспринимаются как некий единый феномен, как две редакции одного и того же законодательного акта, регламентирующего порядок раннесоветского уголовного судопроизводства.

Наряду с «эффектом разрыва» и «эффектом кристаллизации» УПК РСФСР обладал и другими признаками, присущими классической кодификации, в частности «эффектом полноты» и «эффектом оценки». Так, «эффект полноты», выраженный в самодостаточности кодифицированного законодательного акта, в его укомплектованности всеми необходимыми для соответствующей отрасли права предписаниями, дозволениями, запретами и др., в отсутствии необходимости обращения к иным, как бы «внешним» источникам[1], был присущ правотворческой политике в сфере уголовного судопроизводства со времени принятия УУС. Эти же подходы были полностью восприняты раннесоветским законодателем, стремившимся, как уже неоднократно отмечалось ранее, сохранить наиболее прогрессивные традиции национального правотворчества, но с учетом надлежащей адаптации к новым социально-патетическим реалиям и новым условиям развития советской государственности.

Кстати, в отличие от более поздних кодифицированных источников уголовно-процессуального права, в частности от действующего УПК РФ, первый УПК РСФСР вообще содержал достаточно мало

[1] См.: *Кабрияк Р.* Указ. соч. С. 167.

бланкетных положений, предполагающих потребность постоянного обращения правоприменителей к иным законодательным актам. Таковыми в силу понятных причин были преимущественно правовые гипотезы, обусловленные тяжестью инкриминируемого преступления, поэтому отсылающие к нормам уголовного закона (ст. 10, 26, 28, 406 УПК РСФСР и др.) и некоторые другие положения, подразумевающие потребность в издании специальных подзаконных нормативных правовых актов, например инструкций Наркомюста о размерах вознаграждений участвующим в уголовных делах переводчикам (ст. 76 УПК РСФСР).

«Эффект оценки», предполагающий признание системы включённых в кодекс правовых норм обладающей большей значимостью по сравнению с простой совокупностью некодифицированных положений, в частности превращающей соответствующую правовую материю в некую автономию[1], также стал следствием преемственности УПК РСФСР по отношению УУС как первому кодифицированному и автономному источнику уголовно-процессуального права. И в этой связи стоит напомнить, что действовавший до судебной реформы 1864 г. архаичный 15-й том Свода законов Российской империи являлся лишь попыткой кодификации национального законодательства в области уголовной юстиции, а по сути представлял собой именно совокупность достаточно разрозненных и зачастую не согласованных друг с другом положений материального и процессуального права, объединенных в общий правовой «фолиант». Тогда как УПК РСФСР, напротив, подразумевал существование самостоятельной отрасли права, был автономным законодательным актом, содержащим хорошо систематизированную и находящуюся в достаточно удобном для изучения и использования порядке совокупность правовых норм, определяющих порядок производства по уголовным делам. Кстати, структура первого советского Кодекса тоже имела весьма высокую степень преемственности по отношению к УУС.

Так, УПК РСФСР включал 32 главы, объединенные в шесть отделов (частей). Первый отдел посвящался наиболее общим вопросам осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Он содержал правовые положения, определяющие взаимосвязь уголовного процесса с уголовным правом, устанавливающие основные нормы-дефиниции, регламентирующие принципы уголовного судопроизводства, состав суда и правила подсудности, основы доказательственного права, а также порядок составления следственных и судебных

[1] См.: там же. С. 159–160.

протоколов, исчисления процессуальных сроков и взыскания судебных издержек. Второй отдел охватывал вопросы досудебного производства. В него включались нормы, предусматривающие порядок возбуждения производства по уголовному делу и осуществления «полицейского» дознания, общие требования, предъявляемые к предварительному следствию, а также правила проведения следственных действий, принятия процессуальных решений, привлечения в качестве обвиняемого, приостановления и окончания предварительного расследования. Третий раздел касался производства в суде первой инстанции. Его содержание сводилось к требованиям, предъявляемым к проведению распорядительных заседаний и судебных заседаний, направленных на рассмотрение уголовных дел по существу, включая регламентацию судебного следствия, прений сторон, последнего слова подсудимого и, в особенности, постановления приговора. Кроме того, в данный раздел включались правовые положения, определяющие порядок кассационного и надзорного обжалования приговоров и определений суда, рассмотрения частных жалоб, возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, а также правила проведения особых производства (постановления заочных приговоров, рассмотрения дел в дежурных камерах, в особых сессиях народных судов и в порядке судебного приказа). Четвёртый раздел посвящался особенностям производства в трибуналах, а пятый раздел — производству в порядке высшего судебного контроля Наркомюста. И, наконец, шестой раздел регламентировал порядок исполнения приговоров. Более подробно содержание конкретных положений УПК РСФСР будет освещено в последующих параграфах настоящей главы.

Итак, УПК РСФСР ознаменовал начало «новейшей» истории отечественного уголовного судопроизводства, став предтечей последующих кодифицированных актов в данном сегменте правового регулирования. Одновременно с его принятием возникло и множество достаточно противоречивых тенденций, присущих всему дальнейшему развитию уголовно-процессуальных правоотношений и сохраняющихся вплоть до настоящего времени. Например, именно в связи с принятием УПК РФ зародилась весьма негативная тенденция, направленная на гиперформализацию уголовно-процессуального права, выражающаяся в стремлении «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем это требует здравый смысл и постепенно превращающая уголовно-процессуальный закон в пошаговую инструкцию, в «памятку» для безграмотных

правоприменителей[1]. Кстати, на эту особенность УПК РСФСР обращалось внимание сразу после его принятия. В частности, один из современников тех событий А.Е. Лисицын, писал об излишней бюрократизации уголовного процесса, приводящей к увеличению нагрузки на судей и сказывающейся на качестве рассмотрения соответствующих дел. В этой связи автор предлагал сократить количество предусмотренных УПК РСФСР судебных протоколов, заменив некоторые из них короткими резолюциями[2].

Вместе с тем в целом УПК РСФСР возымел весьма положительный эффект, поскольку, сохранив многие традиции национального правотворчества, одновременно покончил с рядом пережитков, присущих уголовной юстиции Российской империи, а также предопределил многолетний вектор дальнейшего развития советского и даже в какой-то части постсоветского уголовно-процессуального законодательства. И таким образом УПК РСФСР можно расценивать как один из правовых памятников уголовно-процессуального права.

§ 2. Общие положения уголовно-процессуального права по УПК РСФСР 1922 г.

Принципы уголовного судопроизводства по УПК РСФСР. Установленный УПК РСФСР режим уголовного судопроизводства опирался на ряд фундаментальных принципов — концептуальных правовых положений, объективно отражающих закономерности начального периода развития советского государства и определяющих обусловленные ими общие подходы к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности в целом, а также правила поведения различных процессуальных действий и принятия различных решений в частности. Другими словами, эти принципы выполняли примерно такую же роль, которая остается присуща и нынешним концептуальным идеям в данном сегменте правового регулирования — создавали надлежащую базу, фундамент для построения эффективной системы уголовного судопроизводства, отражали ее форму и содержание, обуславливали уровень защиты прав и свобод личности, являлись основным критерием для определения

[1] Подробнее см.: *Россинский С.Б.* УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46.

[2] См.: *Лисицын А.Е.* Нужно упростить судопроизводство // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 43. С. 2.

исторического типа уголовного процесса и т.д. Вместе с тем раннесоветские принципы не характеризовались свойственной для современного правотворчества высокой степенью правовой формализации, то есть, как правило, предполагали некую «неписанность», не были четко предусмотрены УПК РСФСР, а лишь вытекали из его смысла, угадывались исходя из содержания более частных положений уголовно-процессуального права. Хотя имелись и некоторые исключения, например, прямо установленные законом принципы языка уголовного судопроизводства (ст. 22 УПК РСФСР), свободы оценки доказательств (ст. 61 УПК РСФСР) и др.

Одним из «неписанных» и наиболее важных принципов раннесоветского уголовного процесса являлся принцип социалистической законности, выражающийся в необходимости точного и неукоснительного соблюдения, исполнения, использования и применения органом дознания, следователем, прокурором и судом положений советского права, определяющих условия и порядок предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Его существование обуславливалось известными традициями национальной уголовной юстиции, а также самим фактом принятия и введения в действие Уголовно-процессуального кодекса, достаточно подробно регламентирующего полномочия указанных субъектов и правила их реализации, за нарушение которых предусматривались определённые «санкционные» последствия, например, отмена приговора (ст. 359–363 УПК РСФСР), незамедлительное освобождение лица из-под стражи (ст. 6 УПК РСФСР) и т.д.

Предопределённые принципом социалистической законности требования можно было условно разредить на материально-правовую и процессуальную группы. В первую входили предписания и запеты бланкетного характера, вызванные зависимостью назначения уголовного судопроизводства от периодически возникающей потребности в применении положений материального (уголовного) права. В частности, устанавливалось требование о применении уголовного закона, действующего в момент совершения преступления, за исключением деяний, подпадающих под правила обратной силы уголовного закона (ст. 2 УПК РСФСР). Запрещалось и повторное привлечение к уголовной ответственности ранее осужденных за те же самые преступления лиц, кроме исключительных случав, связанных с рассмотрением некоторых дел революционными трибуналами, а также пересмотром приговоров в порядке высшего судебного контроля (надзора) либо возобновлением уголовных дел ввиду вновь открывшихся обстоятельств (ч. 1 ст. 3 УПК РСФСР). Вторая (процессуальная) группа была

значительно шире по объему; она включала всю совокупность требований, связанных с процессуальной формой (с порядком) проведения определенных действий и принятия определенных решений, то есть обусловленных их обремененностью гарантиями юридической доброкачественности панируемых результатов. Так, например, не допускалось приостанавливать вынесение и исполнение процессуальных решений вследствие неполноты, неясности или коллизионности соответствующей законодательной базы (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР), предъявлять обвинение без достаточности доказательств (ч. 1 ст. 131 УПК РСФСР), нарушать тайну совещания судей (ст. 321 УПК РСФСФ) и т.д., и т.п.

Еще один из «неписанных» принципов сводился к так называемой публичности (официальности) уголовного судопроизводства, предполагающей нахождение предварительного расследования и судебного разбирательства в ве́дении государственных органов и должностных лиц (органа дознания, следователя, прокурора, суда), специально наделенных комплексом дискреционных полномочий властно-распорядительного характера[1], подлежащих осуществлению не иначе как в режиме правовой императивности. Более того, несмотря на преемственность УПК РСФСР по отношению к УУС, предусмотренный им порядок уже заметно отличался от классической смешанной формы уголовного судопроизводства, фрагментарно тяготел к инквизиционному процессу, в связи с чем в части некоторых правоотношений был даже не публичным, а гиперпубличным, полностью исключающим процессуальную правосубъектность невластных участников, заинтересованных и исходе дела. Например, участие защитника ограничивалось лишь судебными стадиями уголовного судопроизводства (ст. 59 УПК РСФСР), обвиняемому не предоставлялась возможность возражать против прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ст. 206 УПК РСФСР) и т.д.

Наиболее ярко этот принцип выражался в обязанности публичного уголовного преследования по большинству выявленных фактов преступной деятельности. Так, прокуратуре предписывалось возбуждать публичное уголовное преследование перед судом или следственными органами (с. 9 УПК РСФСР), а в необходимых случаях поддерживать в судебном заседании государственное обвинение (ст. 8 УПК РСФСР), причем отказ прокурора от обвинения вовсе не предопределял безусловное прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию (ст. 310 УПК РСФСР). Вместе с тем в отдельных случаях начало осуществления публичного уголовного преследования ставилось

[1] См.: *Вышинский А.Я.* Указ. соч. С. 140.

в зависимость от волеизъявления потерпевшего (ст. 11 УПК РСФСР). А некоторые уголовные дела, помимо этого, подлежали прекращению вследствие примирения сторон (ст. 10 УПК РСФСР) и предполагали диспозитивную возможность поддержания обвинения самим потерпевшим или его представителем.

К «неписанным» принципам раннесоветского уголовного процесса, вне всяких сомнений, относился и принцип сочетания устности и письменности производства по уголовному делу. Так идея устности, предопределяла вербальный порядок судебного исследования доказательств (допросов обвиняемых, потерпевших, свидетелей, оглашения письменных документов), реализации прав участников судопроизводства (заявления ходатайств, отводов, участия в прениях сторон и пр.), а также оглашения судебных решений, в первую очередь приговора. Условие устности, являясь неприемлемым атрибутом состязательного типа уголовного процесса, было унаследовано советским законодателем от прежнего, имперского порядка судопроизводства. Так же, как и в настоящее время, оно способствовало созданию особой ритуальной атмосферы правосудия и одновременно содействовало реализации других, не менее важных условий судебного разбирательства: непосредственности, гласности, обеспечения права на защиту, доступа к правосудию и т.д.

Однако установленный УПК РСФСР режим уголовного судопроизводства, будучи достаточно сильно дистанцированным от канонов состязательности и, как уже отмечалось выше, основанным на континентальной модели с некоторым перекосом в сторону инквизиционности, просто не мог обходиться без использования письменной фиксации процессуальных действий, решений и т.д.[1] В этой связи Кодекс уделял достаточно пристальное внимание документированию хода и результатов досудебного и судебного производства, в первую очередь правилам составления следственных и судебных протоколов, постановлений, приговоров, других письменных материалов (ст. 81–86, 132, 149, 337–338 УПК РСФСР и др.)[2].

Среди «писанных», то есть прямо предусмотренных Кодексом принципов уголовного процесса особую актуальность приобретало концептуальное положение о неприкосновенности личности, попавшей в зону уголовного преследования. Так, устанавливалось, недопустимость лишения человека свободы, в частности заключения под стражу, иначе

[1] См.: *Чельцов М.А.* Указ. соч. С. 187.

[2] См.: *Симсон С.А.* Спорные вопросы Уголовно-процессуального кодекса // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 33. С. 7–9.

чем в предусмотренных законом случаях и в строго предусмотренном законом порядке (ст. 5 УПК РСФСР). Одновременно каждому судье и прокурору предписывалось при обнаружении факта неправомерности или нарушения сроков ареста либо лишения свободы человека, незамедлительно освобождать его из-под стражи (ст. 6 УПК РСФСР). Кроме того, на прокуратуру и суд возлагались функции надзора (контроля) за соблюдением надлежащих условий содержания под стражей и при необходимости принятия мер соответственно прокурорского или судебного реагирования (ст. 7 УПК РСФСР).

Еще один «писанный» принцип был связан с языком уголовного судопроизводства как официальным средством коммуникации участников уголовно-процессуальных правоотношений, в первую очередь устного или письменного выражения ими своего волеизъявления и исполнения своих обязанностей. В отличии от установленной ранее, в период действия «судебных» декретов полиязычности уголовного судопроизводства Кодекс предусматривал моноязычный режим, но предполагающий исключения, обусловленные многонациональным составом населения и соответствующей политикой советской власти. Так, производство по уголовному делу надлежало осуществлять на русском языке либо на ином языке, носителем которого являлось большинство людей, проживающих на определенной территории. При этом лицам, не владеющим (недостаточно владеющим) языком уголовного судопроизводства предоставлялась возможность вступать в соответствующие правоотношения посредством приглашения переводчика. В частности, устанавливалась обязательность перевода всех подлежащих вручению обвиняемому и оглашению процессуальных документов (ст. 22 УПК РСФСР).

В Кодексе был воспроизведен ранее установленный Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. принцип практически полной, но при этом все же предполагающей некоторые формальные ограничения свободы оценки доказательств. Как и тремя годами ранее, такое правотворческое решение было направленно на формирование новой, «социалистической» доктрины доказательственного права, впоследствии нашедшей отражение во всех законодательных актах, регламентирующих основы и порядок уголовного судопроизводства, и с учетом нескорых коррективов используемой по сей день. С одной стороны, подобным образом государство намеревалось сделать внутреннее усмотрение соответствующего правоприменителя главным средством определения надежности любых доказательств и их совокупной достаточности для принятия того или иного решения. Иными словами, предполагалось полностью покончить с наблюдавшимися в уголовном процессе Российской империи некоторыми признаками теории

формальных доказательств как архаичного пережитка прошлого, в частности окончательно отменить дифференциацию свидетельских показаний в зависимости от вероисповедания соответствующего лица, тайну купеческих книг и других документов, свидетельствующих о принадлежности их владельца к определённому сословию и т.д. Однако, с другой стороны, авторы УПК РСФСР понимали значение процессуальной формы, как инструмента, позволяющего ограничить вседозволенность органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, снизить риски злоупотреблений государственно-властными полномочиями, создать гарантии юридической доброкачественности получаемых познавательных результатов, особенно в условиях далеко не надлежащего уровня профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности и практического опыта первых советских «служителей Фемиды». В этой связи законом предусматривался исчерпывающий перечень допускаемых к использованию доказательств (ст. 62 УПК РСФСР), а также определялся четкий порядок их собирания, в случае нарушения которого подразумевалось процессуальное обесценивание соответствующего доказательства (говоря современным языком, лишение доказательства юридической силы). Кроме того, сохранялось и ранее установленное Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. правило, запрещающее включать в доказательственную массу сведения, полученные в ходе принесения присяги.

Раннесоветский уголовно-процессуальный закон содержал еще одно важное положение — гласность судебного заседания, предполагающее отрытый режим правосудия, то есть возможность каждого желающего, достигшего 14-летнего возраста, присутствовать в зале суда и лично наблюдать ход и содержание судебного процесса. Тогда как ограничения подобного режима с удалением «посторонних» допускались лишь в случаях опасности разглашения государственной, военной, дипломатической тайны и при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности, а судебный процесс оставался открытым лишь в части провозглашения приговора (ст. 19–21 УПК РСФСР). Вместе с тем, такой постулат вряд ли можно было считать полноценным принципом — он относился не ко всему, а лишь к части уголовно-процессуальной деятельности, применялся только в ходе судебного производства[1], тогда как досудебные механизмы в силу понятых причин продолжали осуществляться на основании полуинквизиционных (следственных) подходов со свойственной для них тайностью расследования уголовного дела.

[1] См.: *Вышинский А.Я.* Указ. соч. С. 144.

В публикациях советских ученых выделялись и другие принципы, присущие раннесоветскому уголовному процессу: состязательность, презумпция невиновности, непосредственность исследования доказательств и т.д.[1] Не в коей мере не отрицая значимости этих положений для развития законодательства, признавая всю фундаментальность и глубину научных изысканий «классиков», вместе с тем следуют признать, что подобные суждения все же не столько основывались на законе, сколько имели сугубо теоретический характер. По крайней мере, ни сами нормы УПК РСФСР, ни вытекающий из них смыл не позволяют обнаружить подобных требований. И таким образом, позиции советских ученых следует расценивать как некие оптимистические прогнозы на будущее, высказываемые с надеждой дальнейшего развития механизмов досудебного и судебного производства по «последнему слову» правовой доктрины и максимального использования указанных принципов в повседневной правоприменительной практике.

Суд и стороны в уголовном судопроизводстве по УПК РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. не предполагал боле или менее четкой систематизации участников уголовного судопроизводства, подобно тому, как этот вопрос решается в действующем законодательстве, не предусматривал отдельной главы (раздела), специально посвящённой системному изложению статусов всех государственных органов, должностных лиц, граждан и организаций, вовлекаемых в предварительное расследование и судебное разбирательство как носителей властных полномочий, а также невластных прав и обязанностей, вытекающих из содержания и предназначения соответствующих общественных отношений. Вместо этого гл. III УПК РСФСР определяла лишь правовое положение суда и представителей сторон[2] как участников, отстаивающих публичные либо частные интересы.

При этом основным субъектом уголовного процесса признавался суд; он был наделен исключительными полномочиями по осуществлению правосудия, выраженными в способностях разрешать уголовно-правовое споры сторон и применять положения уголовного закона, в частности признавать лиц виновными в совершении преступлений и назначать им соответствующее наказание. Кроме того, суд наделялся

[1] См., например: *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 99, 108–109, 112; *Чельцов М.А.* Указ. соч. С. 179, 189; и др.

[2] В соответствии с ч. 6 ст. 23 УПК РСФСР под сторонами в раннесоветском уголовном процессе понимались: прокурор как государственный обвинитель: гражданский истец и представители его интересов; обвиняемый, его законные представители и защитники; потерпевший в тех случаях, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение и представители его интересов.

функций судебного контроля за предварительным следствием посредством работы с жалобами сторон и иных лиц, подлежащих направлению, рассмотрению и разрешению в порядке гл. XVIII УПК РСФСР. Уголовно-процессуальная деятельность суда основывалась на известном постулате о неизменности его состава, сводящемся к обязанности рассмотрения каждого дела в полном объеме одним и тем же судьей или одной и той же коллегией судей. Тогда как при замене кого-либо из членов суда по объективным причинам производство по делу требовалось начинать заново.

Под обвинителем по смыслу закона понимался субъект уголовного судопроизводства, осуществляющий в ходе судебного разбирательства уголовное преследование привлекаемого к ответственности лица (подсудимого) посредством поддержания публичного или частного обвинения. При этом в качестве публичных (государственных) обвинителей предусматривалось участие сотрудников прокуратуры: прокурора Республики, губернских, военных и иных специализированных прокуроров, их помощников и т.д. Одновременно УПК РСФСР устанавливал институт так называемого общественного обвинения — особой формы уголовного преследования, осуществляемой представителями социалистического социума. Так общественными обвинителями могли признаваться уполномоченные профессиональных союзов, инспекторы труда, представители иных рабоче-крестьянских инспекций (технической, продовольственной, санитарной и т.д.) по уголовным делам о преступлениях, относящихся к предмету их ве́дения. Кроме того, к осуществлению полномочий общественного обвинителя по решению суда допускались и другие лица, например, ответственные сотрудники государственных предприятий, учреждений, организаций, представители трудовых коллективов и др.

По некоторым уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой тяжести, например о побоях, оскорблении, клевете и др. допускалось так называемое частное обвинение, право поддержания которого предоставлялась потерпевшему или его представителю (адвокату, близкому родственнику, в том числе законному представителю, а также уполномоченному профессионального союза или представителю соответствующей рабоче-крестьянской инспекции). Вместе с тем УПК РСФСР еще не предусматривал подробной регламентации статуса потерпевшего. Сущность этого участника как субъекта, которому преступлением был причинен физический, имущественный или моральный вред, скорее угадывалась по смыслу закона. А некоторые предоставленные ему права вытекали из целого ряда достаточно бессистемных положений общей и особенной частей Кодекса. Так

потерпевший был управомочен инициировать уголовное преследование, участвовать в производстве ряда следственных действий и судебном заседании, задавать вопросы подсудимому и свидетелям, выступать в судебных прениях, обжаловать приговоры, осуществлять иные действия, направленное на защиту своих частных интересов. Кроме того, потерпевший имел право предъявить обвиняемому гражданский иск и поддерживать его как лично, так и с помощью все того же представителя.

Основным участником со стороны защиты являлся обвиняемый — лицо, предварительно привлеченное к уголовное ответственности, то есть адресат выдвинутой государством уголовно-правовой претензии (обвинения). И в этой связи весьма примечательно, что законодатель не посчитал целесообразным включить положения, регламентирующие процессуальный статус обвиняемого в гл. III УПК РСФСР — эти положения, как в и части потерпевшего, вытекали из целого ряда статей общей и особенной частей Кодекса. Например, правовые условия признания лица обвиняемым были предусмотрены ст. 131 УПК РСФСР — для предварительного следствия, ст. 226–228 УПК РСФСР — для прокурорской проверки материалов дознания и ст. 237 УПК РСФСР — для предварительного рассмотрения судьей непосредственно поступивших в суд уголовных дел. Основные диспозитивные возможности (права) обвиняемого — возражать против обвинения, давать пояснения по существу обвинения, пользоваться помощью защитника, участвовать в следственных действиях и судебном заседании, выступать в судебных прениях, обжаловать приговор и др. — вытекали из множества процессуальных положений, регламентирующих соответствующие правоотношения; аналогичным образом устанавливались и обязанности обвиняемого, и правовые санкции за их ненадлежащее исполнение.

Еще более примечательным является то, что УПК РСФСР не предусматривал статуса подозреваемого, по крайней мере в современном понимании этого субъекта как лица, находящегося на начальном этапе осуществления в отношении него уголовного преследования, то есть при наличии предварительных данных, указывающих на совершении им преступления, еще не достаточных для предъявления полноценного обвинения. В силу определённой преемственности раннесоветского уголовного процесса по отношению к соответствующим дореволюционным механизмам подозреваемым признавался не полноценный участник предварительного следствия, а лицо, попавшее в сферу полномочий органа дознания, — именно такой смысл и вкладывался в понимание этого субъекта, несколько раз упомянутого в гл. VIII

УПК РСФСР, определяющей правовые условия и порядок дознания, например в связи с задержанием лица, получения у него объяснений и т.д.

Для защиты прав и законных интересов обвиняемого в судебном заседании УПК РСФСР предусматривал участие защитника. В качестве таковых допускались профессиональные адвокаты (члены коллегии защитников), близкие родственники обвиняемых, уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий, Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), Всероссийского центрального союза потребительских обществ (ВЦСПО), других профессиональных и общественных организаций, а по особому разрешению суда — и другие лица. При этом обеспечение защитника признавалось обязательным в случаях рассмотрения уголовного дела с участием шести народных заседателей, нахождения подсудимого под стражей, участия в деле обвинителя, а также в случаях физической ущербности обвиняемого (слепоты, глухоты, немоты и т.д.), лишающей его адекватно воспринимать окружающую реальность и быть полноценным субъектом уголовно-процессуальных правоотношений.

Раскрывая правовое положение суда и представителей сторон, законодатель одновременно установил перечень обстоятельств, исключающих участие в уголовном деле, которые можно было условно разделить на предполагающие необъективность и предполагающие небеспристрастность соответствующего субъекта судьи, прокурора, защитника, секретаря служебного заседания и т.д. (45, 47, 48, 52, 53, 60 УПК РСФСР). Одновременно устанавливался порядок самоотводов и отводов указанных лиц (ст. 49–52 УПК РСФСР).

Доказательства и доказывание. По сравнению с применявшимся до революции УУС в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР были принципиально по-иному решены многие вопросы доказательственного права как стержня всей процессуальной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокурора, суда, а также невластных субъектов уголовного судопроизводства, обусловливающего существование подавляющего большинства соответствующих полномочий и правомочий, наполняющих их конкретным смыслом. Как уже отмечалось ранее, посредством подобных нововведений разработчики Кодекса заложили основы новой, «социалистической» доктрины доказательственного права, основанной на отрицании ряда устаревших, по их мнению, правовых догм (пережитков дореволюционной теории доказывания) и одновременно на усилении роли процессуальной формы и увеличении объема процессуальных

гарантий, влияющих на юридическую доброкачественность и надёжность получаемых результатов. Тем более, что многие представители русской процессуальной школы XIX — начала XX вв., будучи подвержены сильному влиянию господствующих в то время постулатов формальной логики, понимали под доказательствами любые основания для судейского убеждения, то есть отождествляли их с достаточно неопределенной, расплывчатой, плохо сочетаемой с требованиями процессуальной формой категорией «логический аргумент»[1]. Тогда как в советской процессуальной доктрине ввиду понятных причин укоренились принципиально иные подходы, основанные на набирающем обороты диалектическом материализме в его марксистко-ленинском истолковании и предполагающие несколько вариативное, но все же достаточно единообразное понимание доказательств как фактов, фактических данных и (или) их источников[2].

В этой связи УПК РСФСР впервые в истории отечественного уголовно-процессуального права прямо закрепил перечень доказательств, к которым были отнесены показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы, а также личные объяснения обвиняемого.

Так, под показаниями свидетелей по смыслу закона надлежало понимать вербальные сведения, сообщаемые свидетелями как в форме свободного рассказа об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, так и в форме ответов на вопросы следователя, суда и сторон. При этом для обеспечения возможности получения таких сведений предусматривались меры воздействия на лиц, нежелающих исполнять соответствующие процессуальные обязанности: юридическая ответственность за отказ от дачи показаний и право следователя подвергнуть неявившееся без уважительной причины лицо принудительному приводу (ст. 64, 66 УПК РСФСР). Одновременно устанавливался запрет на допрос в качестве свидетелей отдельных категорий лиц, а именно: а) защитников обвиняемых по данному уголовному делу; б) психически или физически неполноценных лиц, не способных

[1] См.: *Спасович В.Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 5, 7; *Баршев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 52; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 194; и др.

[2] См.: *Вышинский А.Я.* Указ. соч. С. 101–102; *Чельцов М.А.* Указ. соч. С. 248; *Рахунов Р.Д.* Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 22–25; Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 146; и др.

адекватно воспринимать окружающую реальность и (или) сообщать правильные сведения; в последнем случае для оценки возможности допроса предполагаемого свидетеля разрешалось приглашать экспертов (ст. 65 УПК РСФСР).

Весьма примечательно, что в отличие от современного уголовно-процессуального законодательства УПК РСФСР не предусматривал иных видов показаний: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. В части показаний подозреваемого эту особенность раннесоветского доказательственного права можно объяснить особым правовым статусом этого участника, не считавшегося, как отмечалось выше, полноценным субъектом уголовного судопроизводства, тогда как в части потерпевшего указанный нюанс, по всей вероятности, обусловливался совершенно разумной и, к сожалению, не принятой во внимание современным законодателем позицией об отсутствии необходимости в установлении еще одного познавательного ресурса, по сути, аналогичного показаниям свидетеля[1]. Однако наиболее интересными и противоречивыми представляются заложенные в УПК РСФСР подходы к сведениям, сообщенным обвиняемыми. С одной стороны, такие сведения надлежало расценивать не в качестве показаний, а в качестве личных объяснений обвиняемого (ч. 1 ст. 61 УПК РСФСР) — этим подчеркивался их особый статус, предполагающий двуединое предназначение: как средства познания обстоятельств уголовно дела и одновременно как средства защиты от уголовного преследования. Вместе с тем, с другой стороны, раскрывая сам прядок предъявления обвинения, законодатель, фактически противореча сам себе, называл сообщаемые обвиняемым по данному поводу сведения уже не объяснениями, а именно показаниями (ст. 139, 141, 142 УПК РСФСР); о показаниях обвиняемого говорилось и применительно к отражению указанных сведений в протоколе судебного заседания (ст. 85 УПК РСФСР).

Под заключением эксперта, исходя из смысла, вытыкающего из системного единства ряда положений УПК РСФСР, понимался некий познавательный продукт, основанный на использовании специальных знаний в науке, искусстве или ремесле. Однако при этом из положений закона не усматривалась четкого предписания, предполагающего оформлять экспертное заключение в виде письменного документа, содержащего результаты исследований и сформулированные на их основе выводы по вопросам, поставленным народным следователем,

[1] См.: *Россинский С.Б.* Потерпевший: проблемы уголовно-процессуального статуса // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 72.

судом или сторонами — такие правила скорее вытекали из унаследованных от дореволюционной практики прикладных рекомендаций по производству судебных экспертиз. Сами разработчики УПК РСФСР достаточно бесцеремонно отнеслись к данному средству доказывания, фактически смешав в общую массу несколько различных процедур, связанных с вовлечением в уголовный процесс сведущих лиц: судебную экспертизу, допрос эксперта, а также его привлечение для оказания содействия при производстве следственных действий. Например, следователю в ходе допроса эксперта предписывалось удостоверяться в его личности, предупреждать о необходимости давать заключение и об ответственности за ложность выводов, ставить перед ним подлежащие разрешению вопросы и т.д. (ст. 173–174 УПК РСФСР). А вызванное в качестве эксперта лицо, в свою очередь, обязывалось являться для участия в осмотрах, освидетельствованиях и дачи заключений (ст. 68 УПК РСФСР). Причем его присутствие признавалось обязательным для установления причины смерти, характера телесных повреждений или диагностики вызывающего сомнение психического состояния обвиняемого или свидетеля; в остальных ситуациях вызов эксперта находился в зоне дискреционных полномочий народного следователя или суда; им же предоставлялось право определять количество подлежащих вызову экспертов (ст. 172 УПК РСФСР).

Наиболее четкой регламентации в раннесоветском уголовно-процессуальном законодательстве удостоились вещественные доказательства. В соответствии со ст. 70 УПК РССР под ними понимались предметы, послужившие орудиями преступления, сохранившие на себе его следы, ставшие объектами преступного посягательства, а также имеющие какую-либо иную связь с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу (могущие «служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных»). Одновременно устанавливались требования, предполагающие обязанность приобщения таких предметов к материалам следственного или судебного производства, а также правила их дальнейшего хранения, использования, уничтожения и т.д. (ст. 71–75 УПК РСФСР).

Протоколам и письменным документам, наоборот, уделялось явно недостаточное внимание. Законодатель вообще глубоко не погружался в сущность данных познавательных ресурсов, не разграничивал их гносеологические свойства и выполняемую ими роль в установлении и доказывании обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, воспринимая их как единый массив объектов, сходных по письменной форме фиксации полезных сведений. В связи с чем предусматривалась лишь достаточно общее, не предполагающее

конкретности положение о возможности их использования доказывании при соблюдении неких правил их собирания, хранения и рассмотрения (ст. 63 УПК РСФСР).

В определенной степени подобный изъян был обусловлен слабой доктринальной проработанностью данных вопросов — серьезные научные исследования, посвященные указанной проблематике, начали проводиться значительно позже: в части документов — в 1960-х – 1970-х гг.[1], а в части протоколов (результатов) осмотров, освидетельствований, обысков и других невербальных следственных и судебных действий — лишь автором настоящего параграфа на рубеже 2000-х – 2010-х гг.[2] По всей вероятности, разработчики раннесоветского уголовно-процессуального законодательства, еще не до конца осознавали различий между протоколами как уголовно-процессуальными документами, фиксирующими результаты собственного наглядно-образного восприятия следователем материальных фрагментов объективной реальности в строго установленном законом порядке[3], и письменными документами (в современном понимании — иными документами), исходящими от различных государственных органов, должностных лиц, граждан, организаций и т.д., содержащими сведения, полученные вне уголовно-процессуальных отношений. Вместе с тем было бы несправедливо считать, что законодатель вообще не предполагал никакой разницы между следственными протоколами и другими письменными документами — в отличие от вытекающего из смысла закона свободного режима собирания и приобщения к уголовному делу документов, порядок формирования следственных протоколов все же обуславливался рядом положений Кодекса. Таковыми являлись нормы, определяющие форму и содержание следственных протоколов (ст. 81–82 УПК РСФСР), правила производства самих невербальных следственных действий (гл. XIV–XV УПК РСФСР), требования к участию понятых (ст. 78–80 УПК РСФСР) и т.д., соблюдение которых и обуславливало допустимость указанных

[1] См.: *Голубятников С.П.* Учетные документы как доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 5; *Копьева А.Н.* Документы как доказательства в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. С. 6; *Пинхасов Б.И.* Использование документов в доказывании. Ташкент, 1977. С. 5; и др.

[2] См.: *Россинский С.Б.* Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 110–142; и др.

[3] См.: *Россинский С.Б.* Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 91.

познавательных ресурсов, то есть возможность их использования в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и при обосновании требуемых правоприменительных решений.

§ 3. Досудебное производство по УПК РСФСР 1922 г.

Как уже отмечалось ранее, механизмы досудебного производства в их современном понимании, были введены в национальную систему уголовной юстиции во время известных судебных реформ Александра II и впервые получили законодательное закрепление в УУС под общим названием «предварительное следствие». В своем первоначальном варианте, просуществовавшем до 1917 г., эти механизмы имели весьма высокую степень преемственности по отношению к классической французской (наполеоновской) концепции досудебного производства и заключались в деятельности судебных следователей при содействии полиции, при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249 УУС). Однако ввиду обусловленных новой парадигмой публичного управления и многими другими факторами, сопутствующими формированию и развитию советской государственности, эти механизмы начали претерпевать существенные преобразования. Возникли тенденции, связанные с постепенной административизацией и предварительного следствия, с процессуализацией деятельности органов дознания, с усилением формализации и бюрократизацией порядка проведения многих процессуальных действий и принятия процессуальных решений, с введением в уголовный процесс целого ряда специфических «изобретений» советской правовой доктрины, направленных на некую гармонизацию институциональных основ классической французской модели досудебного производства с новыми формами и методами государственного управления[1]. Вместе с тем наиболее серьезные преобразования механизмов в этом сегменте правового регулирования стали происходить несколько позднее — начиная со второй воловины 1920-х гг., тогда как положения УПК РСФСР 1922 г. в части досудебного производства еще достаточно сильно напоминали соответствующие нормы прежнего законодательства Российской империи. Их рассмотрению и посвящён настоящий параграф.

[1] Подробнее см.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 27–38.

Возбуждение производства. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. еще не предусматривал стадии возбуждения уголовного дела как полноценного и автономного этапа досудебного производства, состоящего получении и рассмотрении компетентными правоохранительными органами первоначальных сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в целях установления наличия или отсутствия оснований для проведения нового предварительного расследования. Соответствующие доктринальные изыскания начались несколько позднее и были обусловлены объективно возникшей потребностью в установлении некой юридической грани между непроцессуальной («полицейской») и процессуальной (следственной) деятельностью, по сути, одних и тех же правоохранительных органов[1], а сама стадия получила законодательное закрепление лишь в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г.[2], уголовно-процессуальных кодексах других союзных республик и некоторых дружественных социалистических стран, например, Монголии. Тогда как в первом УПК РСФСР предусматривались только поводы к возбуждению уголовного дела и виды решений, принимаемых по результатам их рассмотрения.

Установленные УПК РСФСР поводы к возбуждению уголовного дела имели такое же правовое предназначение, которое они сохраняют и в настоящее время — под ними понимались определенные юридические факты, связанные с получением компетентными органами (должностными лицами) самого первоначального сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и предопределяющие необходимость решения вопроса об «открытии» либо об отказе в «открытии» нового досудебного производства. В соответствии со ст. 96 УПК РСФСР к таковым относились: а) заявления граждан, различных объединений и организаций; б) сообщения правительственных учреждений и должностных лиц; в) явки с повинной; г) предложения прокурора; д) непосредственные усмотрения органов дознания, следователя или суда. При этом все указанные поводы наделялись изначально равной юридической силой и различались лишь в зависимости от источника поступившей информации, то есть от субъекта, предоставившего сведения о совершенном или готовящееся преступлении. Поэтому юридическим фактом, обуславливающим

[1] См.: *Россинский С.Б.* Возбуждение уголовного дела как автономная стадия российского уголовного судопроизводства: за и против // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 51–52.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

возникновение уголовно-процессуальных отношений, в принципе мог служить любой из предусмотренных законом поводов к возбуждению уголовного дела. Исключениями являлись случаи, для которых устанавливался определённый повод — жалоба потерпевшего, поданная на имя прокурора или непосредственно в милицию, народному следователю либо в суд в форме заявления (ст. 10–11 УПК РСФСР).

Заявлением гражданина признавалось любое устное (словесное) или письменное сообщение о факте совершенного или готовящегося преступного деяния (ст. 97 УПК РСФСР). При этом устанавливалось, что письменные заявления должны были быть подписаны соответствующим лицом (заявителем), устные — подлежали занесению судьей, следователем, сотрудником органа дознания или прокурором в специальный протокол, а заявителя надлежало предупреждать об ответственности за ложный донос. Одновременно предусматривалось правило, в соответствии с которым анонимные заявления могли служить поводами к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной проверки органами дознания.

Под явкой с повинной по смыслу закона понимался юридический факт, состоящий в прибытии физического лица в орган дознания, к следователю, прокурору или в суд и добровольном сообщении о совершении им преступного деяния либо причастности к таковому. Иными словами, указанный повод к возбуждению уголовного дела представлял специфическую разновидность заявления, но исходящего не от потенциального потерпевшего, свидетеля или какого-то «третьего» лица, а от человека намеревавшегося объявить себя преступником, принять на себя ответственность за совершения некоего преступления, независимо от мотивов подобного желании, а также достоверности, ошибочности или ложности сообщаемых сведений. И в этой связи явку с повинной надлежало оформлять по правилам, установленным для фиксации заявления гражданина.

Под сообщениями правительственных учреждений и должностных лиц следовало понимать письменные документы, направляемые указанными субъектами в органы дознания, следователю, прокуратуру, суд и содержащими сведения о наличии в объективной реальности признаков какого-либо криминального деяния, установленных в ходе осуществления управленческих, хозяйственных и других социально полезных функций, не связанных с выявлением и раскрытием преступлений. Подобные сообщения по своей правовой природе были схожи с заявлениями граждан, отличаясь от них лишь определённой официальностью, обусловленной иным юридическим (зачастую публично-правовым) статусом заявителя, его более выгодным общественным

положением в общей иерархии, детерминированной известными советскими социально-правовыми ценностями.

Непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда предопределялось результатами правоохранительной и правоприменительной деятельности указанных субъектов, функционально связанной с выявлением и раскрытием преступлений, а также с осуществлением административной деятельности, с расследованием и судебным разбирательством других уголовных дел, с рассмотрением гражданских дел и т.д. По смыслу закона подобные сведения могли проистекать из официальных документов указанных органов и их должностных лиц (справок, рапортов, частных судебных определений) либо из сообщений, направляемых по техническим каналам связи (телефону, радио, телеграфу).

Под предложением прокурора надлежало понимать письменный акт прокурорского реагирования, вынесенный по результатам проверки, проведенной в порядке надзорной деятельности и позволившей выявить признаки определённого преступления. Его существование было обусловлено отсутствием у прокурора полномочий по непосредственному осуществлению уголовного преследования до направления уголовного дела в суд. Поэтому в дальнейшем, после внесения ряда коррективов, предопределивших право прокурора на самостоятельное возбуждение уголовных дел, данный повод был исключен из системы уголовно-процессуального регулирования, в еще позднее, в 2010 г. — вновь реставрирован как постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Ввиду публичности уголовного преследования каждому судье, следователю, органу дознания, прокурору независимо от формального вхождения предполагаемого уголовного дела в сферу его полномочий предписывалось принимать любые сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях поле чего рассматривать их на предмет наличия или отсутствия оснований для начала производства либо передавать по подследственности и подсудности. При этом УПК РСФСР в отличие от более поздних Кодексов четко не регламентировал таких оснований — их обусловленность достаточными данными, указывающими на признаки преступления, лишь угадывалась по смыслу закона. И в этой связи все поступающие поводы к возбуждению уголовного дела подлежали определённой проверке, результаты которой позволяли соответствующему субъекту вынести требуемое решение.

Законодатель предусматривал два основных процессуальных решения, принимаемых по результатам рассмотрения повода для возбуждения

уголовного дела: а) о начале производства дознания или предварительного следствия (в современном понимании — о возбуждении уголовного дела); б) об отказе в производстве дознания или предварительного следствия.

Первое из указанных решений обуславливалось наличием повода и оснований к возбуждению уголовного дела и одновременно отсутствием обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. В подобных ситуациях суду предписывалось направить дело для производства дознания или предварительного следствия либо принять его непосредственно для рассмотрения по существу, прокурору — на основании вышеуказанного предложения направить материал для производства дознания, предварительного следствия или в суд, следователю — приступить к производству предварительного следствия, уведомив в течение суток прокурора, органу дознания — приступить к производству дознания, а по уголовным делам, предполагающим обязательность предварительного следствия, также сообщить об этом в суточный срок следователю и прокурору (ст. 101 УПК РСФСР).

Решение об отказе в производстве дознания или предварительного следствия связывалось с невозможностью осуществления публичного уголовного преследования по факту поступившего сообщения о якобы совершенном или готовящемся преступлении (ст. 100 УПК РСФСР). Это решение как бы возвращало общей вектор развития правоотношений в «допроцессуальное» состояние, то есть в правовое поле, существовавшее до поступления повода к возбуждению уголовного дела. Оно предопределялось отсутствием оснований к возбуждению уголовного дела или «негативными» обстоятельствами, исключающими необходимость или целесообразность применения уголовного закона (ст. 4 УПК РСФСР). Одновременно устанавливалось право судебного обжалования подобного решения, вынесенного органом дознания, следователем либо прокурором, в семидневный срок.

Формы предварительного расследования. Раннесоветское уголовно-процессуальное законодательство предполагало дифференциацию процессуального режима досудебного производства — устанавливались две основные формы предварительного расследования: дознание и предварительное следствие.

Предварительное следствие представляло собой основную форму досудебного производства, в целом сохранившую преемственность по отношению к соответствующим механизмам, ранее установленным законодательством Российской империи. Невзирая на ряд процессуальных особенностей, раннесоветскому предварительному следствию оставались присущи многие черты, свойственные классической

французской концепции досудебного производства, в первую очередь, юрисдикционная (судебно-следственная) природа, предполагающая процессуальную самостоятельность следователей и наделение их полномочиями по собиранию полноценных доказательств, равных по юридической силе, доказательствам, полученным в судебном заседании, а также обязанность полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 113–114 УПК РСФСР). Именно поэтому для предварительного следствия предусматривалась и более сложная процедура формирования позиции государственного обвинения, состоящая в осуществлении процедуры привлечения в качестве обвиняемого и его последующем «засиливании» в обвинительном заключении. Поэтому же для предварительного следствия устанавливались и более длительные сроки: два месяца с возможностью дальнейшего продления вместо не подлежащего продлению месячного срока, установленного для дознания (ст. 107, 119 УПК РСФСР).

Дознание, напротив, позиционировались как упрощенная форма досудебного производства, допускаемая: 1) в качестве начального («полицейского) этапа расследования, осуществляемого в преддверии предварительного следствия (так называемого дознания в неполном объеме); 2) в качестве полноценной формы «полицейского» расследования уголовных дел, не обремененных обязательностью производства предварительного следствия (так называемое дознание в полном объеме).

Таким образом, в отличие от предварительного следствия раннесоветское дознание имело принципиально иную, «полицейскую» природу и возникло на основе характерной для классической французской модели досудебного производства, в частности для досудебного производства Российской империи, деятельности правоохранительных органов полицейского типа, направленной на собирание первоначальной информации о преступлении, на сохранение следов преступления, на задержание подозреваемого, на решение иных безотлагательных задач, возникающих в связи с выявлением и (или) раскрытием преступления, либо на выдвижение позиции государственного обвинения не в следственном, а в упрощенном «полицейском» режиме. Кстати, в последнем случае дознание в полном объёме вполне закономерно основывалось на дозволительном методе правового регулирования — его проведение являлось не обязанностью, а всего лишь правом, подлежащим использованию в отсутствии необходимости производства более «тяжелого» и сложного предварительного следствия. Тогда как предварительное следствие, напротив, было обязательным по всем уголовным делам, подсудным революционному трибуналу, а также народному

суду в составе судьи и шести заседателей (ст. 110 УПК РСФСР). Некоторые исключения составляли лишь уголовные дела, предполагающие предварительное установление органом дознания всех необходимых обстоятельств — в подобных случаях следователю дозволялось, не производя полноценного предварительного следствия, ограничиться предъявлением обвинения, допросом обвиняемого, составлением обвинительного заключения, а также производствам отдельных следственных действий (ст. 111, 419 УПК РСФСР). Кроме того, разрешалось не проводить предварительного следствия по подсудным революционным трибуналам уголовным делам о продналоговых и некоторых воинских преступлениях (ст. 418 УПК РСФСР). Во всех остальных ситуациях предварительное следствие либо отдельные следственные действия предписывалось осуществлять по особому определению суда или предложению прокурора.

Функции органа дознания законодатель возлагал на советскую милицию и уголовный розыск, на органы ГПУ и различные административные инспекции (по делам, связанным с предметом их ве́дения), а также на правительственные учреждения и должностных лиц по делам о подлежащих дисциплинарному взысканию проступках, не направленным в суд в административном порядке (ст. 102 УПК РСФСР). Надзор за их деятельностью поручался прокурору, имеющему право знакомиться с материалами дознания, давать необходимые указания, предлагать произвести определённые действия, разрешать поступившие жалобы и т.д.

Указанные органы наделялись двумя группами полномочий: 1) полномочиями квазиследственного типа, предполагающими проведение неотложных следственных действий: осмотров, освидетельствований, обысков, выемок; 2) полномочиями полицейского типа, позволяющими проводить непроцессуальные опросы подозреваемых и свидетелей, принимать меры к сохранению следов преступления, к пресечению возможности подозреваемого скрыться и т.д.

К последним относились и полномочия органа дознания по задержанию подозреваемого — известного превентивного механизма, направленного на обеспечение нахождения лица в условиях доступности для производства с его участием следственных действий и иных действий в целях установления его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему меры пресечения арестантского характера. В качестве оснований для задержания предусматривались следующие юридические факты: а) когда лицо застигалось в момент подготовки, совершения преступления либо сразу после его совершения; б) когда потерпевшие или очевидцы

указывали на данное лицо как на совершившее преступление; в) когда на лице, его одежде, при нем, в его жилище обнаруживались следы преступления; г) когда подозреваемый покушался на побег или застигался во время побега; д) когда лицо не имело постоянного места жительства либо постоянных занятий; е) когда не была установлена его личность (ст. 105 УПК РСФСР). Причем раннесоветский законодатель в отличие от современных подходов позиционировал задержание подозреваемого не как полноценный процессуально-принудительный механизм, а именно как превентивную «полицейскую» меру, осуществляемую вне зависимости от производства предварительного расследования, то есть понимал под ним примерно тот феномен, которые в современной доктрине, законодательстве и правоприменительной практике принято называть фактическим задержанием. И в этой связи задержание подозреваемого не характеризовалось столь жесткой формализацией: существовали лишь требования, обязывающее в 24-часой срок уведомлять о задержании суд — при производстве дознания полном объеме, либо следователя и прокурора — при производстве дознания в неполном объеме, а также незамедлительного освобождения подозреваемого в случае отказа следователем или судом (судьей) в его дальнейшем содержании под стражей (ст. 106 УПК РСФСР).

Дознание в полном объеме предписывалось оканчивать: а) направлением уголовного дела прокурору для его прекращения — в случае неустановления признаков преступления либо неустановления виновных; б) непосредственным направлением материалов в суд для рассмотрения по существу — в случае изобличения лица в совершении преступления, предполагающего наказание, не превышающего года лишения свободы; в) направлением материалов прокурору для формулирования позиции обвинения и передачи в суд — в случае изобличения лица в совершении преступления, предполагающего более строгие виды наказаний. В свою очередь, дознание в неполном объеме надлежало завершать после получения данных, изобличающих человека в совершении преступления, посредством уведомления следователя и прокурора и незамедлительной передачи всех материалов для дальнейшего производства предварительного следствия; одновременно требовалось принимать меры, препятствующие уничтожению следов преступления и уклонению подозреваемых от следствия и суда.

Полномочия по производству предварительного следствия возлагаюсь на народных следователей, осуществляющих свою деятельность в пределах соответствующих следственных участков. Одновременно устанавливались достаточно четкие правила определения и изменения территориальной подследственности, а также разрешения споров

о подследственности (гл. X, ст. 418 УПК РСФСР). В этой связи при получении сведений или материалов о произошедшем на вверенном участке преступлении, ему предписывалось в 48-часовой срок (в случае ареста лица — в 24-часовой срок), уведомив прокурора, приступить к производству предварительного следствия. А за органами дознания сохранялось право проводить по данному уголовному делу мероприятия полицейского типа, но лишь по поручению следователя (ст. 112 УПК РСФСР).

Ввиду своей юрисдикционной (судебно-следственной) природы предварительное следствие по сравнению с дознанием предполагало более четкий процессуальный режим, более детальную правовую регламентацию. В частности, устанавливался целый ряд общих условий предварительного следствия — положений, действующих на протяжении всего следственного производства, определяющих общие границы правомерности любых составляющих его содержание процессуальных действий и решений и являющихся существенными гарантиями законности, надлежащего порядка и обеспечения прав и интересов лиц, вовлеченных в орбиту предварительного расследования. К таковым относились: а) вышеупомянутая полнота, всесторонность и объективность исследования обстоятельств уголовного дела; б) процессуальная самостоятельность следователя, в том числе право определения вектора предварительного расследования в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела; в) привило о допустимых пределах оглашения данных предварительного следствия; г) основания соединения уголовных дел; д) требования, обеспечивающие гражданский иск; д) основания и порядок отвода следователя.

Особое внимание уделялось прокурорскому надзору за производством предварительного следствия. В частности, устанавливались полномочия прокурора по ознакомлению со следственными актами и даче обязательных для исполнения указаний о направлении и дополнении предварительного следствия (ст. 121 УПК РСФСР). Кроме того, устанавливалась возможность обжалования действий и решений следователя как прокурору, так и в суд (гл. XVIII УПК РСФСР).

Следственные действия. Для решения задач досудебного производства УПК РСФСР наделял народных следователей полномочиями, позволяющими проводить следственные действия, то есть предусмотренные законом уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и связанные с собиранием полноценных доказательств, равных по юридической силе, доказательствам, получаемым в судебном заседании. Иными словами, следственные действия,

также как и в настоящее время, фактически уподоблялись классической французской доктринальной категории «actes d'instruction» — действиям следственного судьи, предполагающим получение полноценных средств уголовно-процессуального доказывания и их депонирование для предстоящего судебного разбирательства. И в этой связи они находились именно в компетенции народного следователя, в то время еще являвшегося представителем судебной власти, выполняющим функцию расследования преступлений. Вместе с тем, как отмечалось выше, правом проведения некоторых неотложных следственных действий (в ситуациях, предрасположенных к утрате либо изменению следов преступления) наделялись и органы дознания.

Процессуальная форма каждого предусмотренного УПК РСФСР следственного действия определялась совокупностью установленных условий правомерности, которые условно можно было разделить на общие и частные правила их проведения. И если первые определяли наиболее базовые требования, применимые ко всем следственным действиям, то вторые устанавливали процедурные особенности, обусловленные ролью каждого из них в общем механизме досудебного производства, используемыми в ходе их осуществления методами познания и т.д.

В отличие от действующего законодательства установленные УПК РСФСР общие правила проведения следственных действий не предполагали какой-либо нормативной систематизации — некоторые из них вытекали из достаточно разрозненных положений закона, а некоторые — и вообще лишь угадывались по его смыслу. Тем не менее такие требования были вполне понятными и сводились к следующему:

а) следственные действия дозволялось проводить лишь в ходе предварительного следствия, то есть после вынесения следователем постановления о принятии повода к возбуждению уголовного дела или поступившего из органа дознания материала к своему производству (ст. 112 УПК РСФСР). Этот постулат обуславливался самой юрисдикционной природой следственных действий как способов реализации следственной власти и поэтому подлежащих осуществлению лишь в рамках правоотношений, возникающих в ходе предварительного следствия. Если же в исключительных случаях требовалось проведение неотложных следственных действий органом дознания, то юридическим фактом, предопределяющим подобную возможность, надлежало считать момент начала дознания в неполном либо в полном объеме (п. 1 ст. 101 УПК РСФСР);

б) выбор следственного действия, подлежащего проведению в конкретной ситуации, находился в зоне дискреционных полномочий

самого следователя; на него же возлагалась вся полнота ответственности за разумность и своевременность производства тех или иных следственных действий. Подобное правило напрямую вытекало из вышерассмотренного положения о процессуальной самостоятельности следователя, в первую очередь из права направлять предварительное следствие в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела (ст. 114 УПК РСФСР). Вместе с тем предусматривались и некоторые исключения. Например, следователю запрещалось отказывать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей, экспертов, в собрании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствовали, могли иметь значение для уголовного дела (ст. 114–115 УПК РСФСР);

в) следственные действия надлежало производить в дневное время за исключением случаев, не терпящих отлагательства;

г) следственные действия подлежали обязательному протоколированию. По смыслу закона, протокол являлся основным и обязательным способом фиксации факта производства, хода и результатов следственного действия. Он позволял потенциальным читателям (суду, прокурору, иным участникам уголовного процесса) впоследствии уяснить (реконструировать) содержание, направленность и динамику проводимых познавательных и организационно-обеспечительных приемов, формы поведения присутствующих лиц, исследовать и проверить итоги следственного действия в целях оценки надежности полученных сведений и решения вопроса об их использовании для обоснования приговора (ст. 82 УПК РСФСР). Однако в раннесоветской правоприменительной практике наряду с протоколированием уже использовались и другие средства фиксации хода и результатов следственных действий: различные схемы, планы, стенограммы, фотографии и т.д., которые подлежали приобщению к уголовному делу как приложения к соответствующим протоколам и не имели без них никакой юридической силы.

Одним из следственных действий согласно УПК РСФСР признавался следственный осмотр; он заключался в обнаружении, визуальном восприятии, изучении и фиксации материальных объектов, в том числе следов преступления, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Осмотр надлежало проводить с участием понятых, а в случае необходимости — экспертов. В зависимости от осматриваемых объектов законом предполагались осмотры мест, осмотры изъятых в ходе обыска и выемки предметов и документов (ст. 192 УПК РСФСР), осмотры почтово-телеграфной корреспонденции (ч. 2 ст. 193 УПК РСФСР).

Схожим по содержанию следственным действием являлось освидетельствование — наружный осмотр тела человека для обнаружения на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, иных признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требовалась судебная экспертиза. При необходимости указанное следственное действие предписывалось проводить с участием эксперта, в том числе судебного медика или врача (ст. 193, 194 УПК РСФСР). Кроме того, обследуемому лицу дозволялось возразить против присутствия следователя иного пола; в этом случае освидетельствование надлежало проводить врачу (ст. 194 УПК РСФСР).

Под обыском по смыслу закона понималось следственное действие, состоящее в принудительном обследовании помещений, участков местности и иных объектов в целях отыскания и изъятия предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела. Так же, как и осмотр, его надлежало проводить с обязательным участием понятых. До начала обыска следователю предписывалось ознакомить обыскиваемых с соответствующим постановлением. В целях отыскания и изъятия имеющих значение для уголовного дела объектов законодатель предоставлял достаточно широкие процессуальные возможности, например, временное взятие «под стражу» обыскиваемого лица (ст. 182 УПК РСФСР), максимально «аккуратное», не предполагающее необоснованного повреждения интерьера вскрытие любых помещений при отказе владельца открыть их добровольно (ст. 183 УПК РСФСР), изъятие предметов, документов, ценностей (ст. 178 УПК РСФСР) и т.д. Одновременно следователь обязывался принимать меры к неразглашению сведений о частной жизни обыскиваемых (ст. 184 УПК РСФСР), а также строго ограничиваться изъятием объектов, имеющих непосредственное отношение к уголовному делу или запрещенных к свободному обращению (ст. 185 УПК РСФСР).

Кроме того, предусматривались и особые виды обыска, характеризующиеся некоторой спецификой порядка производства. Так обыск помещении дипломатического представительства иностранного государства дозволялось проводить только по предварительному согласованию данного вопроса с Народным комиссариатом иностранных дел, а обыск в конторе учреждения — не иначе как в присутствии представителя этой организации (ст. 180–181 УПК РСФСР).

Выемкой признавалось следственное действие, состоящее в добровольной выдаче или принудительном изъятии имеющих значение для уголовного дела предметов или документов, если было точно известно, где и у кого они находятся (ст. 178 УПК РФ). При этом правительственным учреждениям, организациям, объединениям, должностным либо

частным лицам запрещалось отказываться от предъявления по требованию следователя и выдачи подобных предметов, документов либо их копий. Исключения предусматривались лишь в отношении документов, содержащих государственную, дипломатическую и военную тайны — по подобные объекты могли предполагать особый правовой режим неприкосновенности, устанавливаемый соответствующими учреждениями по согласованию с прокуратурой. По своей правовой природе выемка, как и в настоящее время, весьма напоминала обыск, отличаясь от него лишь изначальной определенностью предполагаемых к изъятию объектов и местами их нахождения, исключающими необходимость поисковых операций. Поэтому она подлежала проведению в аналогичном правовом режиме, выключающем тождественные дозволения, предписания, запреты и специальные правила производства в учреждениях и дипломатических представительствах. Вместе с тем предусматривалась и еще одна особая разновидность выемки, допускаемой лишь с санкции прокурора и осуществляемой в несколько специфичном порядке — выемки телеграфной корреспонденции (ст. 189–191 УПК РСФСР).

Под допросом свидетеля как в настоящее время, понималось следственное действие, состоящее в получении показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для уголовного дела. По общему правилу свидетелей надлежало допрашивать по месту предварительного следствия (в служебном кабинете народного следователя), однако ввиду особых обстоятельств допрос дозволялось проводить и в ином месте (в больнице, по месту жительства либо работы свидетеля и т.д.). При необходимости требовалось обеспечить участие в допросе переводчика либо сурдопереводчика (ст. 170 УПК РСФСР).

Следователю предписывалось удостовериться в личности свидетеля, установить его отношение к сторонам, предупредить об обязанности говорить правду, ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, после чего переходить к непосредственным расспросам по существу дела, либо к предоставлению, допрашиваемому права на собственноручное изложение имеющихся у него сведений (ст. 167, 171 УПК РСФСР). При этом в отличие от действующего правового режима установленный УПК РСФСР порядок допроса не предполагал полной свободы его тактики, ограниченной лишь некоторыми запретами — вначале от свидетеля требовался свободный рассказ, после которого допускались уточняющие или дополнительные вопросы. Кроме того, предмет допроса строго ограничивался обстоятельствами, подлежащими установлению по данному уголовному делу и характеристикой личности обвиняемого (ст. 168–169 УПК РСФСР).

По общему правилу свидетелей надлежало допрашивать порознь, в отсутствии других свидетелей. Вместе с тем при необходимости следователю дозволялось проводить очную ставку — одновременный допрос в присутствии друг друга ранее допрошенных лиц. В соответствии с раннесоветским уголовно-процессуальным законодательством очная ставка не считалась автономным следственным действием, не предполагала никаких процедурных особенностей и расценивалась не более чем разновидность допроса (ст. 166 УПК РСФСР).

В целях обеспечения возможности формирования доказательств посредством использования специальных познаний в науке, искусстве или ремесле законодатель наделял следователя правом назначения судебной экспертизы — некоего процессуального действия, осуществляемого особым субъектом, состоящего в проведении необходимых исследований и завершающегося формулированием соответствующих выводов, отражаемых в экспертном заключении. Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, порядок производства судебной экспертизы не предполагал ясности и определенности, а соответствующие правила вытекали не столько из самого Кодекса, сколько из унаследованных от дореволюционной практики прикладных рекомендаций по производству судебных экспертиз. Тогда как УПК РСФСР фактически смешивал судебную экспертизу с допросом эксперта и участием эксперта в производстве следственных действий в какую-то единую процессуальную процедуру. Ее надлежало начинать в порядке, предусмотренном для допроса свидетеля — с вызова выбранного следователем эксперта, удостоверения его личности, предупреждения о необходимости дать обоснованное и объективное заключение, предупреждения об ответственности за отказ от дачи заключения и дачу заведомо ложного заключения, а также постановки перед ним экспертных задач. Далее, по смыслу закона эксперту следовало приступить к проведению исследований, однако авторы Кодекса практически не удили внимания указанным вопросам, указав лишь на его (эксперта) право с разрешения следователя знакомиться с необходимыми для подготовки заключения обстоятельствами уголовного дела (ст. 172–174 УПК РСФСР), а также на фиксацию результатов экспертизы не посредством одноименного документа — заключения, а посредством протокола (ст. 176 УПК РСФСР).

В зависимости от количества привлеченных к проведению исследований экспертов можно было выделить единоличные и комиссионные судебные экспертизы. Последние характеризовались участием минимум двух экспертов и должны были назначаться следователем по собственной инициативе либо на основании удовлетворённого

ходатайства (требования) обвиняемого о приглашении дополнительного эксперта. В случае совпадения мнений экспертов по поставленным вопросам предусматривалось представление общего заключения подписанного одним из них по их же выбору, а при возникновении разногласий — каждому из них предписывалось изложить собственные выводы, а затем ответить на заданные вопросы (ст. 176 УПК РСФСР).

В зависимости от последовательности проведения можно было выделить первоначальные и повторные судебные экспертизы. Повторные экспертизы предполагали новые экспертные изыскания в отношении ранее исследованных объектов по тем же вопросам и подлежали назначению другим экспертам в случаях недостаточной ясности или полноты персонального заключения (ст. 177 УПК РСФСР).

Специальными видами судебных экспертиз по смыслу Кодекса признавались вскрытие труппа и медицинское освидетельствование (говоря современным языком, судебно-медицинские экспертизы по установлению причин смерти и симптомов аномального состояния живого человека, например состояния опьянения). Подобные исследования проводились особыми медицинами экспертами, приглашаемыми через специализированные подразделения губернских органов здравоохранения, а в случае затруднительности вызова таких экспертов — «ближайшими» врачами.

Привлечение в качестве обвиняемого. Процедура привлечения лица в качестве обвиняемого занимала особое место среди всех предусмотренных УПК РСФСР механизмов досудебного производства, поскольку выражала сам смысл, само предназначение этого этапа уголовно-процессуальной деятельности. Так, с одной стороны, предполагалось, что посредством привлечения в качестве обвиняемого подводится определённый итог всей предшествующий процессуальной деятельности, а в отношении подвергающегося уголовному преследованию лица — выдвигалась уголовно-правовая претензия, подлежащая дальнейшему рассмотрению в суде первой инстанции. С другой стороны, законодатель связывал привлечение в качестве обвиняемого с возникновением последующих уголовно-процессуальных отношений, обуславливающих особый юридический контакт государства с личностью, для чего предоставлял этой личности определенные правовые возможности и необходимые гарантии для их использования.

Потребность в существовании такой процедуры в очередной раз была обусловлена историческими традициями, восходящими к дореволюционной системе досудебного производства, со свойственными ему принципиальными различиями между дознанием как деятельностью полиции и предварительным следствием как юрисдикционной

деятельностью судебных следователей. Как уже неоднократно отмечалось ранее в основу советского предварительного следствия были заложены классические романо-германские традиции досудебной уголовной юстиции, предполагающие полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, сопряжённое с собиранием полноценных доказательств. Поэтому законодатель наделял обвиняемого правом еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать объяснения (показания) по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т. д. Обеспечению реализации этих возможностей и служил автономный механизм привлечения в качестве обвиняемого, позволяющий заблаговременно, до направления уголовного дела в суд ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии.

По смыслу ст. 131 УПК РСФСР основаниями для привлечения лица в качестве обвиняемого считались достаточные данные, свидетельствующее свидетельствующие о совершении лицом определённого преступления и предопределяющие выдвижение в отношении него обвинения — публичной уголовно-правовой претензии, подлежащей дальнейшему разрешению посредством правосудия. Иными словами, собранные в ходе предварительного следствия доказательства в своей совокупности должны были предопределять абсолютную убеждённость следователя в доказанности всех имеющих значение для дела обстоятельств и изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления. Вместе с тем такая убежденность, как и в настоящее время, не влекла юридических последствий, сопоставимых с последствиями, вытекающими из обвинительного приговора суда. Следственный акт о привлечении человека к уголовной ответственности имел не более чем предварительный (досудебный) характер, а изложенный в нем обвинительный тезис в дальнейшем признавался не более чем обоснованной позицией одной из сторон предстоящего судебного спора. Вместе с тем, принимая данное решение, следователю как носителю публично-правовой власти, как полномочному субъекту уголовной юрисдикции надлежало быть абсолютно уверенным в неоспоримости и доказанности обвинения, в бесспорной правомерности привлечения лица к уголовной ответственности, а также в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела с позитивным для стороны обвинения исходом.

При установлении указанных оснований следователю надлежало вынести мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого с указанием его фамилии, имени, отчества, времени,

места и других известных обстоятельств совершения преступления, а также описанием инкриминируемых лицу конкретных преступных действий (бездействий) и наступивших общественно-опасных последствий (ст. 132 УПК РСФСР). По смыслу закона постановление о привлечении в качестве обвиняемого допускалось выносить и без нахождения данного лица «при уголовном деле», то есть в условиях процессуальной недоступности для предъявления ему обвинения и производства с его участием иных процессуальных действий, например, когда оно скрывалось, было подвержено тяжелому заболеванию и т.д.

Постановление предписывалось предъявить обвиняемому не позднее 48 часов с момента вынесения. Одновременно разъяснялось, что в случае неизвестности места пребывания или побега обвиняемого следователю было необходимо объявить лицо в розыск, а в случае его безуспешности — произвести необходимые следственные действия представить материалы в суд для решения вопроса о дальнейшем производстве по делу (ст. 134 УПК РСФСР). Однако законодатель не предусматривал никаких разъяснений в отношении времени предъявления обвинения в иных случаях неявки лица в указанный срок, например, невозможности его уведомления вследствие отсутствия постоянного места жительства, болезни и т.д. Этот изъян устранялся посредством использования в раннесоветской правоприменительной практике достаточно разумной прикладной рекомендации — о предъявлении обвинения в момент фактической явки или принудительного привода обвиняемого. В случае возникновения сомнений в совершеннолетии обвиняемого, в том числе при отсутствии подтверждающих его возраст документов, в отношении него допускалось проведение специального медицинского освидетельствования (ст. 144 УПК РСФСР).

Сам по себе порядок предъявления обвинения включал несколько этапов: а) удостоверение личности обвиняемого; б) разъяснение ему существа обвинения; в) его допрос по существу предъявленного обвинения (ст. 137–138 УПК РСФСР). Причем именно допрос, подлежащий проведению не позднее 24 часов с момента явки или привода обвиняемого, позиционировался как основной этап данной процедуры, тогда как остальные этапы по смыслу закона считались не более чем подготовительными действиями к допросу.

Допрос обвиняемого надлежало проводить в порядке, аналогичном порядку допроса свидетеля, включая свободный рассказ, уточняющие или дополнительные вопросы, право собственноручного изложения сообщаемых сведений, возможность участия переводчика (сурдопереводчика), предписание о получении показаний от лица

в отсутствии других обвиняемых, возможность последующего проведения очной ставки между ними и т.д. (ст. 132–134, 143 УПК РСФСР). Одновременно устанавливался запрет на принуждение к даче показаний, в частности его признания в совершении преступления, путем насилия, угроз и других подобных мер (ст. 139 УПК РСФСР)[1]. При привлечении в качестве обвиняемого должностного лица после допроса следователю поручалось решить вопрос об его отстранении от занимаемой должности (ст. 145 УПК РСФСР).

Меры пресечения. В соответствии со ст. 146 УПК РСФСР от каждого обвиняемого надлежало получить письменное обязательство (подписку) добровольно являться к следователю и в суд, а также уведомлять об изменении своего местожительства. Вместе с тем при наличии оснований полагать о неисполнении лицом данных обязательств в отношении него допускалось избрание одной из предусмотренных законом мер уголовно-процессуального пресечения. Таким образом, раннесоветский законодатель относился к мерам пресечения исключительно как к средствам обеспечения нахождения лица в условиях доступности для следователя или суда и недопустимости противодействия расследованию и судебному разбирательству, тогда как иные цели использования указанных механизмов — пресечение дальнейшей преступной деятельности и препятствования исполнения приговора — были введены в предмет уголовно-процессуального регулирования значительно позже.

По смыслу закона следователю разрешалось избрать в отношении обвиняемого любую из предусмотренных мер пресечения. Вместе с тем подобные полномочия не подразумевали сугубо формальный характер, а могли быть реализованы лишь в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела с учетом степени опасности и несознательности личности соответствующего обвиняемого. При об избрании меры пресечения и, самое главное, при определении ее вида следователю надлежало оценить важность (тяжесть) совершенного преступления, достаточность имеющихся доказательств его вины, вероятность возможного уклонения от предварительного следствия и суда и противодействия расследованию и судебному разбирательству, а также состояние здоровья обвиняемого, род его занятий и другие данные об его личности (ст. 150 УПК РСФСР). Прокурору, в свою очередь, дозволялось сделать предложение об отмене или изменении меры пресечения, а в случае несогласия следователя с таким предложением указанный вопрос подлежал разрешению в суде (ст. 151 УПК РСФСР).

[1] См.: *Гродзинский М.М.* Допрос обвиняемого // Право и жизнь. 1922. Кн. 2. С. 60.

По общему правилу меру пресечения полагалось избирать после привлечения человека в качестве обвиняемого, а изменять или отменять — лишь по завершении его первого допроса. Однако в исключительных случаях допускалось превентивное применение меры пресечения и в отношении подозреваемого, которое ограничивалось достаточно коротким сроком — следователю предписывалось предъявить такому лицу обвинение не позднее 14 суток с момента избрания меры пресечения; в противном случае мера пресечения подлежала безусловной отмене (ст. 148 УПК РСФСР).

Раннесоветский законодатель предусматривал шесть мер уголовно-процессуального пресечения, распложенных в порядке возрастания — от наиболее мягких к наиболее строгим. Этот перечень являлся «закрытым», исчерпывающим и, таким образом, лишал органы предварительного следствия и суд возможности использования каких-либо иных правоограничительных механизмов, направленных на решение процессуально-пресекательных задач. По способу принудительного воздействия на поведение обвиняемых (подозреваемых) предусмотренные УПК РСФСР меры уголовно-процессуального пресечения можно было условно разделить на обязательственные, имущественные и арестантские.

Обязательственные меры пресечения заключались в получении определенных обязательств о надлежащем поведении обвиняемого (подозреваемого) под угрозой применения более строгих мер пресечения. К ним относились: а) подписка о невыезде — письменное обещание обвиняемого без разрешения не покидать место своего жительства и б) личное поручительство, состоящее в письменном обязательстве заслуживающих доверия лиц обеспечивать надлежащее поведение обвиняемого (ст. 152–153 УПК РСФСР).

Имущественные меры пресечения предполагали обеспечение правомерного поведения обвиняемого посредством возникновения рисков потери имущества самим обвиняемым либо его поручителями. К таковым относились: а) залог, состоящий в добровольной передаче самим обвиняемым или иным лицом (залогодателем) на временное хранение суду денег или иного ценного имущества как гарантии обеспечения явки обвиняемого (ст. 156 УПК РСФСР) и б) имущественное поручительство — получение от состоятельного лица либо организации обещания об уплате оговоренной суммы денег в случае неявки обвиняемого к следователю или в суд (ст. 155 УПК РФ). Размер имущественных обязательств в обоих случаях должен был определяться в соответствии с тяжестью преступления, материальным положением поручителя или залогодателя и другими обстоятельствами уголовного дела. А при нарушении

обвиняемым своих процессуальных обязанностей указанные материальные ценности подлежали обращению в доход государства.

Арестантские меры пресечения заключались в ограничении права обвиняемого на свободу в целом и свободу передвижения в частности посредством применения арестантских способов изоляции от общества. По смыслу закона такие правоограничительные механизмы ввиду своей наибольшей строгости подлежали применению лишь при невозможности избрания менее суровых мер пресечения. К ним относились: а) домашний арест, состоявший в изоляции обвиняемого от общества в жилом помещении: под охраной или без таковой (ст. 160 УПК РСФСР) и б) заключение под стражу (арест), предполагающее нахождение лица в специализированном учреждении тюремного типа (ст. 161 УПК РСФСР).

Ввиду особой строгости заключения под стражу законодатель связывал возможность применения данной меры пресечения с обвинением в преступлении, за которое могло было быть назначено наказание в виде лишения свободы. Кроме того, использование данного правоограничительного механизма допускалось лишь при наличии оснований полагать, что обвиняемый может скрыться или будет противодействовать расследованию либо судебному разбирательству уголовного дела. В последнем случае срок ареста не мог превышать двух месяцев, однако в особо сложных случаях по решению суда подлежал продлению, но не более, чем на месяц (ст. 162 УПК РСФСР).

Об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу требовалось уведомлять прокурора, а в случае ареста иностранца — еще и Народный комиссариат по иностранным делам.

Окончание предварительного следствия. УПК РСФСР предусматривал две основные формы окончания предварительного следствия: прекращение (приостановление) уголовного дела и направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением для рассмотрения по существу. Кроме того, существовала и еще одна форма окончания досудебного производства — направление дела в суд для определения психического состояния обвиняемого (ст. 200 УПК РСФСР).

Под прекращением уголовного дела понималась форма окончания предварительного следствия, выраженная в отказе государства от дальнейшего производства по данному уголовному делу в связи с обстоятельствами, исключающими возможность или целесообразность реализации уголовного закона. Кстати, весьма примечательно, что раннесоветский законодатель относил к прекращению и тот процессуальный механизм, который в настоящее время принято называть приостановлением производства по уголовному делу.

Для прекращения уголовного дела устанавливались четкие правовое основания, которые можно было условно классифицировать на реабилитирующие и нереабилитирующие. Реабилитирующими следовало считать основания, обуславливающие прекращение уголовного дела ввиду признания государством своей вины за незаконное или необоснованное уголовное преследование, за свои ошибки, выразившиеся в ограничении прав и ущемлении интересов определённых лиц. К ним относились: отсутствие состава преступления (п. 5 ст. 4 УПК РСФСР) и недоказанность, то есть недостаточность доказательств для предания суду (п. 2 ст. 206 УПК РСФСР). В свою очередь, нереабилитирующими основаниями надлежало признавать юридические факты, обуславливающие правовое прощение обвиняемого. В качестве таковых устанавливались: смерть обвиняемого, примирение с потерпевшим, отсутствие жалобы потерпевшего по делу, подлежащему возбуждению не иначе, чем по таковой жалобе, истечение сроков давности и амнистия (п. 1–4 и 6 ст. 4 УПК РСФСР). Кроме того, нереабилитирующим основанием для прекращения (а по факту, приостановления) уголовного дела считалось неустановление (необнаруженние) лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ст. 206 УПК РСФСР).

Раннесоветское уголовно-процессуальное законодательство не наделяло следователя правом самостоятельного решения вопроса о прекращении уголовного дела. Поэтому в случае возникновения подобной потребности следователю предписывалось выносить соответствующее постановление и, уведомив прокурора, направлять его вместе с уголовным делом для утверждения в суд. Последний, в свою очередь, уполномочивался поддержать позицию следователя и прекратить уголовное дело либо возвратить его для проведения дальнейшего расследования, либо, не возвращая следователю, назначить его рассмотрение по существу, то есть предать его суду (ст. 207 УПК РСФСР). Ему же (суду) принадлежало исключительное право на возобновление производства по уголовному делу, прекращённому (приостановленному) вследствие недоказанности либо неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности (ст. 208 УПК РСФСР).

Направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением являлось единственной формой завершения досудебного производства, обусловленной убеждением следователя об изобличении обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления. По смыслу УПК РСФСР правоотношения, составляющие содержание данной процессуальной процедуры, должны были возникать после исчерпывающе полного исследования следователем всех обстоятельств уголовного дела и завершения формирования надлежащей

доказательственной базы, позволяющей выдвинуть в отношении лица обвинительный тезис, подлежащий рассмотрению и разрешению посредством правосудия. И в этой связи следователю предписывалось приступать к завершению досудебного производства лишь после максимально полного установления события преступления, личности виновного, его возраста, судимости, классовой принадлежности и социального положения, места и времени совершения преступления, его мотивов, а также оснований для предания обвиняемого суду (ст. 210 УПК РСФСР). При подобных обстоятельствах от следователя требовалось уведомить обвиняемого об окончании досудебного производства, по его просьбе обеспечить возможность ознакомления с материалами уголовного дела и с учетом высказанной по результатам такого ознакомления позиции решить вопрос о дополнении предварительного следствия (ст. 211–212 УПК РСФСР).

После выполнения указанных правообеспечительных действий следователю надлежало переходить к составлению обвинительного заключения — итогового следственного акта, юридически завершающего досудебное производство и одновременно являвшегося поводом для «возбуждения» производства в суде первой инстанции. В соответствии со ст. 214 УПК РСФСР обвинительное заключение должно было состоять из двух частей: а) описательной, предполагающей изложение установленных в ходе предварительного следствия обстоятельств и подтверждающих их доказательств; б) резолютивной, содержащей сведения о личности обвиняемого и потерпевшего, а также уголовно-правовую оценку (квалификацию) вменённого ему преступления. К обвинительному заключению требовалось приложить сведения о выделенных или прекращенных фрагментах уголовного дела и список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. После составления обвинительное заключение вместе с уголовным делом должно было быть незамедлительно направлено прокурору.

Полномочия прокурора по завершении досудебного производства. Раннесоветское законодательство, предусматривало традиционную для национальной уголовной юстиции прокурорскую форму завершения досудебного производства, предполагающую некий синтез ретроспективного надзора за законностью дознания и предварительного следствия с перспективной функций уголовного преследования в судебном заседании, осуществляемой посредством поддержания обвинения. Вместе с тем, установленные УПК РСФСР прокурорские полномочия значительно отличались от соответствующих полномочий, предусмотренных действующим законодательством — по уголовным делам, по которым проводилось предварительное следствие, прокурор, по сути,

не являлся субъектом—«зачинщиком» судебного разбирательства, не вносил на рассмотрение суда сформулированную в досудебном производстве уголовно-правовую претензию — подобные вопросы находились в ве́дении самого суда. А роль прокурора на заключительном этапе предварительного следствия сводилась лишь к обеспечению плавного перехода от следственной деятельности к деятельности суда. Кроме того, завершенные органами дознания уголовные дела о преступлениях, предполагающих наказание до года лишения свободы, вообще исключали участие прокурора и подлежали непосредственному направлению в суд (п. 2 ст. 107 УПК РСФСР). Тогда как по остальным расследовавшимся в форме дознания уголовным делам, прокурору предписывалось не просто утвердить обвинительный акт и направить дело в суд, а самостоятельно сформулировать позицию обвинения для предстоящего судебного заседания (ст. 226–228 УПК РФ). Поэтому при получении прокурором оконченных производством материалов дознания ему надлежало провести их всестороннюю проверку на предмет полноты из законности расследования, по результатам которой вынести одно из следующих решений: а) прекратить уголовное дело (данное решение могло быть обжаловано сторонами в суд); б) возвратить уголовное дело для производства дополнительного дознания; в) направить дело для дальнейшего производства предварительного следствия; г) вынести постановление о предании обвиняемого суду и трехдневный срок направить все материалы по подсудности. Указанное постановление, по сути, являлось своеобразным «прокурорским обвинительным заключением», поэтому должно было составляться по схожим правилам, включая изложение установленных в ходе дознания обстоятельств, сведении о личности обвиняемого и потерпевшего, квалификации вменённого ему преступления, перечня лиц, подлежащих вызову в суд и др.

В свою очередь, при получении прокурором материалов оконченного производством предварительного следствия от него требовалось оценить их законность, завершенность и перспективность для предстоящего судебного заседания, на основании чего вынести одно из следующих решений: а) в случае признания неполноты предварительного следствия — возвратить уголовное дело следователю с обязательными для исполнения указаниями по устранению имеющихся пробелов; б) при отсутствии судебной перспективы рассмотрения уголовного дела — направить в суд предложение об его прекращении, а при необходимости уведомить суд о своем намерении лично поддерживать данную позицию в распорядительном судебном заседании; в) в случае признания полноты, всесторонности и объективности

предварительного следствия — сообщить суду о своем согласии с обвинительным заключением, предложить утвердить таковое и предать обвиняемого суду (ст. 231–233 УПК РСФСР). В последнем случае прокурору дозволялось: а) составить новое заключение, а первоначальное — из уголовного дела изъять и оставить в своем надзорном производстве[1]; б) внести изменения в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ст. 233–234 УПК РСФСР). Одновременно от прокурора требовалось изложить суду свое мнение относительно продления, изменения или отмены избранной меры пресечения, а также сообщить о намерении кого-либо из сотрудников прокуратуры поддерживать в государственное обвинение; при необходимости прокурору разрешалось лично отстаивать свои предложения в распорядительном судебном заседании (ст. 235–236 УПК РФ).

Существовала и еще одна форма реализации прокурорских полномочий — проверка законности и обоснованности решения следователя о направлении уголовного дела в суд с целью его прекращения. По ее результатам прокурор уполномочивался пассивно согласиться с позицией следователя или, признав подобное решение неправомерным или преждевременным, направить в суд свои возражения, а также лично поддержать их в распорядительном судебном заседании (ст. 230 УПК РСФСР).

Действия суда по прекращению уголовного дела и преданию суду. Предусмотренная УПК РСФСР система досудебного производства предполагала достаточно интересную, не свойственною для современного уголовного процесса особенность — в качестве завершающего этапа включала деятельность суда, направленную на окончательное разрешение ряда правовых вопросов, возникших в ходе дознания или предварительного следствия, но при этом не находящихся в ве́дении органов дознания, следователя или прокурора. Как уже отмечалось ранее к таковым относились вопросы о прекращении уголовного дела и предании обвиняемого суду.

Так, при непосредственном поступлении уголовного дела из органа дознания в порядке п. 2 ст. 107 УПК РСФСР суду в составе судьи и двух народных заседателей надлежало: а) направить его для проведения дополнительного дознания или предварительного следствия; б) прекратить данное уголовное дело; в) вынести постановление о придании обвиняемого суду, назначить судебное заседание. В последнем

[1] См.: *Коваленков М.П.* К вопросу о роли прокуратуры при производстве предварительного следствия и в стадии предания суду // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31–32. С. 9.

случае ввиду изначально упрощенного порядка предварительного расследования, не предполагающего ни следственного, ни прокурорского формирования обвинительного тезиса, суду поручалось указывать в направляемой обвиняемому повестке сущность выдвинутого в отношении него обвинения (ст. 237 УПК РСФСР). Тогда как при поступлении материалов дознания от прокурора в порядке ст. 227 УПК РСФСР предписывалось использовать, иной, как бы «приказной» порядок, состоящий в безусловном назначении единоличным судьей уголовного дела к слушанию в судебном заседании.

В свою очередь, поступившие непосредственно в суд следственные производства с постановлением о прекращении уголовного дела в порядке ст. 207 УПК РСФСР либо материалы оконченного предварительного следствия, поступившие от прокурора в порядке ст. 233–236 УПК РСФСР, полагалось вносить в распорядительное заседание народного суда либо трибунала. Одновременно устанавливались правила проведения таких заседаний.

Распорядительное судебное заседание разрешалось проводить для рассмотрения лишь строго определённых вопросов: а) о согласованности описательной и резолютивной частей обвинительного заключения; б) о соответствии сформулированного обвинения положениям уголовного закона; в) об изменениях списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Попутно разъяснялось, что распорядительное заседание должно было ограничиваться лишь рассмотрением обвинительного заключения и не могло касаться актов предварительного следствия (ст. 240 УПК РСФСР).

По результатам рассмотрения обвинительного заключения суду дозволялось выносить одно из следующих определений: а) о прекращении уголовного дела — в случаях недостаточной обоснованности предъявленного обвинения либо невозможности усмотреть в изложенных обстоятельствах состав преступления; б) о направлении уголовного дела на доследование — в случаях недостаточной обоснованности предъявленного обвинения, не предполагающей прекращения уголовного дела; в) об утверждении обвинительного заключения и предании обвиняемо суду — в случае признания обвинительного заключения отвечающим установленным требованиям. Кроме того, суд был вправе не согласиться с содержащейся в обвинительном заключении формулировкой обвинения и поручить одному из своих членов составить новое обвинительное заключение, а старое — из производства изъять (ст. 242–244 УПК РСФСР). Одновременно суду дозволялось изменить список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание и отменить, изменить или назначить новую меру процессуального принуждения,

а также предписывалось решить вопрос об обеспечении защитника (ст. 245–247 УПК РСФСР). В случае неправильного соединения следователем нескольких дел, от суда требовалось принять решение об их разделении (ст. 248 УПК РСФСР).

Копия утвержденного обвинительного заключение (повестка судьи) подлежали направлению подсудимому не позднее чем за трое суток до начала судебного заседания. Одновременно ему надлежало разъяснить о возможности самостоятельного избрания защитника либо пользования помощью такового в порядке назначения. Также он должен был быть уведомлен о праве заявить ходатайство о дополнении списка вызванных в судебное заседание свидетелей или экспертов — подобные ходатайства предписывалось рассматривать непосредственно на судебном заседании, или в особо созванном распорядительном заседании в зависимости от их содержания и степени важности для уголовного дела (ст. 249–250 УПК РСФСР).

§ 4. Судебное производство по УПК РСФСР 1922 г.

Общие правила подсудности уголовных дел. Одной из гарантий, позволивших в первые годы советской власти осуществлять эффективную судебную защиту, стала четкая процессуальная регламентация подсудности уголовных дел (гл. II УПК РСФСР). Подсудность представляла собой совокупность признаков уголовного дела, позволяющих установить определенный суд, который был правомочен рассмотреть это дело в качестве суда первой инстанции.

При рассмотрении уголовных дел действовала территориальная и предметная подсудность. Территориальная подсудность состояла в том, что уголовное дело подлежало рассмотрению в суде по месту совершения преступления. Это способствовало более полному исследованию обстоятельств дела и учету местных условий. Предметная (родовая) подсудность определялась особенностями предмета производства по уголовному делу, то есть родом и характером рассматриваемых уголовных дел. С помощью предметной подсудности обеспечивалось разграничение компетенции судов разных уровней — звеньев судебной системы, а также разграничение компетенции «ординарных» судов и трибуналов.

Так, УПК РСФСР предписывал рассматривать каждое уголовное дело в том суде, в районе которого было совершено преступление. В случае невозможности определения места совершения преступления

дело подлежало рассмотрению в суде по месту совершения уголовного преследования (ст. 31 УПК РСФСР). А в случае подсудности дела одновременно двум или нескольким судам (например, ввиду обвинения лица в совершении ряда преступлений, совершенных в разных местах и т.д.) оно подлежало рассмотрению по месту начала уголовного судопроизводства (ст. 35, 36 УПК РСФСР). Допускалась и передача уголовного дела из одного суда в другой, равный ему суд — в когда если этим обеспечивалось достижение более беспристрастного, скорого и при этом более полное рассмотрения уголовного дела. (ст.32 УПК РСФСР). Вопросы о подобных передачах уголовных дел подлежали разрешению советами народных судей. Тогда как иные вопросы, связанные с изменением подсудности уголовных дел находились в ведении Наркомюста (ст. 33 УПК РСФСР).

Как уже неоднократно отмечалось выше раннесоветское процессуальное законодательство допускало единоличной и коллегиальный порядок рассмотрения уголовных дел в первой инстанции. Единоличное судебное разбирательство осуществлялось в форме судебного приказа; его предписывалось проводить по уголовным делам о наименее тяжких преступлениях, например, о нарушениях трудового законодательства, о приготовлении ядов и сильнодействующих веществ, о нарушении правил строительства и т.д.

Прочие дела следовало рассматривать коллегиально — в составе «профессионального» судьи и двух либо шести народных заседателей. Последний из указанных судебных составов предполагался по уголовным делам о более тяжких преступлениях: об убийствах, причинениях тяжкого вреда здоровью, изнасилованиях и иных преступлениях против половой свободы и неприкосновенности, грабежах и т.д. Тогда как все остальные преступления были подсудны суду в составе судьи и двух народных заседателей. Однако в исключительных случаях любое из указанных уголовных дел могло быть передано на рассмотрение суда с участием шести народных заседателей.

Суд, установив тем или другим путем, что в его производстве находилось дело, подсудное какому-либо иному суду, был обязан во всех случаях, кроме указанных далее, немедленно приостановить производство по делу, в какой бы стадии оно до вынесения приговора ни находилось, и направить его по надлежащей подсудности. В случаях если суд, устанавливал, что находящееся в его производстве дело подсудно какому-либо другому такому же суду, мог оставить дело в своем производстве только в случаях, если он уже приступил к поверке доказательств на судебном рассмотрении дела и если против этого не последовало возражений от сторон.

Предание суду. Предание суду являлось самостоятельной стадией судебного разбирательства, осуществляемой в двух формах: единоличного судьей и в распорядительном заседании. Народный судья разрешал единоличным постановлением следующие вопросы: 1) о передаче дела, подсудного народному суду с участием двух народных заседателей, народному суду с 6 заседателями; 2) о производстве предварительного следствия по делам, где таковое не является обязательным; 3) о производстве дознания по делам, не требующим предварительного следствия; 4) о предании обвиняемого суду по делам, поступившим непосредственно в народный суд; 5) об утверждении или усилении меры пресечения, принятого органами дознания; 6) о возбуждении уголовного преследования (ст. 251 УПК РСФСР). Все остальные вопросы подлежали разрешению в распорядительном заседании. Кроме того, народный судья вправе был передавать на рассмотрение распорядительного заседания все вопросы, предоставленные на его единоличное разрешению.

Распорядительное заседание предписывалось проводить в составе председательствующего судьи и двух народных заседателей (ст. 252 УПК РСФСР). При этом судья уполномочивался внести поступившее дело для рассмотрения по существу, назначить дату его слушания, распорядиться о вызовах сторон и представителей их интересов, свидетелей, экспертов, а при необходимости принять меры к обеспечению защитника, разрешить ему свидания с подсудимым, находящимся под стражей и (или) предоставить возможность для ознакомления с нужными материалами (ст. 253–256 УПК РСФСР). Одновременно суду полагалось разрешать мотивированные ходатайства сторон о вызове новых свидетелей и экспертов, об истребовании других доказательств. Ходатайства, предполагающие вероятность установления новых обстоятельств, имеющих значение для дела, подлежали удовлетворению. Более того, суду запрещалось отказывать в вызове свидетелей и экспертов, в истребовании других доказательств, аргументируя свое решение достаточной явностью уголовного дела, равно как и ограничивать количество вызываемых сторонами лиц либо выбирать из них отдельных свидетелей, экспертов, иных лиц для участия в судебном заседании. В случае отклонения ходатайства стороны суду надлежало письменно обосновать свое решение в соответствующем акте. По уголовном делам, по которым не производилось предварительное следствие или дознание и не состоялось предание суду прокурором, народному судье дозволялось перед назначением слушания, вызвать обвиняемого, разъяснить ему сущность предъявляемого обвинения, выяснить, ходатайствовал ли он о вызове свидетелей

и экспертов и об истребовании других доказательств. Опрос обвиняемого и сделанные им заявления заносились в протокол. Ходатайства, заявленные обвинением, рассматривались и разрешались в том же порядке, что и остальные ходатайства (ст. 257–260 УПК РСФСР).

Общие условия судебного заседания. Законодатель предусматривал общее требование о непрерывности судебного разбирательства за исключением нерабочего времени, а также краткосрочных перерывов для приема пищи, курения, обеспечения иных потребностей участвующих лиц. Одновременно устанавливался запрет на рассмотрение до окончания начатого уголовного дела других уголовных дел (ст. 262 УПК РСФСР).

Общее руководство судебным заседанием возлагалось на народного судью; ему предписывалось следить за поведением участвующих лиц, направлять процесс в наиболее способствующую раскрытию истины сторону, исключать из рассмотрения любые сведения или материалы, не имеющие отношения к рассматриваемому делу. Тогда как сторонам, в свою очередь, дозволялось требовать занесение в протокол судебного заседания возражений на действия и решения председательствующего (ст. 261 УПК РСФСР).

Ему же (председательствующему) поручалось обеспечение порядка судебного разбирательства. В этой связи законодатель дозволял предупреждать нарушающего порядок подсудимого о возможности удаления из зала суда, а при безуспешности указанной меры — удалять подсудимого и проводить дальнейшее разбирательство в его отсутствие. Кроме того, предусматривались и способы правового воздействия на игнорирующих порядок судебного разбирательства прокурором и защитником (ст.263-265 УПК РСФСР).

Участие подсудимого признавалось обязательным лишь по уголовным делам о преступлениях, за которые предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок свыше шести месяцев, а также рассматриваемым народным судом с участием шести народных заседателей. Рассмотрение подобных дел в отсутствие подсудимого допускалось лишь по с его согласию или в случаях его уклонения от участия в судебном заседании, в том числе его исчезновения из поля зрения суда и правоохранительных органов. По остальным уголовном делам явка подсудимого по усмотрению суда могла быть признана необязательной.

Открытие судебного заседания (подготовительная часть судебного заседания). В назначенное для слушания уголовного дела время председательствующему надлежало, удостоверившись в присутствии отельных членов суда и секретаря, открыть судебное заседание, объявить

подлежащее рассмотрению дела и сделать распоряжение в введении в зал подсудимого. При этом находящийся на свободе подсудимый при необходимости одновременно мог быть взят под стражу; арест подсудимого допускался и в течение всего последующего судебного заседания.

Далее председательствующий обязывался удостовериться в личности подсудимого и выяснить о вручении ему копии обвинительного заключения или предложения прокурора о предании суду. При неявке подсудимого в тех случаях, где таковая признавалась обязательной, суду с учетом мнения сторон надлежало решить вопрос об отложении дела либо продолжении слушания в его отсутствии, а при необходимости распорядиться о приводе подсудимого и избрании или усилении ранее избранной в отношении него меры пресечения.

При неявке обвинителя или защитника и в случае невозможности заменить их другими лицами, причем в отношении защитника только с согласия на то обвиняемого, дело должно было быть отложено слушанием. В случае неявки без уважительной причины лиц, принадлежащих к составу прокуратуры или коллегии защитников, суд сообщал подлежащим учреждениям на предмет возбуждения дисциплинарного преследования. При неявке гражданского истца или представителя его интересов, гражданский иск признавался устраняемым от рассмотрения, правда в случае отложения дела за потерпевшим сохранялось право предъявить повторный гражданский иск. А при потерпевшего или представителя его интересов по делам, где поддержание обвинения возлагалось на самого потерпевшего, уголовное дело подлежало прекращению, за исключением случаев, когда подсудимый заявлял ходатайство о рассмотрении дела по существу (ст. 270–274 УПК РСФСР).

Кроме того, председательствующему надлежало удостовериться в явке в судебное заседание вызванных свидетелей и экспертов, а также выяснить причины неявки отсутствующих. При этом в случае отсутствия кого-либо из указанных лиц суд с учетом позиций сторон уполномочивался продолжить либо отложить рассмотрение дела (ст. 275–276 УПК РСФСР). Одновременно требовалось выяснить, желают ли стороны заявить мотивированные ходатайства о вызове новых свидетелей и экспертов, об представлении или истребовании других доказательств. Подобные ходатайства предписывалось разрешать в общем порядке и с учетом позиции противоблошной стороны, причем стороны не лишались права на заявление аналогичных или иных ходатайств во время всего судебного следствия. В случаях, когда вызов новых свидетелей, экспертов либо, когда истребование других доказательств признавалось необходимым, суд уполномочивался отложить

рассмотрение дела или, не прерывая слушание, предоставить сторонам возможность самостоятельно обеспечить явку указанных лиц либо представить другие доказательства. Суду надлежало разрешать такие ходатайства (равно как и вопрос об отложении дела) независимо от того, заявлялись ли они впервые или повторно, в том числе невзирая на факт их отклонения в распорядительном заседании.

Явившимся свидетелям следовало разъяснить обязанность давать исчерпывающие показания по заданным вопросам, а также предупредить их об ответственности за ложные показания, после удалить их из зала заседания и принять меры, направленные на пресечения их общения между собой. Тогда как экспертов, напротив, надлежало оставлять в заде судебного заседания за исключением случаев, когда их удаление по собственной инициативе суда или ходатайству стороны признавалось необходимым.

До начала судебного следствия председательствующему судье также предписывалось разъяснить потерпевшему его право на предъявление гражданского иска, если таковой ранее не был заявлен, а подсудимому — право задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым, давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия (такие права принадлежали подсудимому, независимо от участия защитника). В завершении подготовительной части объявить сторонам состав суда, разъяснить право отвода, а в случае заявления таких отводов принять меры по их незамедлительному разрешению (ст. 276–282 УПК РСФСР).

Судебное следствие. Судебное следствие надлежало начинать с оглашения обвинительного заключения, а по уголовным делам, расследовавшимся в форме дознания, — с оглашения постановления прокурора о предании суду, жалобы потерпевшего либо изложения председательствующим сущности предъявленного подсудимому обвинения (ст. 283 УПК РСФСР). Затем сущность предъявленного обвинения разъяснялась подсудимому в понятных для него выражениях, а далее выяснялось, признает ли он себя виновным и желает ли давать показания (ст. 284 УПК РСФСР).

Исследование дела (доказательств) предписывалось проводить в порядке, определённом с учетом мнения сторон, в том числе их позиций по поводу необходимости и последовательности допросов ранее допрошенных подсудимых. Если подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признавал правильным предъявленное обвинение и давал показания, суд мог не производить дальнейшего судебного следствия и переходить к прениям

сторон, однако, в случае требования кого-либо из судей или сторон, суд был обязан произвести судебное следствие, несмотря на наличие признания подсудимого. Если же подсудимый не признавал предъявленное обвинение и желал давать показания, суд был вправе допросить подсудимого как незамедлительно, так и после допроса свидетелей; в последнем случае он не лишался права давать объяснения по поводу показаний каждого отдельного свидетеля во время их допросов по отдельным обстоятельствам дела.

Допрос подсудимого надлежало производить председательствующему и остальным судьям, а затем обвинителю, гражданскому истцу, защитнику и другим подсудимым по тому же делу. Причем проведение этого судебного действия в отсутствие других подсудимых допускалось только в исключительных случаях, связанных с обеспечением интересов раскрытия истины (ст. 285–287 УПК РСФСР).

Свидетели, напротив подлежали допросу порознь в отсутствии других еще недопрошенных свидетелей. Вначале каждому из них предлагались вопросы для установления его личности и определения отношения к уголовному делу и сторонам. Кстати, законодатель не исключал и возможность допросов в качестве свидетелей гражданского истца или лица, поддерживающего обвинение. Допрос следовало начинать со свободного рассказа обо всех известных свидетелю обстоятельств дела, избегая сведений, полученных из неизвестного ему источника, а затем — переходить к вопросам. При этом такие вопросы могли касаться лишь фактов, подлежащих установлению по данному делу, и личности обвиняемого, в связи с чем председательствующему дозволялось отклонять вопросы сторон, не имевшие отношения к предмету судебного разбирательства. Первым такие вопросы предполагалось задавались стороне, по ходатайству которой был вызван соответствующий свидетель, а потом — остальными участниками судебного разбирательства; свидетелей, вызванных по собственной инициативе суда, надлежало допрашивать сначала обвинителем, а затем другими участниками судебного разбирательства. Каждая сторона была вправе задавать свидетелю дополнительные вопросы в разъяснение или в дополнение ответов, данных на вопросы другой стороны. Председательствующий и члены суда могли задавать вопросы свидетелю в любой момент его допроса. При возникновении новых вопросов к свидетелю допускались и дополнительные допросы, которые дозволялось производить в присутствии других свидетелей. Кроме того, предусматривалась право проведения очных ставок между ними. Свидетелям разрешалось пользоваться письменными заметками, содержащими результаты вычислений и другие трудно запоминаемые данные, а также оглашать

имеющиеся у них документы, подлежащие предъявлению сторонам, а при необходимости — приобщены к материалам дела. Допрошенным свидетели разрешалось удаляться из судебного заседания до окончания судебного следствия не иначе как с разрешения председательствующего и согласия сторон (ст. 288–297 УПК РСФСР).

Закон предусматривал возможность оглашения в судебном заседании показаний подсудимого и свидетеля. Так, при установлении факта противоречивости показаний, данных подсудимым в ходе судебного следствия, и показаний, данных этим же лицом в досудебном производстве, последние могли быть оглашены по усмотрению суда или по требованию кого-либо из сторон. Эта же возможность допускалась и при рассмотрении дела в отсутствии подсудимого или в случае смерти кого-либо из подсудимых. При отказе подсудимого от дачи показаний, его прежние показания, данные в качестве обвиняемого подлежали обязательному оглашению. В свою очередь, свидетельские показания подлежали оглашению в случаях: а) если свидетель забыл каких-либо обстоятельства; б) при наличии противоречий между показаниями, которые были даны свидетелем на судебном следствии, с показаниями, данными им на предварительном следствии; в) если свидетель не являлся в судебное заседание. Оглашение показаний свидетелей, не вызывавшихся в судебное заседание, допускалось только по особому определению суда (ст. 298–301 УПК РСФСР).

В ходе судебного следствия допускался и допрос эксперта, который, как уже отмечалось выше, сливался с производством судебной экспертизы в некую единую правовую конструкцию. Так, суду надлежало изложить эксперту те пункты, по которым должно было быть дано заключение, а обвиняемый наделялся правом внести на рассмотрение эксперта дополнительные вопросы. Эксперт имел возможность с разрешения суда знакомиться с теми материалами дела, уяснение которых было необходимо ему для дачи заключения. Если же заключение давали несколько экспертов, то они могли совещаться между собой при подготовке заключения: в случае единогласных выводов — результаты экспертизы надлежало излагать одним из экспертов по их выбору; в случае разногласий — отдельно каждым из экспертов. После составления заключения экспертам могли задаваться вопросы. По окончании экспертизы составлялся протокол, который подписывался экспертами (экспертами). После устного изложения заключение, должно было быть представлено в письменном виде и приобщено к делу, а эксперт мог быть еще раз допрошен уже по подготовленному заключению (ст. 302 УПК РСФСР). В случае признания результатов экспертизы недостаточно ясными или полным, а также при

разногласии между экспертами, суд по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон мог назначить производство новой экспертизы, пригласив для этого новых экспертов. При этом в случае надобности рассмотрение дела могло быть (ст. 304 УПК РСФСР).

Осмотр вещественных доказательств и оглашение письменных документов, могло иметь место как по инициативе суда, так и по ходатайству сторон в любой момент судебного следствия (ст. 303 УПК РСФСР). Осмотр места преступления мог быть поручен одному из членов суда, либо организовано выездное судебное заседание всего состава суда. Порядок проведения такого выездного судебного заседания заключался в следующем: по прибытии на место производства осмотра председательствующий открывал судебное заседание и производил осмотр; во время проведения осмотра стороны имели право обращать внимание суда и требовать занести в протокол те обстоятельства, которые считали необходимыми (ст. 305 УПК РСФСР).

Признав, что не все обстоятельства по делу установлены, суд имел право по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон отложить рассмотрение уголовного дела и истребовать новые доказательства либо направить дело следователю или органам дознания для дополнительного расследования. В последнем случае дело по окончании дополнительного расследования должно было быть направлено для нового предания обвиняемого суду в обычном порядке (ст. 306 УПК РСФСР). После исследования всех имеющихся в деле доказательств, председательствующий выяснял о желании сторон дополнить судебное следствие, после чего, обсудив и удовлетворив или отказав в таких ходатайствах, объявлял судебное следствие законченным (ст. 307 УПК РСФСР).

Прения сторон (судебные прения) и последнее слово подсудимого. По окончании судебного следствия суду надлежало переходить к прениям сторон, которые состояли из речей: сначала обвинителя, гражданского истца, а затем защитника или самого подсудимого, если защитник не участвовал в разбирательстве. Стороны во время прений были не вправе представлять новые доказательства, не ставшие предметом судебного разбирательства — в случае подобной необходимости они могли лишь заявить ходатайство о возобновлении судебного следствия.

Обвинителю дозволялось отказаться от обвинения — в случае, если он приходил к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждали предъявленного обвинения. Отказ обвинителя от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжать рассмотрение дела и разрешать вопрос о правильности предъявленного обвинения и ответственности подсудимого. Суд не был вправе ограничивать продолжительность

речей сторон определенным временем, однако председательствующему предписывалось прерывать выступления участника прений в тех случаях, когда последний выходил за пределы рассматриваемого дела.

По окончании прений стороны могли обмениваться репликами: по одной от каждого из участвующих лиц. Право последней речи всегда принадлежало защитнику или подсудимому (ст. 308–312 УПК РСФСР).

После последней речи защитника председатель объявлял прения сторон законченными и предоставлял подсудимому последнее слово, после чего суд удалялся для вынесения приговора. Во время последнего слова подсудимому не могли задаваться никакие вопросы как судом, так и сторонами. В случае, если в последнем слове подсудимый сообщал новые существенные для дела обстоятельства, суд был вправе как по своей инициативе, так и по ходатайству стороны возобновить судебное следствие.

По окончании прений стороны были вправе представить суду в письменном виде предлагаемую ими формулировку обвинения, в зависимости от данных судебного следствия. Предлагаемая новая формулировка для суда не являлась обязательной (ст. 313–314 УПК РСФСР).

Изменение обвинения и привлечение к суду новых лиц. По общему правилу УПК РСФСР предполагал возможность рассмотрения дела в судебном заседании лишь в отношении лиц, преданных суду до его открытия и лишь в пределах первоначально предъявленного обвинения. Однако при наличии специальных условий существовала возможность дополнения или изменения первоначального обвинения, а также привлечения к суду новых лиц. Так, выявив во время судебного заседания факты совершения подсудимым других, не связанных с первоначальным обвинением преступных деяний, суд уполномочивался выделить соответствующие материалы в отельное производство по новому обвинению и осуществить их автономное рассмотрение в общем порядке. Если же новое обвинение было связано с первоначальным и автономное рассмотрение последнего не предоставлялось возможным, то суду надлежало приостановить производство и направить все дело для организации дополнительного расследования, повторного предания суду и рассмотрения в общем порядке с самого начала.

В тех случаях, когда во время судебного заседания судом устанавливались новые обстоятельства, требующие изменения первоначальной формулировки обвинения, и это изменение влекло за собой более тяжкое наказание, суд в случае ходатайства о том какой-либо из сторон приостанавливал слушание дела и направлял дело для расследования, предания суду и рассмотрения в общем порядке. А когда изменение

первоначального обвинения не влекло более тяжкого наказания, суд продолжал слушание дела и выносил приговор с новой формулировкой обвинения.

Кроме того, усмотрев в показаниях кого-либо из допрошенных свидетелей факты лжесвидетельства, суд был обязан занести их в специальный протокол и, заслушав заключение прокурора (если он участвовал в деле), вынести мотивированное определение о привлечении такого свидетеля к ответственности и направить дело для расследования, предания суду и рассмотрения отдельно от основного дела в общем порядке. При этом суд был вправе принять меры пресечения в отношении свидетеля, привлеченного к ответственности. Эта обязанность суда распространялась и на случаи, связанные с усмотрением признаков, указывающих на совершение преступления кем-либо из ранее не привлеченных в качестве подсудимых лиц. Когда вновь предъявленное обвинение находилось в тесной связи с обвинением, предъявленным подсудимым по данному делу и отдельное рассмотрение этих обвинений не представлялось возможным, суд приостанавливал рассмотрение дела и направлял все материалы (как в отношении подсудимых, так и в отношении вновь привлеченного лица) для рассмотрения в общем порядке (ст. 315–320 УПК РСФСР).

Постановление приговора. По смыслу УПК РСФСР приговор подлежал постановлению тайно в совещательной комнате, в условиях, исключающих присутствие кого-либо кроме судей, входящих в состав суда по данному делу. При этом судьям запрещалось обоснованность свои решения доказательствами (показаниями свидетелей и экспертов, документами, вещественными доказательствами), не исследованными в ходе судебного следствия. А исследованные доказательства надлежало оценивать по внутреннему убеждению судей, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

При постановлении приговора суд должен был разрешать следующие вопросы: 1) имело ли место деяние, инкриминируемое подсудимому; 2) содержало ли в себе это деяние состав преступления; 3) совершал ли данное деяние подсудимый; 4) подлежал ли подсудимый наказанию за совершенное им деяние; 5) какое именно наказание должно было быть назначено подсудимому и подлежало ли оно отбытию подсудимым; 6) подлежал ли удовлетворению заявленный гражданский иск, а если иск заявлен не был, то надлежало ли принять меры обеспечения могущего быть заявленным гражданского иска; 7) как следовало поступать с вещественными доказательствами; 8) на кого должны были быть возложены судебные издержки. Председательствующему предписывалось ставить на разрешение суда указанные

вопросы в такой форме, чтобы по ним могло быть лишь два ответа. А в случаях, когда во время предварительного и судебного следствия возникал вопрос о вменяемости подсудимого, суд был обязан при постановлении приговора разрешать вопрос о вменяемости подсудимого, независимо от того, был ли этот вопрос ранее разрешен в распорядительном заседании. Если подсудимый признавался находящимся в момент совершения инкриминируемого деяния в невменяемом состоянии, то суду надлежало вынести определение о прекращении дела и разрешить вопрос о необходимости принятия мер социальной защиты по отношению к подсудимому. Если же подсудимый признавался впавшим в болезненное расстройство душевной деятельности после совершения приписываемого ему деяния, требовалось вынести определение о приостановлении дела впредь до выздоровления подсудимого, а в случае признания болезни неизлечимой — прекратить уголовное дело.

Все вопросы разрешались посредством совещания между судьями. При вынесении решения по каждому отдельному вопросу судьям запрещалось воздерживаться от подачи голоса. Председательствующему надлежало высказывать свое мнением последним. Все вопросы решались простым большинством голосов; судья, оставшийся в меньшинстве, был вправе письменно изложить свое особое мнение, которое приобщалось к приговору, но оглашению не подлежало.

Если во время обсуждения в совещательной комнате суд признавал необходимым выяснить какое-либо обстоятельство путем допроса свидетелей или иного судебного действия, то он, не постановляя приговора, возобновлял судебное следствие по делу, предоставляя сторонам и подсудимому дать дополнительное объяснение по поводу вновь произведенных действий (ст. 321–329 УПК РСФСР).

Раннесоветский законодатель предусматривал три вида приговоров: а) обвинительный с назначением наказания; б) обвинительный с освобождением лица от наказания ввиду амнистии или истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности (суд уполномочивался ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК об освобождении осужденного от наказания и в других случаях); в) оправдательный — ввиду недоказанности события или состава вмененного подсудимому преступления либо ввиду его непричастности к совершению преступления вмененного преступления (ст. 330 УПК РСФСР).

Отдельное внимание уделялось разрешению в приговоре заявленного гражданского иска. Суд был вправе: а) оставить иск без рассмотрения — в случае оправдания подсудимого за отсутствием состава преступления; б) отказать в удовлетворении иска — в случае оправдания

подсудимого ввиду недоказанности события преступления; в) удовлетворить иск или отказать в его удовлетворении по собственному усмотрению, основанному на исследовании и оценке всем материалов дела, — во всех остальных случаях. При оставлении гражданского иска без рассмотрения, потерпевшему дозволялось предъявить новый иск в порядке гражданского судопроизводства, тогда как при отказе в гражданском иске его вторичное предъявление порядке гражданского судопроизводства не допускалось. В случае необходимости произвести подробный расчет по гражданскому иску или собрать в отношении последнего дополнительные сведения, разрешалось лишь признать право на удовлетворение заявленных требований, а затем передать соответствующие материалы другому судье для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. Если же гражданский иск не предъявлялся суд, усмотрев, что потерпевшему причинены вред и убытки, был вправе при вынесении обвинительного приговора постановить о принятии мер обеспечения будущего гражданского иска (ст. 331–334 УПК РСФСР).

Как уже отмечалось, постановляя приговор суду надлежало решить вопросы о приобщенных к делу предметах и судебных издержках. В этой связи устанавливалось, что добытые преступным путем, но не являющиеся вещественными доказательствами, предметы следовало возвратить владельцу; спор о праве на указанные вещи, должен был разрешаться в исковом порядке, которые возвращались только после вступления в законную силу соответствующего судебного решения. В отношении судебных издержек суду следовало ограничиваться указанием субъекта, обременяемого их возмещением, а подробный расчет соответствующих сумм производился в специальном распорядительном заседании (ст. 334–336 УПК РСФСР).

По разрешении всех указанных вопросов, суду предписывалось переходить к составлению приговора. Приговор должен был состоять из описательной и резолютивной части. Описательная часть предполагала формулировку обвинения с указанием имени, отчества, фамилии и прозвища подсудимого, его возраста, классовой принадлежности и социального положения, личности потерпевшего, места, времени, способа и других обстоятельств преступления, а также данных, обосновывающих принятое решение. В резолютивной части приговора требовалось указывать само решение суда о признании виновным либо невиновным, а также о назначении наказания. Одновременно обращалось внимание на ясность и понятность используемых при этом формулировок, особенно в части вида и размера наказания. Если суд признал необходимым назначить смягченное наказание,

в приговоре надлежало указывать основное наказание, а также мотивы смягчения, вид и размер окончательно избранного наказания. Если же лицо осуждалось за совершение нескольких преступлений, в приговоре требовалось указывать наказания, назначенные судом за каждое преступление в отдельности и то общее наказание, определённое по их совокупности. А если предъявленные лицу обвинения были признаны доказанными лишь частично, в приговоре должно было быть точно указано, по какому именно обвинению подсудимый оправдан и по какому осужден.

Текст приговора требовалось писать собственноручно одним ого из судей и подписывать всеми судьями, участвовавшими в его вынесении. Приговоры постановлялись именем РСФСР. После подписания приговора, суд возвращался в зал заседания, где председательствующий оглашал его содержание; все находящиеся в зале заседания лица слушали приговор стоя.

При вынесении оправдательного приговора или освобождающего подсудимого от наказания председательствующий немедленно после провозглашения приговора объявлял подсудимого свободным; мера пресечения, принятая в отношении подсудимого, немедленно отменялась. При вынесении приговора с назначением наказания, суд был обязан обсудить вопрос о мере пресечения, в частности имел вправо до вступления приговора в законную силу изменить ранее принятую меру пресечения или избрать новую меру пресечения. Подобный приговор приводился в исполнение после вступления в законную силу — по истечении срока для обжалования, если жалоба не подавалась, либо в день оставления жалобы без удовлетворения судом второй инстанции. В случаях принесения жалобы на часть приговора, остальная часть считалась вступившей в законную силу в день истечения срока, установленного для обжалования.

Срок отбытия наказания в виде лишения свободы исчислялся со дня приведения приговора в исполнение. В тех случаях, когда подсудимый при вынесении приговора был заключен под стражу или находился под стражей в порядке предварительного заключения, срок отбытия наказания считался со дня заключения подсудимого под стражу (ст. 337–347 УПК РСФСР).

Обжалование судебных решений. Общие положения. Установленные УПК РСФСР механизмы обжалования включали: а) кассационное производство; б) надзорное производство; в) производство по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Жалобы на приговоры и определения народного суда требовалось направлять в 14-суточный срок в совет народных судей, в районе которого

находился данный народных суд. При этом жалобы, поданные с пропуском срока, возвращались народным судом жалобщику, а поданные в установленный срок — принимались к рассмотрению. В случае пропуска срока обжалования по уважительным причинам, заявитель мог ходатайствовать об его восстановлении. Подобные ходатайства рассматривались судом первой инстанции в распорядительном заседании, а соответствующие решения также подлежали обжалованию в совет народных судей в общем порядке.

Обжалование приговора обуславливало приостановление его приведение в исполнение в любом случае, а обжалование иного судебного решения — лишь когда это признавалось необходимым. Кроме того, существовали и решения, которые признавались окончательными и обжалованию не подлежали (о наложении взыскания в виде штрафа или ареста за неподчинение распоряжениям председательствующего, об избрании меры пресечения при неявке подсудимого и т.д.). Жалобы на приговор народного суда могли были быть принесены каждой из заинтересованных сторон исключительно по поводу формального нарушения ее прав и интересов и не могли касаться существа приговора; все остальные жалобы, именовались частыми. Жалобы прокурора по поводу нарушения прав и интересов участвующих в процессе сторон назывались кассационными протестами. Обжалование существа приговора в кассационном порядке не освобождало совет народных судей от обязанности рассмотреть жалобу и все производство по делу в ревизионном порядке. Сама жалоба в этих случаях приобщалась к делу, и производство осуществлялось по правилам надзора, с вызовом или без вызова сторон (ст. 348–354 УПК РСФСР).

Производство по кассационным жалобам и протестам. Совет народных судей рассматривал вопрос об отмене или изменении приговора лишь при наличии кассационной жалобы или протеста и только в отношении подсудимых, которых касались такие жалобы и протесты. Правда, в случае отмены приговора ввиду незаконного состава суда, нарушения тайны совещания судей, осуждения подсудимого за деяние, не содержащее состава преступления, и непрекращения дела при наличии соответствующего повода приговор подлежал полной отмене в отношении всех осужденных.

Рассмотрение кассационных жалоб и протестов производилось советом народных судей в судебном заседании с участием сторон по правилам производства в первой инстанции. Неявка своевременно извещенных сторон не препятствовала рассмотрению дела. В начале выступал судья-докладчик и излагал обстоятельства дела, после чего стороны, если они участвовали в заседании, давали объяснения:

первой — сторона, принесшая жалобу или протест. После этого заслушивалось заключение прокурора и последнее слова подсудимого или его защитника. До заключения прокурора стороны были вправе подавать дополнительные кассационные жалобы и протесты, а также письменные объяснения на них. В случае осуждения народным судом подсудимого за деяние, не содержащее в себе состава преступления, а также в случае не прекращения дела судом при наличии поводов к прекращению, совет народных судей, отменяя приговор народного суда, прекращал дело производством, не передавая его в народный суд на новое рассмотрение. Независимо от рассмотрения поводов к обжалованию приговоров, указанных в кассационных жалобах и протестах, совет народных судей обязан был рассмотреть дело в полном объеме, то есть в ревизионном порядке и, в случае обнаружения нарушений законов, влекущих за собой отмену приговора, отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение в суд первой и инстанции (ст. 335–338 УПК РСФСР).

Основаниями к отмене приговоров в кассационном порядке являлись: а) недостаточность и неправильность проведенного следствия; б) существенное нарушение форм судопроизводства; в) явная несправедливость приговора.

Недостаточным и неправильно проведенным признавалось следствие, которое либо было проведено не полно, то есть таким образом, что оставались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение которых было необходимо и должно было повлиять на приговор, либо проведено неправильно, то есть. таким образом, что не подвергались обследованию и выяснению возможные действительные причины, обстоятельства и виновные в совершении преступления, которые нужно было выяснить. Существенными нарушениями форм судопроизводства признавались процессуальные нарушения, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне рассмотреть дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного приговора. При этом приговор во всяком случае подлежал отмене: при неправильном составе суда; в случае не прекращения дела судом при наличии условий, обязательно влекущих прекращение; при рассмотрении дела в отсутствии подсудимого, когда такое рассмотрение по закону не допускается; в случае рассмотрения без участия защитника дела, в котором участие защитника является обязательным. Нарушение или неправильное применение закона, то есть неприменение судом закона, который подлежал применению; применение закона, не подлежащего

применению; неправильное истолкование закона, противоречащее его точному смыслу или общему характеру; применение узаконений и распоряжений, изданных не надлежащими инстанциями или не в надлежащем порядке, или же нарушающих постановления центральной власти. Отмена приговора во всех этих случаях могла последовать только, если допущенная судом ошибка повлекла за собой постановление иного наказания, нежели то, которое должно было быть определено судом при надлежащем применении закона. Приговор признавался явно несправедливым: когда он являлся немотивированным и когда назначенное судом наказание, хотя и не выходило за законные пределы, но по размеру явно не соответствовало содеянному (ст. 321–364 УПК РСФСР).

В случае осуждения народным судом подсудимого за деяние, не содержащее в себе состава преступления, а также в случае не прекращения дела судом при наличии поводов к прекращению, совет народных судей, отменяя приговор народного суда, прекращал дело, не передавая его в народный суд на новое рассмотрение. В случае нарушения народным судом правил о подсудности дело надлежало передавать по надлежащей подсудности. Если судом по неподсудному ему делу выносился приговор, не вызывающий сомнений в его правильности и без превышения компетенции соответствующего суда, совет народных судей был вправе не отменять приговор, а ограничиться соответствующим указанием в порядке надзора на неправильность действий соответствующего суда. Во всех остальных случаях отмены приговора совет народных судей, отменяя приговор народного суда, передавал дело на новое рассмотрение в другой народный суд или в тот же народный суд, в ином составе судей.

Совет народных судей был вправе, не передавая дела на новое рассмотрение, сократить или смягчить наказание в порядке применения соответствующего акта амнистии, если таковая не была применена или была применена неправильно. Определения, выносимые советом народных судей, должны были содержать в себе, в случае отмены приговора, указание тех статей закона, которые были признаны нарушенными, и указание того, в чем именно нарушение выразилось, и почему оно было признано существенным. При отмене приговора по основанию его явной несправедливости, в определении должно было содержаться указание на те основания, по которым суд признал приговор явно несправедливым. Кроме того, в определении должно было быть указано, в какой стадии будет начаться новое производство по делу в народном суде. В случае отмены приговора в виду нарушений, связанных с рассмотрением приговора при неправильном

составе суда, а также при отмене приговора ввиду нарушения тайны совещания судей; осуждения подсудимого за деяние, не содержащее в себе состава преступления; не прекращения дела судом при наличии поводов к прекращению совет народных судей отменял приговор полностью в отношении всех осужденных подсудимых, в том числе и тех, в отношении которых приговор не был обжалован или опротестован. В случае передачи дела советом народных судей для нового рассмотрения, указания, сделанные советом народных судей, были обязательны по данному делу для народного суда, вторично его рассматривающего. Народный суд возобновлял производство по делу с той стадии процесса, какая была указана в определении совета народных судей об отмене первоначального приговора.

Если первоначальный приговор был отменен по жалобе осужденного, то при вторичном рассмотрении дела не могло быть назначено более тяжкое наказание, нежели то, которое было избрано судом при первом рассмотрении дела. Приговор, постановленный народным судом при вторичном рассмотрении, мог быть обжалован на общем основании. Определения совета народных судей могло быть обжалованы сторонами в порядке высшего судебного контроля в Наркомюст. Подача жалобы не останавливала приведения в исполнение определения (ст. 364–372 УПК РСФСР).

Производство в порядке надзора. Председателю совета народных судей, губернскому прокурору и прокурору, состоящему при совете народных судей, принадлежало право истребования производства по любому делу и с любой стадии процесса для проверки его в порядке надзора. Народный суд, получив такое требование прокурора, направлял истребованное дело в совет народных судей или прокурору, приостановив по нему производство. В тех случаях, когда по данному делу проводилось судебное разбирательство, направление дела допускалось лишь после вынесения приговора.

Дело, по получении его из народного суда, поступало к прокурору, состоящему при совете народных судей, который, если не выявлял в производстве никаких нарушений, докладывал о том председателю совета народных судей с согласия которого, производство в порядке надзора прекращалось. При несогласии председателя, а равно во всех случаях, если прокурор не выявлял существенных нарушений, он направлял дело с своим заключением в президиум совета народный судей, от которого зависело решение по делу: постановить дела в Наркомюст в порядке высшего судебного контроля, в случае, когда приговор по делу уже вынесен. Истребование дела по изложенным основаниям не было ограничено никакими сроками (ст. 373–374 УПК РСФСР).

Производство по частным жалобам. Частые жалобы рассматривались советом народных судей в судебном заседании без вызова сторон, но последние, если они являлись в заседание, должны были быть допущены к даче объяснений. Рассмотрение дела производилось советом народных судей применительно к правилам производства первой инстанции. Слушание дела начиналось докладом одного из судей, после чего стороны давали объяснения. Первой выступала сторона, обратившаяся с жалобой. Затем суд выносил определение об оставлении частной жалобы без последствий или об отмене обжалованного определения. Совет народных судей рассматривал частные жалобы лишь в отношении тех лиц, которыми они были принесены (ст. 375–377 УПК РСФСР).

Производство по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Возобновление дел, по которым вступили в законную силу приговоры народного суда, допускалось: 1) если была установлена подложность доказательств, на которых был основан приговор; 2) при преступных злоупотреблениях со стороны судей, постановивших приговор; 3) если открывались новые обстоятельства, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывали невиновность осужденного или участие его в менее тяжком или более тяжелом преступлении, нежели то, за которое он был осужден. Новыми признавались такие обстоятельства, которые не могли были быть известны суду при вынесении приговора.

Пересмотр оправдательных приговоров допускался лишь в течение года со дня открытия новых обстоятельств, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывали невиновность осужденного или участие его в менее тяжком или более тяжелом преступлении, нежели то, за которое он был осужден, а также которые не могли были быть известны суду при вынесении приговора и не позже 5 лет со дня вступления приговора в законную силу. Преступные злоупотребления судей, а также лжесвидетельства и дача ложного заключения экспертом или подложность иных доказательств являлись основанием к возобновлению дела лишь в том случае, когда эти обстоятельства были установлены вступившим в законную силу другим приговором суда.

О возобновлении дела, по которому состоялся оправдательный приговор, мог ходатайствовать лишь прокуратура. О пересмотре обвинительного приговора могли возбуждать ходатайства: прокуратура, осужденный, его защитник, его родственники и те профессиональные и общественные организации, в которых осужденный состоял. Смерть осужденного не являлась препятствием к возобновлению о нем дела,

по которому состоялся обвинительный приговор. Ходатайства о возобновлении дела направлялись заинтересованными лицами и учреждениями прокурору. Прокурор, получивший такие ходатайства, а также по собственной инициативе, мог возбудить вопрос о возобновлении дела и производить необходимое расследование лично, или через органы дознания или органы предварительного следствия. По окончании расследования прокурор давал свое заключение и выдавал копию заключения и актов расследования лицам и учреждениям, возбудившим ходатайство. Помимо того, прокурор, если признавал необходимым, был вправе возбудить вопрос о возобновлении дела. В этом случае он представлял акты расследования со своим заключением в порядке высшего судебного контроля в Наркомюст.

Заинтересованные лица и учреждения могли обратится с ходатайством о возобновлении дела в порядке высшего судебного контроля в Наркомюст, куда представляли полученные ими от прокурора копии актов расследования, а также иные документы, служащие подтверждением возбужденного ходатайства. Последний, рассмотрев в порядке высшего судебного контроля представленные документы и материалы, выносил мотивированное определение об отклонении или удовлетворении ходатайства о возобновлении дела. При удовлетворении ходатайства о возобновлении дела Наркомюст в порядке высшего судебного контроля выносил определение об отмене первоначального постановленного приговора и о новом рассмотрении дела. В случае отмены приговора, по которому осужденный отбывал наказание, дальнейшее его отбывание наказания приостанавливалось до нового рассмотрения дела.

При новом рассмотрении дела, народный суд рассматривал дело и постановлял приговор на общем основании. Постановленный при новом рассмотрении дела приговор мог быть обжалован на общем основании в совет народных судей (ст. 378–387 УПК РСФСР).

Заочные приговоры. Заочным являлся приговор, постановленный в отсутствии подсудимого. В отношении заочных приговоров соблюдались общие правила, за исключением следующих случаев: 1) когда подсудимый был удален из зала суда при рассмотрении дела в случае нарушения им порядка судебного заседания; при рассмотрении дела в отсутствии подсудимого в случае его согласия на рассмотрение дела без его участия; если доказано, что подсудимый уклонился от вручения повестки о вызове в суд или скрывался от суда; 2) когда подсудимый явился в суд после открытия судебного заседания, но до вынесения приговора и был допущен к даче объяснений; 3) когда подсудимый, учувствовавший в судебном разбирательстве, сам оставил зал заседания до провозглашения приговора.

Копия заочного приговора должна была быть отправлена подсудимому не позже трех суток со дня вынесения приговора; при этом подсудимому должно было быть отправлено также уведомление о порядке и сроках обжалования и подачи просьбы о новом рассмотрении дела. Подсудимый был вправе, в течение семи суток со дня вручения ему уведомления и копии приговора, подать просьбу о новом рассмотрении дела с указанием причин неявки. Народный судья в течение трех суток со дня получения просьбы подсудимого, был обязан рассмотреть данную просьбу; признавая причины неявки подсудимого неуважительными, народный судья оставлял просьбу о новом рассмотрении дела без удовлетворения и уведомлял о принятом решении подсудимого. Постановление народного судьи об отказе в новом рассмотрении дела могло быть обжаловано лишь совместно с обжалованием приговора. В течение семи суток со дня получения извещения об отказе в удовлетворении просьбы о новом рассмотрении дела, подсудимый был вправе подать в общем порядке кассационную жалобу в совет народных судей на заочный приговор.

В случае признания причин неявки подсудимого уважительными, народный суд удовлетворял просьбу о новом рассмотрении дела и назначал дело к слушанию в судебном заседании с вызовом сторон. Новое рассмотрение дела производилось по правилам производства в суде первой инстанции в общем порядке. При новом рассмотрении дела суд выносил приговор, по объявлении которого первоначально постановленный приговор терял силу. Вновь вынесенный приговор мог быть также обжалован в общем порядке. В случае неявки подсудимого без уважительных причин на новое рассмотрение дела суд выносил определение об оставлении в силе постановленного заочно приговора и не проводил новое рассмотрение дела. Такой приговор мог быть обжалован в общем порядке в течение 14 суток со дня вынесения народным судом означенного определения. Подсудимый, не подавший отзыва на заочный приговор, был вправе принести на общем основании кассационную жалобу на заочный приговор в совет народных судей в течение 14 суток со дня вручения ему уведомления и копии заочного приговора (ст. 288–396 УПК РСФСР).

Дежурные камеры народного суда. Рассмотрение дел в дежурных камерах производилось только народным судьей с двумя народными заседателями. Не допускалось рассмотрение в дежурных камерах дел, подсудных народному суду с участием шести народных заседателей. В дежурные камеры направлялись те дела о задержанных обвиняемых, которые, по мнению органов, произведших задержание, не требовали особого расследования или по которым обвиняемые признали себя

виновными. Одновременно с делом должны были быть доставлены в дежурную камеру обвиняемый и вещественные доказательства, а по возможности и свидетели. Назначение защитника по делам, рассматриваемым в дежурных камерах, было не обязательно.

Народный суд был вправе принять дело к немедленному рассмотрению в дежурной камере лишь в том случае, если им признавалось, что имеющийся в деле материал был достоверным и полным для принятия по нему решения. Признав немедленное рассмотрение дела в дежурной камере невозможным, суд выносил определение о направлении дела на дополнительное расследование и рассмотрение в общем порядке. При этом должен был рассматриваться вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого до вынесения такого определения.

Если при рассмотрении дела в дежурной камере подсудимый для опровержения предъявленного ему обвинения указывал на доказательства, которые не представлялись возможным рассмотреть в том же заседании, слушание дела прерывалось, и дело должно подлежало передаче для рассмотрения в общем порядке. При этом народный суд также должен был рассмотреть вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого. Рассмотрение дел в дежурных камерах производилось по правилам, установленным для производства дел в народном суде. Определение и приговоры народного суда, постановленные в дежурных камерах, могли могут быть обжалованы в общем порядке (ст. 396–402 УПК РСФСР).

Производство в особых сессиях народных судов. Особые сессии народного суда рассматривали дела в судебном заседании в составе председателя и двух либо шести народных заседателей. Председательствующим в особых сессиях являлся народный судья, назначаемый президиумом совета народных судей. Предание суду, подготовительные к судебному заседанию действия, рассмотрение дела, вынесение приговора и возобновление дел в особых сессиях производились согласно правилам, установленным для производства дел в народном суде. Постановления председателя особой сессии, определения и приговоры особых сессий подлежали обжалованию на общем основании, установленном для постановлений народного судьи, определений и приговоров народного суда (ст. 403–405 УПК РСФСР).

Судебные приказы. Народный судья в случаях явной бесспорности нарушения постановлял приговор судебным приказом. Как уже отмечалось выше подобный порядок допускался для рассмотрения уголовных дел о наименее тяжких преступлениях, например, о нарушениях трудового законодательства, о приготовлении ядов и сильнодействующих веществ, о нарушении правил строительства и т.д. Вместе с тем

судебные приказы не могли быть вынесены по делам, в которых к обвиняемому предъявлен гражданских иск.

Судебные приказы постановлялись без вызова сторон, однако обвинитель и подсудимый, явившиеся к разбору дела, должны были быть допущены к даче объяснений в случае поступления соответствующей просьбы. В судебном приказе должны были быть указаны: имя, отчество и фамилия или прозвище осужденного; его возраст, совершенное им преступное деяние; место, время и способ совершения преступного деяния; статья уголовного кодекса, предусматривающая данное преступное деяние, и назначенное судьей наказание. Судебный приказ после его постановления вступал в силу немедленно и приводился в исполнение.

Осужденный судебным приказом вправе был в течение трех суток после получения его копии ходатайствовать о судебном рассмотрении дела. Осужденный не имел такого права в тех случаях, когда судебный приказ бы постановлен по его ходатайству. Народный судья, получив в установленный срок ходатайство подсудимого о судебном разбирательстве дела, назначал день слушания дела и вызывал стороны. Рассмотрение дела производилось в судебном заседании с участием двух народных заседателей на общем основании. При вынесении приговора народный суд не был связан ранее постановленным судебным приказом ни по вопросу о виновности подсудимого ни по вопросу о размерах наказания. С вынесением приговора в судебном заседании, ранее постановленный судебный приказ терял силу. В случае неявки подсудимого и его защитника без уважительной причины в судебное заседание, народный суд выносил определение об оставлении в силе судебного приказа, который имел такую же юридическую силу, что и вступивший в законную силу приговор. Данное определение народного суда могло быть обжаловано в общем порядке (ст. 406-412 УПК РСФСР).

§ 5. Производство в революционных трибуналах по УПК РСФСР 1922 г.

Производство в революционных трибуналах определялось правилами, установленными для производства дел в народных судах с учетом ряда процессуальных особенностей.

Предъявление гражданских исков при рассмотрении дел революционными трибуналами не допускалось. Революционный трибунал, усмотрев, что преступлением причинены вред и убытки республике

или частным лицам, был вправе при вынесении приговора, постановить о принятии мер обеспечения будущего гражданского иска.

Допуск обвинения и защиты в судебном заседании по делам, рассматриваемым в революционных трибуналах, был необязательным и разрешается каждый раз в распорядительном заседании в зависимости от важности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса. Трибунал был обязан допустить или назначить защитника, если в деле учувствовал обвинитель. Отказ подсудимого от защитника не препятствовал участию обвинителя. Кроме того, трибунал был вправе не допустить к защите любое из формально правомочных лиц, если признавал его несоответствующим для выступления в зависимости от существа особого характера данного дела.

Принятие революционными трибуналами к своему производству дел могло иметь место исключительно в строгом соответствии с правилами подсудности. Отступление от этих правил допускалось: а) для революционных трибуналов всех категорий в тех случаях, когда в данном районе не было народного суда или трибунала требуемой категории; б) для всех отделений трибунала в случае принятия ими к производству дел, подсудных продналоговому отделению, однако принятие этим отделением дел, подсудных другим отделениям трибунала, не допускалось; в) в точно определенных случаях персональной подсудности отдельных категорий должностных лиц Верховному трибуналу; г) по особым постановлениям президиума ВЦИК, Верховного Трибунала или Прокурора республики о передаче на рассмотрение трибунала неподсудного ему дела (ст. 413–417 УПК РСФСР).

Предварительное следствие. По всем делам, подсудным революционным трибуналам, предварительное следствие являлось обязательным и производилось следователями, состоящими при данных трибуналах под ближайшим наблюдением состоящих при трибуналах помощников губернских прокуроров. Однако по делам о продналоговых и некоторых воинских преступлениях органам дознания дозволялось направлять материалы дознания непосредственно в ревтрибунал, минуя предварительное рассмотрение прокурором. Более того, ввиду ясности дела либо согласия обвиняемого с предъявленным обвинением следователь также мог отказаться от проведения полноценного предварительного следствия и ограничиться отдельными следственными действиями. Правда. прокурор мог не согласиться с подобным решением и давать указание о проведении полного предварительного следствия или отдельных следственных действий.

Постановления и распоряжения следователей, состоящих при трибуналах, были обязательны для всех без исключения следственных

и розыскных органов республики. Следователи, состоящие при трибуналах, были не связаны пределами своих участков и производили следственные действия на всей территории РСФСР по особым мандатам за подписями председателя трибунала и состоящего при революционном трибунале помощника прокурора.

Районный следователь, получив дело, подсудное трибуналу, сообщал о том прокурору, состоящему при соответствующем революционном трибунале. Прокурор по согласованию с губернским прокурором либо оставлял дело в производстве у данного народного следователя, либо, найдя необходимым передать дело следователю, состоящему при революционном трибунале, командировал для производства предварительного следствия по данному делу одного из состоящих при революционном трибунале следователей. Одновременно прокурор извещал районного следователя об изъятии дела и предписывал ему передать дело надлежащему следователю. Данное требование являлось обязательным. Следователь, усмотрев, что дело, подсудно революционному трибуналу, а потерпевшему причинен вред и убытки, был обязан разъяснить потерпевшему его право возбудить иск в порядке гражданского судопроизводства. Признав необходимым принять меры обеспечения будущего гражданского иска, следователь мог направлять соответствующие представления в революционный трибунал, который разрешал в распорядительном заседании вопрос об обеспечении гражданского иска или об отклонении представления следователя (ст. 418–422 УПК РСФСР).

Предание суду и подготовительные действия к судебному заседанию. Все дела, подлежащие рассмотрению в судебном заседании революционных трибуналов, рассматривались предварительно в распорядительном заседании по вопросу о прекращении дела или о предании обвиняемых суду, причем при разрешении этих вопросов революционный трибунал был обязан заслушать заключение прокурора. Дача прокурором заключения являлась не обязательной лишь по делам, по которым предварительное следствие не производилось.

Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, определялся трибуналом в распорядительном заседании. Революционный трибунал был вправе не вызывать тех из допрошенных на предварительном следствии или на дознании свидетелей, показания которых не вызывали сомнения в своей достоверности. Свидетели, чьи показания имели значение для дела и в то же время страдали существенной неполнотой или находились в противоречии с показаниями других свидетелей или представлялись запутанными, — подлежали обязательному вызову в судебное заседание. Разрешение вопроса о вызове в судебное заседание

экспертов производилось также в распорядительном заседании революционного трибунала.

Копия обвинительного заключение должна была быть вручена каждому из подсудимых не позднее как за трое суток до слушания дела. По делам, по которым предварительное следствие не производилось, вручение вышеуказанных копий могло быть заменено вручением выписки из протокола распорядительного заседания о предании суду (ст. 423–425 УПК РСФСР).

О судебном заседании и об обжаловании приговоров. Слушание дела в революционном трибунале в отсутствии подсудимого, допускалось в тех случаях, когда подсудимый находился вне переделов РСФСР. В случае его возвращения в пределы республики и по его заявлению, ему обязательно должен был быть восстанавливаем кассационный срок на обжалование; если же дело рассматривалось в трибунале, где кассационные обжалования не допускалось, дело подлежало пересмотру в порядке надзора.

Революционный трибунал был вправе при рассмотрении дела прекратить допрос свидетеля или свидетелей в любой момент, если признавал, что показаниями уже допрошенных свидетелей установлены те обстоятельства, для определения которых свидетель вызывался. При этом трибунал был обязан мотивировать такое определение. Оглашение имеющихся в деле документов и приобщение новых документов, а равно оглашение показаний данных на предварительном следствии и на дознании свидетелей, независимо от из вызова в судебное заседание, разрешался революционным трибуналом как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон. Равным образом могли быть оглашены показания, данные подсудимым на предварительном следствии или на дознании революционным трибуналом, как по его инициативе, так и по ходатайству сторон. Стороны имели право ссылаться в прениях на все имеющиеся в деле документы и показания, независимо от того, оглашались не оглашались они в судебном заседании такие документы и показания. Равным образом революционный трибунал был вправе при вынесении приговора принимать во внимание вышеуказанные документы и показания, независимо от их оглашения в судебном заседании.

Ревтрибунал был вправе, независимо от ранее состоявшегося определения о допуске сторон к участию в судебном заседании, постановить о недопущении прений сторон, если признавал все имеющие значение для дела обстоятельства выясненными на судебном следствии. Обращение дела в судебном заседании к доследованию допускалось лишь в тех случаях, если революционным трибуналом была установлена

неполнота имеющихся в деле материалов, которая не могла быть восполнена в том же судебном заседании; во всех остальных случаях обращение дела к доследованию не допускалось.

Протоколы распорядительных и судебных заседаний трибуналов составлялись на основании общих правил. Нарушения правил составления протоколов влекло их недействительность. Выдача копий протокола судебного заседания сторонам допускались лишь в случаях подачи ими кассационной жалобы и могла быть заменена выдачей выписок об обстоятельствах, заносимых в протоколы по ходатайству стороны, или о занесении которых стороне было отказано.

Приговоры революционных трибуналов могли быть обжалованы сторонами в кассационном порядке. Срок для обжалования устанавливался: для прокурора — в течение 48 часов с момента провозглашения приговора, а для подсудимого — в течение 48 часов с момента вручения ему копии приговора. Копия приговора обязательно вручалась подсудимому в течение 24 часов с момента провозглашения приговора. Ходатайства о восстановлении срока на принесение кассационной жалобы подавались в революционный трибунал, постановивший приговор, и разрешались в распорядительном заседании. Приговоры ревтрибуналов, действовавших в боевой обстановке, кассационному обжалованию не подлежали. Список таковых трибуналов утверждался Пленумом Верховного Трибунала по представлению Военной коллегии Верховного Трибунала. Приговоры указанных трибуналов могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

В местностях, объявленных на военном положении, революционным трибуналам предоставлялось право в случаях вынесения приговора к высшей мере наказания входить в течение 24 часов после вынесения приговора при подаче осужденным кассационной жалобы с представлением о сроках подачи жалобы и об обращении приговора к немедленному исполнению. Вопрос о пропуске / непропуске кассационной жалобы подлежал разрешению губернским исполнительным комитетом или его президиумом в течение 24 часов с момента получения представления революционного трибунала, при этом губернский исполнительный комитет был не вправе, входить в рассмотрение вопроса о доказанности и недоказанности преступления и разрешал вопрос исключительно исходя из соображений опасности и распространенности такой категории преступных деяний в данной местности и необходимости принятия экстренных мер к их искоренению.

Соблюдение срока кассационного обжалования не исключало возможность истребовании любого дела из производства любого трибунала и приостановлении исполнения приговора для пересмотра

в порядке надзора. Получение соответствующего извещения от Верховного Трибунала о приостановлении приговора и истребование дела имело силу независимо от разрешения губернским исполнительным комитетом вопроса о непропуске жалобы. Указанное право предоставлялось губернским исполнительным комитетам только особым постановлением ВЦИК с точным указанием срока, на который оно вводилось. В отношении военных и военно-транспортных трибуналов такое право, предоставленное губернским исполнительным комитетам, принадлежало соответственно уполномоченным Народного комиссариата путей сообщения на дорогах и революционным военным советам фронтов, армий и военных округов, а где таковых не было — командующим фронтами, армиями и военными округами, причем это право принадлежало указанным учреждениям и лицам, независимо от предварительного разрешения ВЦИК. Трибунал после получения кассационной жалобы или протеста был обязан направить все дело в течение 24 часов в Верховный Трибунал по кассационному отделу; при этом трибунал был вправе приложить к делу свои объяснения по поводу принесенной жалобы или протеста. Принесение кассационной жалобы или протеста приостанавливал приведение в исполнение приговора. От трибунала зависело в этих случаях принятие соответствующих мер пресечения. Одновременно с направлением дела с кассационной жалобой или протестом в Верховный Трибунал, президиум губернского революционного трибунала был вправе, если усмотрел в производстве явное нарушение, допущенное соответствующим отделением трибунала, не приостанавливая, направление дела в Верховный Трибунал, сделать соответствующие указания вынесшему приговор отделению революционного трибунала, сообщив об этом в Верховный Трибунал.

Президиум трибунала был вправе, усмотрев в вынесенном каким-либо из его отделений приговоре существенные нарушения, приостановить его исполнение и направить в Верховный Трибунал для пересмотра в порядке надзора. Частные жалобы на определения отделений трибунала приносились в президиум трибунала и разрешались в распорядительном заседании без участия сторон. При расследовании жалобы в состав президиума не могли входить лица, участвовавшие в вынесении обжалованного определения (ст. 427–441 УПК РСФСР).

Кассационное производство в Верховном Трибунале. Поступившие в Верховный Трибунал кассационные жалобы и протесты рассматривались в кассационной коллегии Верховного Трибунала в порядке поступления. Дела, по которым были вынесены приговоры к высшей мере наказания, подлежали выделению и направлению к слушанию с таким расчетом, чтобы с момента поступления дела и до выяснения

по нему определения кассационной коллегии не прошло более одной недели. Наблюдение за соответствующим распределением и подготовкой дел к слушанию их возлагается на состоящего при Верховном Трибунале помощника прокурора республики. Рассмотрение дела в кассационной коллегии происходило в открытом судебном заседании и начиналось оглашением кассационной жалобы или протеста, после чего суд заслушивал заключение прокурора и объяснения сторон, если таковые были допущены к участию в деле. Подсудимому, если он присутствовал, должна была быть дана возможность предоставить объяснения.

Стороны в судебное заседание не вызывались; допущение сторон к участию в судебном заседании разрешалось по усмотрению кассационной коллегии, о чем выносилось определение, которое указывалось одновременно с опубликованием списка дел, назначенных к слушанию. При рассмотрении кассационной жалобы и протестов, кассационная коллегия руководствовалась правилами, изложенными в ст. 357– 358 УПК РСФСР. Основаниями к отмене приговора в кассационном порядке являлись обстоятельства, указанные в ст. 359–363 УПК РСФСР.

В случае признания явного несоответствия назначенного наказания с деянием осужденного, кассационная коллегия или постановляла об отмене приговора и передаче дела на новое рассмотрение в другой революционный трибунал или в тот же революционный трибунал в другом составе судей, или же изменяла приговор и смягчала наказание по своему усмотрению в пределах установленных соответствующей статьей УК РСФСР. Признав необходимым смягчить наказание в размере, не предусмотренном соответствующей статьей УК РСФСР, кассационная коллегия направляла соответствующее представление в Президиум ВЦИК. Во всех остальных случаях отмены приговора, кассационная коллегия действовала, согласно правилам кассационного обжалования, предусмотренным ст. 364–365 УПК РСФСР или же направляла дело для нового рассмотрения в тот же трибунал в другом составе судей или в другой губернский трибунал.

Определения кассационной коллегии могли быть опротестованы прокурором в пленум Верховного Трибунала в течение 24 часов с момента вынесения определения. Равным образом каждый член кассационной коллегии, участвовавший в вынесении определения и оставшийся при особом мнении, был вправе в течение суток со дня вынесения определения обжаловать его в пленум Верховного Трибунала, представив при этом в письменном виде свое мотивированное особое мнение. Опротестование определения кассационной коллегии приостанавливало приведение его в действие. Кассационная коллегия

была вправе при вынесении определения, независимо от того, что последовало оставление в силе приговора революционного трибунала, включить в свое определение указания на допущенные революционным трибуналом нарушения. Такие указания являлись для данного трибунала обязательными (ст. 442–447 УПК РСФСР).

Верховный Трибунал: надзорное производство. Председателю Верховного Трибунала, его заместителю, Прокурору республики и его помощнику, состоящему при Верховном Трибунале, принадлежало право истребования любого дела из производства любого трибунала и приостановления исполнения приговора для пересмотра в порядке надзора. Председателям Военной и Военно-транспортной коллегии Верховного Трибунала такое право принадлежало исключительно в отношении дел, находившихся в производстве подведомственных им военных и военно-транспортных трибуналов. Трибунал немедленно по получении требования о высылке дела, передавал его, приостановив по нему производство. В тех же случаях, когда по данному делу происходило судебное заседание, передача дела допускалось лишь после вынесения приговора.

После поступления дела из революционного трибунала оно направлялось к прокурору, состоящему при соответствующей коллегии Верховного Трибунала. Не усмотрев в производстве никаких нарушений, прокурор докладывал об этом председателю коллегии. В случае получения его согласия производство в порядке надзора прекращалось. При несогласии председателя, а равно во всех случаях, если прокурор устанавливал существенные нарушения, он направлял дело с своим заключением в кассационную коллегию. Кассационная коллегия была вправе: постановить о дальнейшем направлении дела с дачей трибуналу соответствующих указаний; в случаях же, когда приговор по делу уже вынесен, постановить либо об отмене приговора и передаче дела на новое рассмотрение в другой или тот же Трибунал в ином составе судей, либо о соответствующем изменении приговора. Означенное право принадлежало исключительно кассационной коллегии или пленуму Верховного Трибунала, как в отношении губернских, так и Военных и военно-транспортных трибуналов.

При вынесении приговора, предполагающего высшую меру наказания, революционный трибунал, независимо от наличия или отсутствия кассационной жалобы или протеста, был обязан немедленно телеграфировать в Верховный Трибунал с указанием часов, минут вынесения приговора, краткого существа обвинения, фамилии и имени, классового происхождения и социального положения, а также возраста осужденного. Приговор мог быть приведен в исполнение только

в случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения Верховному Трибуналу посланного ему сообщения, распоряжения Верховного Трибунала о приостановлении исполнения приговора и истребования дела в порядке надзора. При подаче кассационной жалобы приговор, во всяком случае не приводился в исполнение до рассмотрения жалобы в Кассационной коллегии. При рассмотрении дел в порядке надзора, Кассационная коллегия не была связана заключением прокурора и была вправе вынести определение как об отмене приговора и о назначении дела к слушанию вновь, так и об отмене всего производства по делу и рассмотрения дела вновь дела со стадии предварительного следствия (ст. 448–451 УПК РСФСР).

Возобновление дел. Возобновление дел, по которым приговоры революционного трибунала вступали в законную силу, производилось по общим правилам производства по возобновлению дел ввиду вновь открывшихся обстоятельств (ст. 378–381 УПК РСФСР). Ходатайства о возобновлении дел направлялось заинтересованными лицами к прокурору, состоявшему при революционном трибунале, вынесшем данный приговор. Прокурор, получив такое ходатайство, а также по собственной инициативе, если признает нужным возбудить вопрос о возобновлении дела, производил необходимое расследование как лично, так и через органы дознания или предварительного следствия, после чего весь собранный материал представлял со своим заключением в Верховный Трибунал.

Вопрос о возобновлении дела разрешался Наркомюстом в порядке высшего судебного контроля, куда Верховный Трибунал направлял всю переписку со своим заключением (ст. 452–454 УПК РСФСР).

Производство в Верховном Трибунале в качестве суда первой инстанции. Производство в Судебной, Военной и Военно-транспортной коллегиях Верховного Трибунала, действовавших в качестве суда первой инстанции, определялось правилами, установленными для производства дел в революционных трибуналах. Приговоры указанных коллегий не подлежали обжалованию в кассационном порядке и могли быть отменены или изменены лишь пленумом Верховного Трибунала в порядке надзора. Прокурору республики или его помощнику, поддерживающему обвинение в суде, было предоставлено право обжаловать в пленум Верховного Трибунала приговоры Судебной, Военной, Военно-транспортной коллегий, однако, исключительно в части, касающейся неправильного применения закона при определении наказания, в течение 24 часов с момента вынесения приговора.

Судебной коллегии Верховного Трибунала в качестве суда первой инстанции подсудны: 1) дела исключительной важности,

переданные на рассмотрение судебной коллегии постановлением президиума ВЦИК или пленума Верховного Трибунала, а равно предложенные к рассмотрению в Судебной коллегии прокурором республики и начальником ГПУ. Судебная коллегия при этом была вправе дела, переданные для рассмотрения прокурором республики или начальником ГПУ, принимать к своему рассмотрению или же передавать для рассмотрения в любой революционный трибунал по своему усмотрению; 2) дела по обвинению в преступлениях по должности членов ВЦИК, Народных комиссаров, членов коллегий Народных комиссариатов, членов президиума Высшего совета народного хозяйства, членов Реввоенсовета республики, членов коллегий Верховного Трибунала, помощников Прокурора республики, членов коллегии ГПУ, полномочных послов и аккредитованных при иностранных правительствах, должностных лиц; 3) дела по обвинению в преступлениях по должности губернских прокуроров и их помощников, членов президиума губернского исполнительного комитета и членов губернского исполнительного комитета, заведующих отделами, председателей и членов президиума революционных трибуналов и председателя и членов совета народных судей, при чем все эти дела могли быть приняты судебной коллегией к своему рассмотрению, или же переданы ею в другой какой-либо революционный трибунал в зависимости от важности дела. Для рассмотрения дел, переданных в Судебную коллегию, пленум Верховного Трибунала был вправе, в отдельных случаях образовывать состав судей по делу, по своему усмотрению из числа председателей и членов иных коллегий Верховного Трибунала.

Военной коллегии Верховного Трибунала, действовавшей в качестве суда первой инстанции, были подсудны: 1) дела, изъятые из ведения военных революционных трибуналов постановлением Военной коллегии или переданные Военной коллегии постановлением Кассационной коллегии или пленума Верховного Трибунала; 2) дела по обвинению о преступлениях по должности и других преступных деяниях, отнесенных к производству революционных трибуналов: начальника и комиссара штаба Красной армии, помощника начальника и помощника комиссара того же штаба; начальников управлений и отделов штаба и комиссаров при них; начальников и комиссаров управлений, непосредственно подчиненных Реввоенсовету республики и революционным военным советам фронтов, командующих фронтами, армиями и военными округами и заместителей этих командующих; начальников, комиссаров штаба округа, фронта армий; председателей, заместителей и членов военных трибуналов фронтов

и армий; начальников особых отделов фронтов и армий и их помощников; военных прокуроров и их помощников. Данная персональная подсудность распространяется одинаково по морскому ведомству, соответственно занимаемым должностям.

Военно-транспортной коллегии Верховного Трибунала, действовавшей в качестве суда первой инстанции были подсудны: 1) дела, изъятые из ведения военно-транспортных революционных трибуналов постановлением Военно-транспортной коллегии или переданные Военно-транспортной коллегии постановлениями Кассационной коллегии или пленума Верховного Трибунала; 2) дела по обвинению в преступлениях по должности и в других деяниях, отнесенных к производству революционных трибуналов: начальников и комиссаров управлений и самостоятельных отделов Народного комиссариата путей сообщения и их помощников, начальников и комиссаров округов путей сообщения; начальников и комиссаров управлений дорог и водных областей и их помощников, председателей и комиссаров окружных комитетов по перевозкам и их заместителей; председателей, их заместителей и членов военно-транспортных трибуналов; начальников окружных и дорожных транспортных отделов ГПУ и их помощников; начальников отделов охраны округов путей сообщения; председателей, членов президиумов и правлений профессиональных и кооперативных организаций ведомства Народного комиссариата путей сообщения не ниже дорожного масштаба и особых уполномоченных Народного комиссариата путей сообщения.

Пленум Верховного Трибунала был вправе дело, подсудное одной из коллегий Верховного Трибунала, передавать на рассмотрение другой коллегии Верховного Трибунала (ст. 455–460 УПК РСФСР).

§ 6. Производство в порядке высшего судебного контроля Наркомюста и исполнение приговоров по УПК РСФСР 1922 г. Производство в порядке высшего судебного контроля Наркомюста

Производство в порядке высшего судебного контроля продолжалось: 1) при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам; 2) по жалобам и протестам на кассационные определения совета народных судей; 3) по ходатайству заинтересованных лиц и учреждений и по представлению прокуратуры о пересмотре вступивших в законную силу приговоров народных судов и трибуналов.

Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам производилось по общим правилам, установленным в главе XXVII УПК РСФСР 1922 г.

Протесты и жалобы на состоявшиеся в кассационном порядке определения совета народных судей поступали к помощнику прокурора республики, который, признав протест лишенным оснований, оставлял его без дальнейшего движения, а в противном случае обращался в Наркомюст в порядке судебного контроля с представлением о рассмотрении такого протеста или жалобы.

Ходатайства о пересмотре вошедших в законную силу приговоров трибуналов могли быть возбуждены только центральными и областными органами советской власти и губернскими исполнительными комитетами. Данные ходатайства рассматривались в порядке высшего судебного контроля после дачи по ним заключения помощника прокурора республики. Ходатайства об отмене вошедших в законную силу приговоров народных судов могли быть поданы всеми заинтересованными лицами и подавались прокурору, состоявшему при соответствующем совете народных судей, и передавались в случае признания их обоснованными этим прокурором вместе с своим заключением в порядке высшего судебного контроля в Наркомюст, где и рассматривались после дачи по ним заключения помощника прокурора республики. Независимо от ходатайства, Наркомюст в порядке высшего судебного контроля имел право затребовать любое дело, находящееся в производстве совета народных судей, народного суда и революционного трибунала.

В отличие от надзора, осуществляемого для народного суда советом народных судей, а для трибуналов — Кассационной коллегией Верховного Трибунала, отмена вступивших в законную силу приговоров в порядке высшего судебного контроля Наркомюста могла иметь место, кроме случаев возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, исключительно при установлении: а) явного нарушения или неприменении судом узаконений советской власти; б) принятия судебными органами к своему производству дел, не подлежащих судебному разбирательству; в) явного противоречия приговора или решения руководящим началам советского законодательства по общей политике правительства.

Указания и разъяснения, сделанные Наркомюстом в порядке высшего судебного контроля, были обязательны для всех народных судов и революционных трибуналов РСФСР. Все поступающие в Наркомюст в порядке судебного контроля дела, по которым были вынесены приговоры и определения трибуналов разрешались только после истребления заключения помощника прокурора республики, состоящего при Верховном Трибунале (ст. 461–468 УПК РСФСР).

Исполнение приговоров. Судебный приговор приводился в исполнение немедленно после вступлении его в законную силу. Приговор оправдательный или освобождающий от наказания приводился в исполнение председательствующим незамедлительно после провозглашения приговора. Приговор о лишении ордена Красного знамени вступал в законную силу и приводился в исполнение лишь по утверждению приговора по этой части Президиумом ВЦИК.

Приговор обращался в исполнение постановившим его судом. Суд направлял копию приговора в соответствующие органы мест заключения, милицию и иные органы, на которые возлагалось фактическое исполнение приговора. Надзор за приведением приговора в исполнение осуществлялся прокуратурой.

Отсрочка приведения в исполнение приговора допускалась лишь в следующих случаях: 1) болезни осужденного, препятствующей отбытию наказания до его выздоровления; 2) беременности осужденной, являвшейся препятствием для отбывания ей наказания; 3) когда немедленное отбытие наказания могло повлечь особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи ввиду особых обстоятельств или условий его положения: пожара или иных стихийных бедствий, тяжкой болезни или смерти единственного работоспособного члена семьи и т.д. Если лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, помещалось в лечебное заведение ввиду психической или иной болезни, то время, проведенное осужденным в лечебном заведении, не засчитывалось в срок наказания.

Условно досрочное освобождение (УДО) могло последовать лишь по отбытии присужденным к лишению свободы или принудительным работам не менее половины срока наказания. В случае сокращения срока наказания по амнистии или помилованию УДО допускалось по отбытии не менее половины того срока, который исчислялся после сокращения наказания по амнистии или помилованию. При зачете срока наказания в виде лишения свободы времени, проведенного осужденным под стражей до вступления приговора в законную силу, половина срока, необходимого для применения УДО, исчислялось с учетом всего наказания, первоначально назначенного судом до зачета предварительного заключения. При этом в указанную половину срока засчитывалось время, проведенное осужденным под стражей до вступления приговора в законную силу. Ходатайствовать об УДО мог сам заключенный, его родственники, организации, учреждения и должностные лица.

Штраф и судебные издержки взыскивались с имущества осужденного судебным исполнителем или милицией. Уплата штрафа могла быть отсрочена или рассрочена на срок до шести месяцев в тех случаях, когда немедленная его уплата являлась непосильной для осужденного.

Вопросы об отсрочке исполнения приговора, об отсрочке и рассрочке уплаты штрафа, о замене штрафа принудительной работой, об УДО, а также всякого рода сомнения и споры, возникающие при приведении приговора в исполнение, разрешались судом, вынесшим данный приговор. Если приговор приводился в исполнение вне района суда, его постановившего, то данные вопросы разрешались в отношении приговоров, постановленных народным судом, тем народным судом, в районе которого приговор приводился в исполнение, а в отношении приговоров, вынесенных трибуналом — тем трибуналом, в районе которого приговор приводился в исполнение с истребованием подлинного дела. Данные вопросы разрешались судом в судебном заседании с извещением прокурора и осужденного. Гражданский истец вызывался в случаях, когда рассматривался вопрос, связанный с приведением в исполнение приговора, в части касающейся гражданского иска. Неявка вызываемых лиц не препятствовало рассмотрению дела.

Слушание дела начиналось с доклада одного из судей, после чего суд заслушивал заключение прокурора и объяснения осужденного и его защитника, а также гражданского истца, если они участвовали в заседании. По заслушании заключения прокурора и объяснения сторон суд выносил определение.

Ходатайства об УДО рассматривались судом не позже месячного срока со дня поступления, причем в судебное заседание вызывались прокурор, осужденный и лица и учреждения, возбудившие ходатайства. Неявка вызванных лиц и учреждений не препятствовала рассмотрению дела. Присутствие представителя губернской распределительной комиссии являлось обязательным, причем суд должен был заслушать его заключение. Обжалование определений суда об отказе в досрочном освобождении не допускалось.

Вопрос об отмене УДО или условного осуждения разрешался судом, постановившим приговор по новому преступлению, совершенному условно освобожденным или условно осужденным. Определение об отмене выносилось либо совместно с приговором по новому преступлению, либо отдельно в судебном заседании с вызовом прокурора и условно осужденного или условно освобожденного. Неявка вызываемых лиц не препятствовала рассмотрению дела.

При необходимости вынесения приговора по совокупности о лице, в отношении которого было вынесено несколько приговоров, приговор по совокупности выносится судом, вынесшим позднейший приговор, или же судом, приговором которого было назначено самое строгое из всех назначенных осужденному наказаний (ст. 469–481 УПК РСФСР).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 25 мая 1922 года

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ

Заслушав доклад Народного комиссариата Юстиции по Уголовно-процессуальному Кодексу и доклад Юридической Комиссии по тому же вопросу, III Сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. Уголовно-процессуальный Кодекс, предложенный Народным Комиссариатом Юстиции с поправками, внесенными в него Сессией, принять и ввести в жизнь с 1-го июля 1922 года.

2. Одновременно с введением в жизнь Уголовно-процессуального Кодекса отменить действие следующих статей:

I. Из Положения о Народном суде (Собр. Узак., 1920, N 83, ст. 407) — поскольку таковые относятся к уголовному производству — примечания к ст. 4, п. п. 2, 3, 4 ст. 6-й и ст. ст. 7, 9, 11, 23 28, 32–42, 54, 56–57, 72, 77, 81, 92, 97.

II. Из статей Основного Положения о трибуналах (Собр. Узак., 1920, № 22–23, ст. 115) — вводной статьи в обоих пунктах 1-м и 2-м, ст. ст. 1, 2, 4, 5, 8–40.

III. Из статей Положения о Военных Революционных трибуналах (Собр. Узак., 1920, № 54, ст. 236) ст. ст. — 1, Примечания 1-е и 2-е к ст. 2-й, 3–6, 9–37.

IV. Из статей Положения о Военно-железнодорожных трибуналах (Собр. Узак., 1920, № 21, ст. 112) — 6 , 8, 9, 10, 11, 13–33, и

V. Из статей Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» (Собр. Узак., 1921, № 51, ст. 294) — ст. ст. 7, 8, 9, п. 2 ст. 10, до слов «в развитие ст. ст. 6 и 7 Осн. Пол.», окончание статьи 10-й от слов: «Право кассационного обжалования» и ст. 11-ю и 12-ю.

Председатель Всероссийского
Центрального Исполнительного
Комитета Советов
М. КАЛИНИН

Народный Комиссар Юстиции
Д.КУРСКИЙ

Секретарь
Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
А. ЕНУКИДЗЕ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава I. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Ст. 1. Порядок производства уголовных дел в судебных учреждениях РСФСР определяется настоящим Кодексом.

Ст. 2. Преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим в момент совершения преступления. Законы, устраняющие преступность совершенного деяния или смягчающие его наказуемость, имеют обратную силу.

Останавливать решение дела под предлогом отсутствия, неполноты, неясности или противоречия законов суду воспрещается.

Ст. 3. Лица, в отношении коих приговор суда вошел в законную силу, не могут быть привлечены вновь к судебной ответственности по обвинению в том же преступлении иначе, как в случаях, предусмотренных ст. 378, 379, 449, 461 Проц. Кодекса.

Ст. 4. Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса:

1. За смертью обвиняемого, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 380 Проц. Кодекса.

2. За примирением обвиняемого с потерпевшим по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего, за исключением случаев указанных в ст. 10 и 11 Проц. Кодекса.

3. За отсутствием жалобы потерпевшего по делам о преступлениях, возбуждаемым не иначе, как по таковым жалобам.

4. За истечением давности.

5. При отсутствии в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления.

6. Вследствие акта об амнистии, если таковая исключает наказуемость совершенного обвиняемым, или помилования отдельных лиц или прекращения дел о них постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета или его Президиума в порядке предоставленных ему законом прав.

Ст. 5. Никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе и в порядке, законом определенном.

Ст. 6. Каждый судья и каждый прокурор, обнаруживший в пределах своего участка или района, содержание кого-либо под стражей без законного постановления уполномоченных на то органов или свыше срока, установленного законом или судебным приговором, обязан немедленно освободить неправильно лишенного свободы.

Ст. 7. Судья или прокурор, до сведения которого дошло, что в пределах его участка или района кто-либо содержится не в надлежащем месте заключения или не в надлежащих условиях обязан принять меры к восстановлению законного порядка.

Ст. 8. Обвинение на суде поддерживается прокуратурой. Потерпевшему право обвинения предоставляется лишь в случаях, законом установленных.

Ст. 9. Прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению.

Ст. 10. Дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 103, 1-й частью 157-й, 172, 173, 174, 175 Угол. Кодекса, возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего и подлежат прекращению в случае примирения его с обвиняемым. Примирение допускается только до вступления приговора в законную силу.

Если прокуратурой признано будет необходимым вступить в дело в целях охраны публичного интереса, то поддержание обвинения в этом случае принадлежит только прокуратуре и дело не подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым.

Ст. 11. Дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 153, 166, 167, 169, 198 и 199 Угол. Кодекса, возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего, по прекращению за примирением сторон не подлежат.

Ст. 12. Вступившие в законную силу решения гражданского суда обязательны для уголовного суда только в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, но не в отношении виновности подсудимого.

Ст. 13. Вступивший в законную силу приговор уголовного суда по вопросу о том, совершилось ли преступление и совершено ли оно подсудимым, обязателен для гражданского суда в тех случаях, когда этим судом рассматривается гражданские последствия преступления, рассмотренного уголовным судом.

Ст. 14. Потерпевший, понесший от преступного деяния вред и убытки, вправе предъявить к обвиняемому и к лицам, несущим ответственность за причиненные обвиняемым вред и убытки, гражданский иск, который подлежит рассмотрению совместно с уголовным делом.

Ст. 15. Гражданский иск может быть заявлен как при начатии уголовного дела и во время предварительного следствия, так и позже, но, однако, до начала судебного следствия. Потерпевшие, не заявившие гражданского иска при производстве уголовного дела, имеют право предъявить гражданский иск в общем порядке.

Примечание. Если начатое дело было отложено, то потерпевший, не заявивший гражданского иска, может предъявить таковой при вторичном слушании дела.

Ст. 16. Гражданский иск, предъявленных при производстве уголовного дела, освобождается от пошлин и сборов.

Ст. 17. В случае смерти обвиняемого до постановления о нем приговора и возвращении гражданского иска, последний передается для рассмотрения его в общем порядке.

Ст. 18. Отказ в гражданском иске, постановленный при производстве уголовного дела, лишает потерпевшего права вторичного предъявления того же иска; равным образом, отказ в иске, постановленный в порядке гражданского судопроизводства, лишает потерпевшего права вторичного предъявления того же иска в суде при производстве уголовного дела.

Ст. 19. Все судебные заседания публичны. Удаление публики из зала заседания на все время заседания или на часть его, допускается не иначе, как по мотивированному определению суда и при этом, лишь в случаях, где представляется необходимым охранять военную, дипломатическую и государственную тайну, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 166–169 Уголовн. Кодекса.

Ст. 20. Лица моложе 14 лет в зал судебного заседания не допускаются.

Ст. 21. При слушании дела при закрытых дверях приговор, во всяком случае, провозглашается публично.

Ст. 22. Производство по уголовным делам ведется на русском языке или на языке большинства населения данной местности. В случаях, когда обвиняемые, потерпевшие, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу, суд обязан приглашать переводников и ставить заинтересованных лиц в известность о каждом производимом судом действии, через переводчика.

Обвинительное заключение и иные документы должны быть вручаемы обвиняемым в этих случаях переведенными на родной язык обвиняемого и оглашаться, если он того требует также на его родном языке. Всякого рода бумаги и заявления могут быть подаваемы каждым из заинтересованных лиц на их родном языке, если удостоверено, что

эти лица не владеют языком на котором ведется производство по данному делу.

Ст. 23. Содержащиеся в настоящем Кодексе термины имеют, если нет особых указаний, следующее значение:

1. «Суд» означает — народные суды, совет народных судей, губернские революционные трибуналы, военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы и верховный трибунал.

2. «Революционный трибунал» означает — губернские Трибуналы, Военные и военно-транспортные трибуналы и Верховный трибунал.

3. Под словом «судья» разумеются — народные судьи и народные заседатели, Председатель и Члены советов народных судей, Председатели и члены трибуналов, Председатель и члены Верховного Трибунала.

4. Под словом «прокурор» разумеются — Прокурор Республики, помощники прокурора Республики, губернские прокуроры и их помощники и прокуроры, состоящие при советах народных судей, Революционных, Губернских, Военных и военно-транспортных Трибуналах.

5. Под словом «следователь» разумеются — народные следователи, следователи, состоящие при Советах Народных Судей и Революционных Трибуналах, военные следователи и следователи по важнейшим делам при Народном Комиссариате Юстиции.

6. Под словом «стороны» разумеются — прокурор, поддерживающий в процессе обвинение, гражданский истец и представители его интересов, обвиняемый, его законные представители и защитники, потерпевший в тех случаях, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение и представители его интересов.

7. «Законные представители» означают — родителей, опекунов и представителей тех учреждений и организаций, на попечении которых находится данное лицо.

8. Под словом «близкие родственники» разумеются — муж, жена, отец, мать, сыновья и дочери, родные братья и сестры.

9. «Приговор» означает решение, вынесенное судом в судебном заседании, по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого.

10. «Определение» означает — все другие решения, вынесенные судом в судебных или распорядительных заседаниях, а также решения, выносимые судом II-й инстанции.

11. «Суд I-й инстанции» означает — народный суд, и Революционный Трибунал, «Суд II-й инстанции» означает — совет народных судей и Кассационную Коллегию Верховного Трибунала.

Глава II. О ПОДСУДНОСТИ

Ст. 24. Все дела о преступных деяниях подсудны народному суду, за исключением дел, отнесенных законом к ведению Революционных Трибуналов.

Ст. 25. Народный суд рассматривает уголовные дела в составе: а) единоличного народного судьи, б) народного судьи и двух народных заседателей и в) народного судьи и шести народных заседателей.

Ст. 26. Единоличному народному судье в порядке судебного приказа, подсудны исключительно дела, предусмотренные 1-й частью 132-й ст. и ст. ст. 215–227 Угол. Кодекса.

Преступления, предусмотренные ст. ст. 142–150, 160–162, 166–171, 183 и 197 Угол. Кодекса, рассматриваются исключительно в составе народного судьи и шести народных заседателей.

Все остальные дела, подсудные Народному суду, подлежат рассмотрению в составе народного судьи и двух народных заседателей.

Ст. 27. Народный суд, с участием двух народных заседателей, президиум Совета народных Судей, губернский прокурор и прокурор Республики вправе, по особому каждый раз постановлению, передавать отдельные дела в случае их особой сложности или государственного или общественного интереса на рассмотрение народного суда, с участием шести заседателей.

Ст. 28. Ведению революционных трибуналов исключительно подлежат дела:

а) о преступлениях государственных, предусмотренных ст. ст. 57–73 и 119 Угол. Кодекса;

б) о преступлениях против порядка управления, предусмотренных ст. ст. 74–78; 80; 2 ч. 81-й, 82–86, 89, 91, 92; 2 ч. 97 Угол. Кодекса;

в) о преступлениях воинских, предусмотренных ст. ст. 200–203, ч. 3 ст. 204, ч. 3 ст. 205, 206; 2 и 3 ч. ст. 207, 208–214 Угол. Кодекса.

г) о преступлениях должностных лиц, предусмотренных ст. ст. 105–109 и 116–117 в тех случаях, если предусмотренные этими статьями действия имели особо тяжелые последствия, или были совершены должностным лицом в корыстных или иных личных видах, 110–112, 2 ч. 113, 3 ч. ст. 114 и 115 Уголовного Кодекса;

д) об особо тяжких хозяйственных и имущественных преступлениях, предусмотренных ст. ст. 128, 130, 2 ч. 131 ст., п.п. «е» и «з» ст. 180, 2 ч. ст. 183 и ст. 184.

Ст. 29. Ведению военных трибуналов там, где таковые учреждены, подлежат исключительно дела о воинских преступлениях, совершенных военнослужащими, и те дела о преступлениях не военнослужащих,

кои были совершены ими совместно с военнослужащими или были совершены не военнослужащими в районе, где по условиям обстановки нет иных судов, кроме военных революционных трибуналов.

Ст. 30. Ведению военно-транспортных трибуналов исключительно подлежат те дела о преступлениях, подсудных революционным трибуналам, кои связаны с нарушением правильной деятельности железнодорожного и водного транспорта, причем дела о преступлениях не железнодорожных служащих и не служащих водного транспорта исключительно в случаях, если указанные преступления совершены этими лицами совместно с железнодорожными служащими или служащими водного транспорта или совершены ими в пределах полосы отчуждения жел. дорог или если в данном районе нет губернских или военных трибуналов и они не обслуживаются их выездными сессиями.

Ст. 31. Каждое дело подлежит рассмотрению в том суде, в районе которого было совершено преступление; если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в районе которого возбуждено уголовное преследование.

Примечание. В районе деятельности совета народных судей, границы участков и районов подсудности народных судей определяется советом народных судей. При этом совет народных судей может поручить народному судье одного какого-либо участка рассмотрение всех дел определенной категории, возникающих во всем округе данного совета народных судей.

Ст. 32. Дело может быть передано из одного суда в другой такой же суд, только в том случае, когда такой передачей может быть достигнуто более беспристрастное и более скорое и при этом более полное рассмотрение дела.

Ст. 33. Вопрос о передаче дела из одного народного суда в другой, такой же народный суд района того же совета народных судей, разрешается советом народных судей. Вопрос о передаче дела в Народных суд другого района или суд другой категории разрешается исключительно народным Комиссариатом Юстиции.

Ст. 34. Вопрос о передаче дела из одного революционного трибунала в другой такой же трибунал разрешается постановлением Кассационной, Военной или Военно-транспортной Коллегии Верховного Трибунала, в отношении подведомственных им трибуналов. Вопрос о передаче дела в революционный трибунал другой категории разрешается постановлением Пленума Верховного Трибунала.

Ст. 35. Дело, которое вследствие наличия нескольких обвиняемых или по иным основаниям подсудно одновременно двум или

нескольким судам одной категории, рассматривается тем судом, в районе которого было начато дело.

Ст. 36. Дела, по которым предметом обвинения является несколько преступлений, совершенных одним и тем же лицом, но в различных местах, могут быть соединены в одно производство и рассматриваться тем судом, в районе которого было начато дело.

Ст. 37. При наличии в деле обвинения по нескольким преступлениям, из которых одно или несколько подсудны народному суду, а другие подсудны трибуналу, дело в отношении всех преступлений подсудно трибуналу.

Ст. 38. При наличии в деле обвинений по нескольким преступлениям, из которых одно или несколько подсудны губернскому трибуналу, а другие — Военному или военно-транспортному трибуналу, дело в отношении всех преступлений соответственно рассматривается военным или военно-транспортным трибуналом.

Ст. 39. При наличии в деле обвинений по нескольким преступлениям, из которых одно или несколько подсудно военному трибуналу, а другие транспортному трибуналу, дело в отношении всех преступлений рассматривается тем трибуналом, в районе которого оно возникло или куда было первоначально направлено.

Ст. 40. При наличии в деле нескольких обвиняемых, из которых один или несколько несовершеннолетних (менее 16 лет), дело в отношении последних должно быть выделено и передано в комиссию о несовершеннолетних.

Ст. 41. Всякий суд, установив тем или другим путем, что в его производстве находится дело, подсудное какому-либо иному суду, обязан во всех случаях, кроме указанных ниже, немедленно приостановить производство по делу, в какой бы стадии оно до вынесения приговора ни находилось, и направить его по надлежащей подсудности.

Ст. 42. Всякий суд, установив, что находящееся в его производстве дело подсудно какому-либо другому такому же суду, может оставить дело в своем производстве только в случаях, если он уже приступил к поверке доказательств на судебном рассмотрении дела и если против этого не последовало возражений от сторон.

Ст. 43. Народный суд, с участием шести заседателей, установив при рассмотрении дела, что таковое подсудно народному суду, с участием двух заседателей, обязан не приостанавливая производства рассмотреть дело до конца.

Ст. 44. Всякое дело, направленное из одного суда в другой, в порядке вышеизложенных статей, подлежит безусловному принятию к производству тем судом, куда оно направлено, и никакие пререкания

по этому поводу между судами не допускаются. Неправильное, по мнению суда, получившего дело, направление дела к нему может быть обжаловано этим судом в высшую инстанцию в порядке надзора, однако, не ранее, чем по вынесении им приговора по этому делу.

Глава III. О СОСТАВЕ СУДА, СТОРОНАХ И ОБ ОТВОДЕ

Ст. 45. Судьями могут быть лишь лица, назначенные или избранные в установленном законом порядке. В состав суда по каждому делу не могут входить в качестве судей лица, состоящие родственниками между собой.

Ст. 46. Каждое дело, рассматривающееся в судебном, либо в распорядительном заседании, должно быть заслушано в одном и том же составе судей; если кто-либо из судей, по какой-либо причине, лишен будет возможности продолжать участвовать в заседании, он должен быть заменен другим судьей, и дело должно быть начато слушанием сначала.

Ст. 47. Судья не может участвовать при рассмотрении дела как в распорядительном, так и в судебном заседании:

1) если он является стороной или родственником какой-либо из сторон;

2) если он или его родственник заинтересованы в исходе дела;

3) если он участвовал в деле в качестве свидетеля, эксперта, лица производившего дознание, следователя, обвинителя, защитника или представителя интересов потерпевшего или гражданского истца по этому делу.

Ст. 48. Судья, принимавший участие в постановлении приговора в суде I-й инстанции, не может участвовать в рассмотрении того же дела ни в суде II-й инстанции, ни при новом рассмотрении этого дела в суде I-й инстанции вследствие отмены первоначального приговора.

Ст. 49. При наличии поводов, указанных в ст. ст. 45, 47 и 48 Проц. Кодекса, судья сам должен себя устранить от участия в деле; в случае неустранения, судья подлежит отводу по заявлению стороны. Кроме того, судья может подлежать отводу и в тех случаях, когда стороной указаны будут обстоятельства, вызывающие сомнение в беспристрастности судьи.

Ст. 50. Отвод должен быть заявлен стороной не позже, как при открытии заседания; позднейшее заявление отвода допускается лишь в тех случаях, когда основание отвода сделалось известным суду или лицу отводящему после начала судебного следствия.

Ст. 51. Заявленный против судьи отвод разрешается остальными участвующими в деле судьями, в отсутствии отводного судьи; при равенстве голосов судья считается отведенным.

Ст. 52. Правила, изложенные в ст. 47 и 49 Проц. Кодекса, относятся к секретарю судебного заседания, переводчикам и экспертам, при чем, в отношении последних, с тем ограничением, что предыдущее их участие в деле, в том же качестве экспертов и переводчиков не может служит основанием к отводу. Отвод разрешается судом, рассматривающим данное дело.

Ст. 53. Правила, изложенные в ст. ст. 47 и 49, равно относятся к прокурору. Отвод должен быть заявлен немедленно после того, как стороне сделались известными основания к отводу. Отвод разрешается судом, рассматривавшим дело. Однако, если прокурор принимал участие в производстве следствия или дознания по данному делу, или поддерживал обвинение — эти обстоятельства не могут быть основанием для отвода.

Ст. 54. В качестве обвинителя могут участвовать в деле члены Прокуратуры, потерпевший, когда законом ему предоставлено это право и уполномоченные Профсоюзов, Инспектор Труда, представители Рабоче-Крестьянской, Технической, Продовольственной, Санитарной и иной Инспекции по делам их ведения. Другие лица могут быть допущены к участию в деле в качестве обвинителя только по особому определению Суда, вынесенному в распорядительном или судебном заседании по данному делу.

Ст. 55. В качестве представителей интересов потерпевшего в тех случаях, когда ему предоставлено право поддержания уголовного обвинения, могут участвовать в деле: члены коллегии защитников, близкие родственники потерпевшего или его законные представители, а также уполномоченные профсоюзов, инспектора труда, представители Рабоче-Крестьянской Инспекции по делам их ведения.

Ст. 56. В качестве представителей интересов гражданского истца могут участвовать в деле: члены коллегии защитников, близкие родственники или законные представители гражданского истца, а также и другие лица по особому разрешению суда. Если же гражданскими истцами являются учреждения или организации, то представителями их могут быть особо командированные ими лица, соответственным образом на то уполномоченные.

Ст. 57. В качестве защитников могут участвовать в деле члены коллегии защитников, близкие родственники обвиняемого, уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий, а равно Всероссийского Центрального Совета Профессиональных

Союзов, Всероссийского Центрального Союза Потребительских Обществ и других профессиональных и общественных организаций. Иные лица допускаются только с особого разрешения суда, в производстве коего находится данное дело.

Ст. 58. При наличии в деле гражданского иска прокурор может, если признает это необходимым, поддерживать иск во всех стадиях процесса.

Ст. 59. Участие защитника при рассмотрении дела обязательно:

1) по делам, рассматриваемым народным судом, с участием шести заседателей;

2) по делам, где подсудимый находится под стражей;

3) по делам, в которых участвует обвинитель;

4) по делам немых, глухих и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков, способности правильно воспринимать те или другие явления.

Ст. 60. Лицо, участвующее в деле, в качестве свидетеля, не может быть в том же деле защитником, обвинителем, а также представителем интересов потерпевшего или гражданского истца.

Глава IV. О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

Ст. 61. Суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Присяга, как доказательство, не допускается.

Ст. 62. Доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого.

Ст. 63. Порядок собирания, хранения и рассмотрения вещественных доказательств и письменных документов определяются правилами настоящего Кодекса.

Ст. 64. Всякое лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться и сообщить все ему известное по делу и давать ответы на предлагаемые ему следователем, судом и сторонами вопросы. При отказе свидетеля от дачи показаний у следователя, последний обязан составить об этом протокол и направить дело о таком свидетеле в ближайший народный суд, для наложения на уклоняющегося от дачи показаний наказания об объеме взысканий, указанных в главе VIII Уголовного Кодекса, в порядке судебного приказа, согласно ст. ст. 406–412 Проц. Кодекса. При отказе от дачи показаний на суде, соответствующее

наказание непосредственно налагается судом, рассматривающим делом, по которому данное лицо было вызвано свидетелем.

Ст. 65. Не могут быть вызываемы и допрашиваемы в качестве свидетелей:

1) защитник обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности;

2) лица, которые в виду своих физических и психических недостатков не способны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания.

Примечание. Для разрешения вопроса о способности лица быть свидетелем могут быть приглашены эксперты.

Ст. 66. При неявке свидетеля без уважительной причины следователь вправе подвергнуть неявившегося приводу, с одновременным принятием в отношении уклоняющегося от явки тех же мер, что и в случае, предусмотренном в ст. 64-й Проц. Кодекса. В случае неявки свидетеля на суд при рассмотрении дела, те же наказания могут быть наложены судом, рассматривающим дело, по которому данное лицо вызывалось в качестве свидетеля без направления дела о нем в другое судебное место.

Ст. 67. Эксперты вызываются в случае, когда при расследовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле.

Примечание. Вызов экспертов обязателен для устранения причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или следователя по этому поводу возникают сомнения.

Ст. 68. Лицо, вызываемое в качестве эксперта, обязано явиться участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения. В случае неявки без уважительных причин, а также в случаях отказа без законных оснований от исполнения своих обязанностей, к экспертам применяются такие же меры, что и в отношении свидетелей (ст. 64 и 66 Проц. Кодекса).

Ст. 69. Свидетели и эксперты имеют право на возмещение понесенных ими расходов по явке и на вознаграждение за отвлечение от обычных занятий; эксперты имеют право и на вознаграждение за выполнение ими своих обязанностей. Размеры сумм, подлежащих уплате свидетелям и экспертам, определяются особыми инструкциями Наркомюста.

Ст. 70. Вещественными доказательствами являются: предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных

действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных.

Ст. 71. Вещественные доказательства должны быть приобщены к делу и храниться в том суде или у того следователя, в производстве которого находится дело. В отдельных случаях, вещественные доказательства могут быть впредь до окончания дела возвращены их владельцам, если последний о том ходатайствует и если удовлетворение этого ходатайства возможно без ущерба для производства дела.

Ст. 72. При передаче дела из одного суда в другой суд или от одного следователя другому следователю, вещественные доказательства обязательно препровождаются вместе с делами.

Ст. 73. В приговоре или определении о прекращении дела должно содержаться указание на судьбу вещественных доказательств: при этом:

1) орудия преступления подлежат конфискации;

2) вещи, запрещенные к обращению, не выдаются и подлежат передаче в соответствующие учреждения или подлежат уничтожению;

3) вещи, не представляющие никакой ценности и не могущие быть использованными, подлежат уничтожению. В случаях ходатайства заинтересованных лиц и учреждений о выдаче им этих вещей, ходатайство может быть удовлетворено, если суд признает, что к такой выдаче не имеется препятствий;

4) остальные вещи выдаются их владельцам. В случае спора о принадлежности этих вещей, спор этот подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Ст. 74. Вещественные доказательства хранятся до вступления приговора в законную силу или до постановления судом определения о прекращении дела. В тех случаях, когда спор о праве на вещи подлежит разрешению в исковом порядке, вещественные доказательства хранятся до вступления в законную силу решения, вынесенного по данному делу в порядке гражданского судопроизводства.

Ст. 75. Вещественные доказательства подвергаются быстрой порче, если не могут быть возвращены владельцу, немедленно сдаются в подлежащее государственное учреждение для обращения в употребление. В случае оказавшейся необходимости возвратить впоследствии вещественные доказательства, получившие их учреждения возвращают их теми же предметами или их денежным эквивалентом.

Ст. 76. В случае надобности судом или следователем могут быть вызваны переводчики. Переводчики имеют право на возмещение понесенных ими расходов по явке и на вознаграждение за исполнение

своих обязанностей. Размеры сумм, подлежащих уплате переводчикам, определяются особыми инструкциями Народного Комиссариата Юстиции.

Ст. 77. В случае уклонения переводчиков от явки или от исполнения своих обязанностей на суде и следствии, к ним применяются меры, указанные в ст. 64 и 66 настоящего Кодекса.

Ст. 78. При производстве обысков и выемок следователем призываются понятые. Понятыми не могут быть лица, участвующие в деле в качестве сторон, а также родственники сторон.

Ст. 79. Понятые имеют право на возмещение понесенных ими расходов по явке и на вознаграждение за отвлечение их от обычных занятий. Размер сумм, подлежащих уплате понятым, определяется особыми инструкциями Народного Комиссариата Юстиции.

Ст. 80. В случае отказа понятых от явки или исполнения их обязанностей, следователем могут быть применены к ним те же меры, что в отношении свидетелей, экспертов и переводчиков (ст. 64 и 66 Проц. Кодекса).

Глава V. О ПРОТОКОЛАХ

Ст. 81. Протоколы обязательно ведутся при следственных действиях, а также в распорядительных и судебных заседаниях.

Ст. 82. Протокол о производстве следственных действий — допросов, обысков, выемок, осмотров и освидетельствований, составляется следователем и должен содержать в себе: указание места и времени совершения следственного действия, обозначение следователя, сторон, понятых, содержание показаний допрошенных лиц, результат осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, заявления и ходатайства сторон, свидетелей, экспертов и других лиц, постановления, вынесенные следователем. Протокол подписывается следователем и понятыми, если таковые имеются, а также допрошенным лицом. Всякие оговорки, поправки и подчистки должны быть оговорены в протоколе перед подписями.

Ст. 83. В протоколе распорядительного заседания обозначаются место и время заседания, состав суда, стороны, если таковые присутствуют, слушаемое дело, поступившие ходатайства и вынесенные судом определения. Протокол подписывается председательствующим и секретарем.

Ст. 84. В протоколе судебного заседания обозначаются: место и время заседания, с указанием когда оно было открыто и когда

закрыто. Состав суда, стороны, если они присутствуют, слушаемое дело, все действия суда в том именно порядке, в каком они имели место, заявления, ходатайства сторон, свидетелей, экспертов и иных лиц, постановленные судом определения, содержание показаний и объяснений подсудимого, свидетелей и экспертов, краткое содержание последнего слова подсудимого, а равно и все то, о занесении в протокол чего стороны ходатайствовали. Содержание прений сторон в протокол не заносятся, а лишь отмечается порядок, в каком они имели место на суде.

Ст. 85. В протоколе судебного заседания обязательно должны быть отмечены: разъяснения сторонами права отвода, заявления их по этому поводу с соответствующими определениями суда, разъяснение подсудимым их права давать объяснения после каждого судебного действия, оглашение письменных показаний обвиняемого, свидетелей и экспертов, а равно оглашение других документов, предоставление подсудимым последнего слова, разъяснение порядка и сроков обжалования. Протокол подписывается председательствующим и секретарем.

Ст. 86. В течение трех суток после изготовления протокола и его подписания, стороны, участвующие в судебном заседании, могут подать свои замечания на протокол, с указанием на его неправильность или неполноту. Суд обязан обсудить означенные замечания и вынести по ним свои определения.

Глава VI. О СРОКАХ, О СУДЕБНЫХ ИЗДЕРЖКАХ

Ст. 87. Сроки исчисляются часами, сутками и месяцами. При исчислении сроков не принимается в расчет тот час и день, которым начинается течение сроков.

Ст. 88. При исчислении срока сутками, срок оканчивается в 12 часов ночи последних суток; если же действие должно быть произведено в суде или у следователя, то срок оканчивается в момент окончания занятий в камере суда или следователя, но не ранее 4 часов дня последних суток.

Ст. 89. При исчислении сроков месяцами, срок оканчивается в соответствующее число последнего месяца, если же конец срока исчисленного по месяцам приходится в такой месяц, который не имеет соответствующего числа, то срок оканчивается в последний день этого месяца.

Ст. 90. Если срок оканчивается в праздничный день, то последним днем срока считается следующий за праздничным, рабочий день.

Ст. 91. Срок не считается пропущенным, если жалоба или требуемая бумага сдана до истечения срока на почту.

Ст. 92. Стороне, пропустивший срок по уважительной причине, таковой должен быть восстановлен постановлением следователя или определением суда, в производстве которого находится дело.

Ст. 93. Судебные издержки состоят:

1) из сумм, выданных свидетелям, экспертам и переводчикам;

2) из сумм, израсходованных на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств;

3) из иных, понесенных судом по производству данного дела непредвиденных расходов.

Ст. 94. В случае признания подсудимого виновным, суд, постановивший приговор, постановляет одновременно о взыскании с него издержек. Если по делу признаны виновными несколько подсудимых, то суд постановляет, в каком размере ложатся издержки на каждого из них, руководствуясь имущественным положением осужденных.

Ст. 95. При прекращении дела, при оправдании подсудимого, а равно при несостоятельности лица, на которого должны быть наложены судебные издержки, таковые принимаются на счет казны.

При прекращении дела примирением сторон, суд вправе возложить издержки на одну или обе стороны.

При освобождении от наказания подсудимого, признанного виновным, суд вправе возложить на него судебные издержки.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Глава VII. ВОЗБУЖДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Ст. 96. Поводами к возбуждению уголовного дела является:

1) заявление граждан и различных объединений и организаций;

2) сообщение правительственных учреждений и должностных лиц;

3) явка с повинной;

4) предложение прокурора;

5) непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда.

Ст. 97. Заявления граждан могут быть письменные и словесные. Словесные заявления заносятся судьей, следователем, органами дознания и прокурором в протокол, который подписывается заявителем.

При принятии заявлений должна быть разъясняема заявителям ответственность за ложный донос.

Ст. 98. Письменные заявления должны быть подписаны лицом, от которого они исходят. Анонимные заявления могут служить поводом к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной проверки их органами дознания.

Ст. 99. Судья, следователь, прокурор и органы дознания обязаны принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений, при чем судья и следователь обязаны принимать таковые также и по делам им не подсудным, в каковом случае дело направляется ими по надлежащей подсудности.

Ст. 100. Усмотрев из самого заявления или сообщения отсутствие в деле признаков преступления, органы дознания, прокурор или следователь отказывают в производстве дознания или предварительного следствия, о чем объявляют заинтересованным лицам или учреждениям, каковой отказ может быть обжалован в семидневный срок заявителями в надлежащий суд.

Суд, усмотрев из поступившего к нему заявления или сообщения, отсутствие в деле признаков преступления, не дает дальнейшего движения делу, о чем объявляет заинтересованным лицам или учреждениям.

Ст. 101. При наличии поводов, указанных в ст. 96 Проц. Кодекса и при наличии в заявлении указаний на состав преступления:

1. Органы дознания приступают к производству дознания, при чем по делам, где обязательно производство предварительного следствия, обязаны в течение суток сообщить о том следователю и прокурору.

2. Прокурор направляет дело для производства предварительного следствия или дознания либо непосредственно в суд.

3. Следователь приступает к производству предварительного следствия, о чем в течение суток сообщает прокурору.

4. Суд направляет дело для производства дознания или предварительного следствия либо принимает дело непосредственно для рассмотрения его по существу.

Глава VIII. О ДОЗНАНИИ

Ст. 102. Органами дознания являются:

1) органы Милиции и Уголовного розыска.

2) Органы Государственного Политического Управления, а также органы податной, продовольственной, санитарной, технической,

торговой инспекции и инспекции труда по делам, отнесенным к их ведению.

3) Правительственные учреждения и должностные лица, по делам о проступках, подлежащих дисциплинарному взысканию, могут производить дознание о таковых с тем, что дело в течение 3-х суток передается по подсудности, если оно не направлено в административном порядке.

Ст. 103. Органы дознания принимают меры к тому, чтобы до начала предварительного следствия или до разбора дела по существу, если предварительное следствие не производится, были сохранены следы преступления и была устранена для подозреваемого возможность скрыться.

Ст. 104. При производстве дознания могут быть опрашиваемы подозреваемые лица и свидетели; выемки, обыски, осмотры и освидетельствования могут быть производимы в тех случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что следы преступления и другие вещественные доказательства могут быть уничтожены или скрыты.

Ст. 105. Задержание органами дознания лица, подозреваемого в совершении преступления, допускается лишь, как мера предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда, и притом лишь в следующих случаях:

1) когда преступник застигнут при непосредственном подготовлении, самом совершении преступления или тотчас после его совершения;

2) когда потерпевший или очевидцы укажут на данное лицо, как на совершившее преступление;

3) когда при или на подозреваемом лице, или в его жилище будут найдены следы преступления;

4) когда подозреваемый покушался на побег или задержан во время побега;

5) когда подозреваемый не имеет места постоянного жительства или места постоянных занятий;

6) когда не установлена личность подозреваемого.

Ст. 106. О задержании подозреваемого с указанием оснований задержания, органы дознания должны в течение 24 часов сообщить суду, которому подсудно данное дело или же народному судье, в районе которого произошло преступление или был задержан подозреваемый.

По делам, по которым обязательно производство предварительного следствия о задержании обвиняемого, органы дознания должны сообщить в тот же срок следователю и прокурору.

При неподтверждении судом, народным судьей или следователем ареста в течение 48 часов с момента получения ими извещений от

органов дознания о произведенном задержании, задержанный должен быть освобожден.

Примечание. Порядок утверждения арестов, производимых органами Государственного Политического Управления, определяется особыми правилами, для того установленными.

Ст. 107. Производство дознания не может продолжаться долее месяца, при чем:

1) если дознанием не установлено наличие в деле признаков преступления или не обнаружены виновные — весь материал дознания подлежит препровождению к прокурору для прекращения дела;

2) если дознанием добыты данные, изобличающие кого-либо в совершении преступления, за которое высшее наказание, согласно Уголовному Кодексу предусмотрено в виде лишения свободы на срок до одного года, то весь материал дознания направляется органами дознания непосредственно в суд, которому подсудно данное дело;

3) в случаях, когда наказание, предусмотренное за преступление, установленное дознанием, превышает указанный предел или назначено не ниже одного года — органы дознания направляют весь собранный материал для дальнейшего направления прокурору.

Ст. 108. В случаях, когда дознанием добыты данные, изобличающие кого-либо в совершении преступлений, по которым обязательно предварительное следствие, органы дознания, сообщив о сем немедленно следователю и прокурору, передают весь материал дознания следователю немедленно же, не выжидая конца месячного срока, установленного ст. 107 для производства дознания, принимая до вступления следователя в дело лишь меры, препятствующие уничтожению следов преступления или уклонению подозреваемых от следствия и суда.

Ст. 109. Общий надзор за производством дознания принадлежит прокуратуре, которая имеет право знакомиться со всеми материалами дознания в любой момент и по любому делу, давать указания органам дознания и предлагать им произвести те или иные действия. Жалобы на действия органов дознания приносятся прокурору и разрешаются этим последним.

Глава IX. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Ст. 110. Производство предварительного следствия обязательно по всем делам, рассматриваемым революционными трибуналами и народным судом с шестью заседателями; по всем остальным делам

предварительное следствие и отдельные следственные действия производятся по особому каждый раз определению суда или по предложению прокурора. В случае отказа стороне в производстве предварительного следствия или отдельных следственных действий, судом должно быть вынесено мотивированное определение, с указанием оснований отказа.

Ст. 111. Следователь, если признает поступивший к нему материал дознания достаточно полным и дело достаточно разъясненным, вправе не производить предварительного следствия или же ограничиться производством отдельных следственных действий. При этом следователь обязан выполнять следующие следственные действия, которые, во всяком случае, являются обязательными:

1) предъявление обвинения обвиняемому;

2) допрос обвиняемого, и

3) составление обвинительного заключения.

Ст. 112. Следователь, получив сведения или материалы о совершившемся в его участке преступлении, ему подследственном, обязан не позднее 24 часов по арестантским делам и 48 часов по всем остальным делам, приступить к производству следствия, составив о том постановление копия которого немедленно направляется к прокурору.

С момента начатия предварительного следствия органы дознания вправе действовать по данному делу не иначе, как по поручению следователя.

Ст. 113. При производстве предварительного следствия, следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства как уличающее, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности.

Ст. 114. Следователь направляет предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела. Следователь не в праве отказывать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собрании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела.

Ст. 115. Имеющими значение для дела являются обстоятельства, указанные в ст. ст. 24 и 25 Уголовного Кодекса, а равно и все другие обстоятельства, выполнение которых может иметь влияние на правильное расследование дела.

Ст. 116. В случае отказа в ходатайстве о производстве следственного действия или об установлении какого-либо обстоятельства, следователем должно быть составляемо мотивированное постановление, с указанием основания отказа.

Ст. 117. Обвиняемый и потерпевший могут присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. Следователь вправе отказать им в осуществлении означенных прав, если признает, что присутствие и участие их при производстве следственных действий может препятствовать раскрытию истины или сохранению в тайне тех сведений, преждевременное оглашение которых может помешать ходу предварительного следствия.

Ст. 118. Данные, добытые предварительным следствием, могут подлежать публичному оглашению лишь в том объеме, в каком следователь признает это возможным; опубликование данных предварительного следствия, без разрешения следователя, преследуется по закону.

Ст. 119. Предварительное следствие должно быть закончено в течение 2 месяцев со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. При невозможности закончить следствие в 2-месячный срок, следователь сообщает прокурору о причинах задерживающих окончание следствия.

Ст. 120. Могут быть соединяемы в одном следственном производстве лишь дела по обвинению нескольких лиц в соучастии в совершении одного или нескольких преступлений, или же в случае совершения одним лицом нескольких преступлений однородных или связанных между собой единством намерения.

Ст. 121. Надзор за производством предварительного следствия осуществляется прокурором, который вправе знакомиться с актами предварительного следствия и давать указания следователю о направлении и дополнении следствия. Указания, сделанные прокурором, обязательны для следователя.

Ст. 122. Следователь, усмотрев из дела, что совершением преступления причинен вред и убытки потерпевшему, обязан разъяснять последнему его право предъявить гражданский иск, о чем должно быть отмечено в протоколе.

Ст. 123. В случае предъявления гражданского иска, следователь обязан рассмотреть ходатайство потерпевшего и составить мотивированное постановление о признании потерпевшего гражданским истцом или об отказе в таком признании.

Ст. 124. Следователь вправе, по ходатайству гражданского истца или по собственной инициативе принять меры обеспечения гражданского иска, если признает, что непринятие эти мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенных вреда и убытков.

Следователь, усмотрев, что потерпевшему причинены вред и убытки и что есть основание ожидать предъявления гражданского иска, вправе принять меры обеспечения, хотя бы иск еще не был предъявлен.

Ст. 125. Следователь подлежит отводу в случаях, указанных ст. ст. 47 и 49. Отвод должен быть заявлен немедленно после того, как сделались известными основания к отводу.

Отвод, заявленный против следователя, направляется последним в течение 24-х часов в народный суд того района, где находится камера следователя, или в тот суд, при котором следователь состоит, при чем производство следственных действий не приостанавливается.

Суд обязан в течение 3-х суток разрешить заявленный против следователя отвод.

Глава X. О СЛЕДСТВЕННЫХ УЧАСТКАХ

Ст. 126. Следователь производит предварительное следствие по преступлениям, совершенным в границах его участка. Если место совершения преступления неизвестно, то предварительное следствие производится тем следователем, в участке которого обнаружено преступление и где проживает виновный. В этом случае, следователь производит начатое им следствие до его окончания или же до приведения в известность, где преступление совершилось; после чего передает дело подлежащему следователю.

Ст. 127. Производство следствия может быть, по постановлению Губсовнарсуда, передано из одного следственного участка в другой, при наличии поводов, указанных в ст. 47 Проц. Кодекса, а также в тех случаев, когда такой передачей может быть достигнуто более скорое и притом более полное расследование дела.

Ст. 128. Следователь, получив сведение о преступлении, подлежащем расследованию в другом следственном участке, ограничивается производством следственных действий, не терпящих отлагательств, а затем предает дело подлежащему следователю.

Ст. 129. Следователь вправе производить следственные действия и в других следственных участках, а равно вправе поручать производство этих действий подлежащему следователю, который обязан такое предложение исполнить.

В пределах города, хотя бы разделенного на несколько участков, следователь обязан самостоятельно производить все следственные действия.

Ст. 130. Спор о подследственности между следователями, состоящими в районе одного суда, разрешается этим последним; спор о подследственности между следователями, состоящими в районах различных судов, разрешается тем судом, в районе которого возникло дело; если же дело возникло в районе двух или нескольких судов одной и той же категории, то спор о подследственности разрешается тем судом, в районе которого раньше возникло дело.

Спор о подследственности между следователями, заключающийся в том, какому суду подсудно данное дело, разрешается порядком, указанным в ст. ст. 41 и 44 Проц. Кодекса.

Глава XI. ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ И ДОПРОС

Ст. 131. При наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь составляет мотивированное постановление о привлечении данного лица к качестве обвиняемого.

Предъявление обвиняемому обвинения должно последовать не позже, как в течение 48 часов со дня составления следователем постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого.

Ст. 132. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть указаны имя, отчество и фамилия обвиняемого, время и место и другие обстоятельства совершения преступления, поскольку они известны следователю, а также основания привлечения.

Ст. 133. Обвиняемый, находящийся на свободе, вызывается телефонограммой или повестками по почте или через милицию. Повестки посылаются в 2-х экземплярах, из которых первый вручается обвиняемому, а второй, с его распиской, возвращается обратно. В случае временного отсутствия вызываемого, повестка для передачи ему вручается его домашним или ближайшим соседям под расписку.

Обвиняемый, находящийся под стражей, вызывается через заведующего местом заключения или допрашивается в месте заключения.

Ст. 134. В случае неявки, без уважительной причины, обвиняемый подвергается приводу. Следователь вправе подвергнуть обвиняемого приводу без предварительного вызова в тех случаях, когда обвиняемый скрывается от следствия или не имеет определенного места жительства или места постоянных занятий.

Ст. 135. В тех случаях, когда обвиняемый лишен возможности явиться к следователю по болезни, следователь может отправиться для допроса в место нахождения обвиняемого.

Ст. 136. В случае неизвестности места пребывания обвиняемого, или побега его, следователь делает распоряжение о розыске. При безуспешности розыска, следователь производит необходимые следственные действия по делу и представляет дело в суд, которому оно подсудно, для разрешения вопроса о дальнейшем движении дела.

Ст. 137. Следователь обязан допросить обвиняемого не позже, как в течение 24-х часов по его явке или приводе. Если допрос был произведен после означенного срока, то о причинах такого замедления должно быть отмечено в протоколе допроса.

Ст. 138. Перед допросом обвиняемого, следователь должен удостовериться в его самоличности и разъяснить ему сущность предъявленного обвинения.

Ст. 139. Следователь не имеет права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер.

Ст. 140. Обвиняемые допрашиваются порознь, при чем следователь принимает меры к тому, чтобы обвиняемые по одному и тому же делу не могли сообщаться между собой. В случае надобности, следователь устраивает очную ставку между обвиняемыми, а также между обвиняемыми и свидетелем.

Ст. 141. Допрос обвиняемого начинается предложением рассказать все ему известное по делу; после дачи обвиняемым показаний, ему задаются вопросы. В протоколе допроса, излагаются показания обвиняемого и отмечаются, по возможности, заданные обвиняемому вопросы и данные им на них ответы.

Показания обвиняемого заносятся в протокол в первом лице и, по возможности, дословно.

Ст. 142. По окончании допроса протокол прочитывается обвиняемому, который имеет право требовать дополнения протокола и внесения в него поправок, согласно данному им показанию.

Обвиняемому, в случае его о том просьбы, должно быть предоставлено право собственноручного написания показаний.

Протокол подписывается обвиняемым и следователем.

Ст. 143. При допросе немого, глухого и лица, говорящего на языке, непонятном для следователя, приглашается переводчик или лицо, понимающее знаки немого и глухого; участие этих лиц в допросе отмечается в протоколе, который подписывается этими лицами.

Ст. 144. Определение возраста обвиняемого, при отсутствии надлежащих документов, производится путем медицинского освидетельствования, в тех случаях, когда есть основание полагать, что обвиняемый является несовершеннолетним.

Ст. 145. При привлечении должностного лица в качестве обвиняемого, следователь обязан разрешить вопрос, подлежит ли обвиняемый, на время следствия отстранению от должности, о чем сообщает по месту службы обвиняемого.

Глава XII. МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Ст. 146. От каждого лица, привлеченного в качестве обвиняемого, следователь отбирает подписку о явке к следствию и суду и обязательство сообщать о перемене своего местожительства. Сверх того, следователь праве принять в отношении обвиняемого, меры пресечения к уклонения от суда и следствия.

Ст. 147. Мерами пресечения являются:

1) подписка о невыезде;

2) поручительство, личное и имущественное;

3) залог;

4) домашний арест;

5) заключение по стражу.

Ст. 148. Меры пресечения принимаются лишь после привлечения подозреваемого лица к делу в качестве обвиняемого и могут быть изменены или отменены после первого его допроса. В исключительных случаях, меры пресечения могут быть применены в отношении подозреваемых лиц и до предъявления им обвинения. В этих случаях, предъявление обвинения должно иметь место не позднее 14 суток со дня принятия меры пресечения. При невозможности предъявления обвинения в указанный срок, мера пресечения обязательно отменяется.

Ст. 149. О принятии меры пресечения следователь составляет мотивированное постановление с указанием преступления, в котором обвиняется данное лицо и оснований принятия той или иной меры пресечения. О принятии мер пресечения немедленно объявляется обвиняемому.

Ст. 150. При разрешении вопроса о необходимости принять меры пресечения, а также об избрании той или иной из означенных мер, следователь принимает во внимание: важность преступления, приписываемого обвиняемому, тяжесть имеющихся против него улик; вероятность возможного, со стороны обвиняемого, уклонения от следствия и суда или препятствования раскрытию истины; состояние здоровья обвиняемого, род занятий и другие обстоятельства.

Ст. 151. Прокурор может предложить следователю отметить принятую меру пресечения или заменить ее другой, или же избрать меру

пресечения, если таковая не была избрана следователем. В случае несогласия следователя с предложением прокурора вопрос разрешается судом, которому подсудно данное дело.

Ст. 152. Подписка о невыезде состоит в отобрании от обвиняемого обязательства не отлучаться из избранного им, или следователем, места жительства без разрешения следователя или суда. В случае нарушения обвиняемым данной им подписки, таковая заменяется более строгой мерой пресечения, о чем обвиняемому должно быть объявлено при отобрании подписки о невыезде.

Ст. 153. Личное поручительство состоит в отобрании от заслуживающих доверия лиц подписки в том, что они ручаются за явку обвиняемого и обязуются доставить его к следователю, или в суд по первому о том требованию. Число поручителей определяется следователем и не может быть менее двух.

При отобрании подписки от поручителей, им должно быть объявлено об ответственности их, в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда.

Ст. 154. В случае уклонения от следствия и суда обвиняемого, относительно которого мерой пресечения было избрано личное поручительство, к поручителям применяются меры, предусмотренные ст. ст. 64 и 66 настоящего Кодекса.

Ст. 155. Имущественное поручительство состоит во взятии от достаточно для того состоятельного лица, или организации подписки в том, что они обязуются уплатить известную сумму в случае неявки обвиняемого к следователю или в суд.

Ст. 156. Залог состоит в деньгах или ином имуществе, вносимом в суд самим обвиняемым или другим лицом или организацией в обеспечение явки обвиняемого к следователю и суду.

Ст. 157. Сумма имущественного поручительства или залога определяется следователем в соответствии с тяжестью обвинения, силой улик, имеющихся по делу против обвиняемого, имущественным положением поручителя или залогодателя и другими обстоятельствами дела.

Ст. 158. В принятии поручительства или залога, следователь составляет протокол, который подписывается поручителем или залогодателем и выдается им в копии.

Ст. 159. В случае побега обвиняемого, или уклонения его от следствия и суда, внесенный залог обращается в доход Республики, а при наличии имущественного поручительства взыскивается в доход Республики сумма, в которой было принято поручительство.

Ст. 160. Домашний арест заключается в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой.

Ст. 161. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть назначено лишь по делам о преступных деяниях, за которые назначено наказание в виде лишения свободы, и притом лишь при наличии опасения, что обвиняемый скроется от следствия и суда, или же при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины. В постановлении о заключении обвиняемого под стражу, следователь обязан указать, какие именно обстоятельства явились основанием к избранию в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Ст. 162. В тех случаях, когда в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу исключительно в виду опасения, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины, содержание обвиняемого под стражей не может продолжаться более двух месяцев.

В особо сложных делах срок этот, по определению суда, которому подсудно данное дело, может быть продлен на один месяц.

Ст. 163. Об избрании, в качестве меры пресечения, заключения под стражу, следователь сообщает прокурору и посылает копию постановления в место заключения и по месту службы обвиняемого. Если обвиняемый состоит подданным иностранного государства, то копия постановления препровождается также и в Народный Комиссариат по Иностранным Делам.

Ст. 164. Принятая в отношении обвиняемого мера пресечения отменяется или изменяется, когда отпадает дальнейшая необходимость в мерах пресечения вообще или мера пресечения, ранее избранной.

Отмена или изменение меры пресечения, принятая следователем, производится мотивированным постановлением последнего. Мера пресечения, избранная по предложению прокурора, может быть изменена следователем лишь с согласия прокурора. Если мера пресечения была назначена судом (ст. 151), то отмена или изменение этой меры может последовать лишь по определению суда.

Глава XIII. ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ И ЭКСПЕРТОВ

Ст. 165. Свидетели и эксперты допрашиваются на месте производства следствия, для чего вызываются к следователю. Вызов производится порядком, указанным в ст. 133 Проц. Кодекса.

Следователь вправе, если признает более удобным, произвести допрос в месте нахождения свидетелей и экспертов.

Ст. 166. Свидетели допрашиваются порознь и в отсутствии других свидетелей; при этом следователь принимает меры к тому, чтобы свидетели по одному и тому же делу не могли сообщаться между собой до окончания допроса. В случае надобности, следователь устраивает очную ставку между свидетелями.

Ст. 167. Перед допросом следователь удостоверяется в самоличности свидетеля, устанавливает его отношение к сторонам, предупреждает об обязанности показывать правду, предупреждает его об ответственности, за отказ от дачи показаний и за дачу ложного показания, в чем отбирает от него подписку.

Ст. 168. Допрос свидетелей начинается предложением рассказать все ему известное по делу, после какового рассказа свидетелю задаются вопросы. Показания свидетелей записываются в первом лице и по возможности, дословно. Заданные свидетелю вопросы и данные на них ответы отмечаются в протоколе, в случае надобности, буквально.

Ст. 169. Свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле и о характеристике личности обвиняемого.

Ст. 170. При допросе немого, глухого или лица, говорящего на языке, непонятном для следователя, приглашается переводчик или лицо, понимающее знаки немого или глухого; участие этих лиц в допросе отмечается в протоколе, который подписывается этими лицами.

Ст. 171. По окончании допроса, протокол прочитывается свидетелю, который имеет право требовать дополнения протокола и внесения в него поправок, согласно данному им показанию. Свидетелю, в случае его о том просьбы, предоставляется право собственноручного написания показания.

Протокол подписывается свидетелем и следователем.

Ст. 172. При вызове экспертов число их определяет следователь. В случае требования обвиняемого следователь помимо избранных им экспертов может вызвать и эксперта, указанного обвиняемым; отказ в таком вызове может последовать, если следователь признает, что вызов указанного эксперта невозможен, или же грозит затянуть предварительное следствие.

Ст. 173. Перед допросом экспертов следователь удостоверяется в их самоличности и предупреждает о необходимости давать заключение, строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний для которых вызван эксперт; при этом следователь предупреждает об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу ложного заключения.

Ст. 174. Следователь излагает эксперту те пункты, по которым должно быть дано заключение. Обвиняемый в праве представить в письменном виде те вопросы, по которым экспертом должно быть дано заключение.

Эксперт имеет право, с разрешения следователя, знакомиться с теми обстоятельствами дела, уяснение которых необходимо ему для дачи заключения.

Ст. 175. Если имеется несколько экспертов, то им ранее дачи заключения должна быть дана возможность, в случае их о том требовании, совещаться между собой.

Ст. 176. Если эксперты пришли к единогласному выводу, то результаты экспертизы могут быть изложены одним из экспертов по их выбору; в случае же разногласия между экспертами, должны быть изложены каждым из экспертов его выводы. После дачи заключения, каждому из экспертов могут быть задаваемы вопросы. По окончании экспертизы составляется протокол, при чем соблюдаются правила статьи 171 Проц. Кодекса.

Ст. 177. В случае признания следователем экспертизы недостаточно ясной, или неполной, следователь вправе по собственной инициативе или по ходатайству обвиняемого, назначить производство новой экспертизы, пригласив для того других экспертов.

Глава XIV. ОБЫСКИ И ВЫЕМКИ

Ст. 178. Следователь, имея достаточные основания полагать, что в каком-либо помещении, или у какого-либо лица находятся предметы, могущие иметь значение для дела, предъявляет требование о выдаче этих предметов и производит выемку их; в случае невыдачи, отбирает принудительным порядком или производит обыск, составив о производстве таковых своих действий мотивированное постановление.

Ст. 179. Правительственные учреждения, должностные и частные лица и всякого рода организации и объединения не вправе отказываться от предъявления, по требованию следователя, и выдачи документов и иных предметов или их копий.

Примечание. Выдача и осмотр документов, имеющих характер государственной, дипломатической и военной тайны, могут быть обусловлены со стороны заинтересованных учреждений особыми гарантиями, устанавливаемыми подлежащими учреждениями по соглашению с прокурором.

Ст. 180. Обыски и выемки, кроме случаев не терпящих отлагательств, производятся днем. Обыски и выемки производятся в присутствии понятых и лица, занимающего данное помещение или его домашних или соседей.

Обыски и выемки в помещениях, занимаемых учреждениями, производятся в присутствии представителей этого учреждения.

Ст. 181. Обыски и выемки в помещениях дипломатических представителей иностранных государств производятся не иначе, как по предварительному сношению следователя с Народным Комиссариатом Иностранных Дел.

Ст. 182. Следователь, приступая к обыску или выемке, обязан огласить соответствующее постановление свое или суда по этому поводу. В случае надобности, обыскиваемое место может быть оцеплено стражей, или особо приглашенными на то лицами.

Ст. 183. При производстве обыска, следователь вправе открывать запертые помещения и хранилища, в случае отказа владельца добровольно открыть таковые; при этом следователь должен избегать излишнего повреждения запоров, дверей и других предметов.

Ст. 184. При производстве обыска следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены обнаруженные при обыске обстоятельства частной жизни обыскиваемого, не имеющие отношения к делу.

Ст. 185. При производстве обыска и выемки следователь должен строго ограничиваться отобранием документов и других предметов, имеющих непосредственное отношение к делу. Обнаруженные при обыске предметы, изъятые законом из обращения, подлежат отобранию, независимо от отношения к делу.

Ст. 186. Об отобрании документов и других предметов следователь составляет протокол. Все отбираемые при обыске и выемке документы и другие предметы должны быть предъявлены понятым и другим присутствующим лицам и перечислены в особой описи, составляемой на месте обыска или выемки и приобщаемой к протоколу.

Ст. 187. Документы и другие предметы, отобранные при обыске или выемке, опечатываются немедленно на месте обыска или выемки.

Ст. 188. Всякого рода заявления и претензии по поводу производимых обыска или выемки должны быть занесены в протокол.

Копия протокола и описи выдается лицу обыскиваемому или его домашним.

Ст. 189. В случае необходимости произвести выемку почтово-телеграфной корреспонденции, следователь сообщает подлежащему почтово-телеграфному учреждению о задержании корреспонденции и испрашивает у прокурора разрешения на производство выемки.

Ст. 190. Получив разрешение прокурора, следователь сообщает подлежащему почтово-телеграфному учреждению о доставлении ему требуемой корреспонденции или уведомляет означенное учреждение о времени своего прибытия для производства выемки.

Ст. 191. Приступая к производству выемки, следователь обязан предъявить имеющееся у него разрешение прокурора, заведующему почтово-телеграфным учреждением. Выемка производится в присутствии представителя почтово-телеграфного учреждения.

Глава XV. ОСМОТРЫ И ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Ст. 192. Следователь производит осмотр отобранных при обысках и выемках документов и иных предметов или на месте обыска или в случае, если для этого потребуется продолжительное время или по иным основаниям, в своей камере, после доставления ему всего отобранного при обыске в опечатанном виде.

Ст. 193. Осмотры и освидетельствования, кроме случаев, не терпящих отлагательства, производятся днем.

Осмотр почтово-телеграфной корреспонденции производится с соблюдением правил ст. ст. 189–191 Проц. Кодекса.

Ст. 194. Следователь не присутствует при освидетельствовании лица другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением освидетельствуемого лица, кроме случаев, когда лицо это не возражает против такого присутствия.

Ст. 195. О результатах осмотра или освидетельствования, следователь составляет протокол, описывая все в той последовательности, в какой осматривалось и открывалось, и в том именно виде, в каком оно в момент осмотра находилось.

В случае надобности, для участия в осмотре или освидетельствовании, приглашаются эксперты, причем соблюдаются правила, изложенные в ст. ст. 172–177 Проц. Кодекса.

Ст. 196. Для осмотра и вскрытия трупов, для освидетельствования потерпевшего и обвиняемого и в других случаях, где требуется медицинская экспертиза, следователь приглашает, в качестве экспертов, врачей через II отдел медицинской экспертизы губернских Отделов здравоохранения.

В случае затруднительности такого вызова вызывается ближайший врач.

Ст. 197. Следователь и понятые, а равно и другие лица, присутствующие при осмотре, имеют право заявлять свое мнение о тех действиях

врача, которые покажутся им сомнительными; мнения эти заносятся в протокол.

Ст. 198. Протоколы вскрытия и медицинского освидетельствования составляются врачом и подписываются следователем.

Глава XVI. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОБВИНЯЕМОГО

Ст. 199. При наличии в деле указаний на невменяемое состояние обвиняемого во время совершения преступления или на болезненное расстройство душевной деятельности, возникшее после совершения преступления, следователь обязан собрать сведения, необходимые для суждения о психическом состоянии обвиняемого, путем освидетельствования обвиняемого врачом-экспертом, а также путем опроса обвиняемого, его близких и других лиц.

Ст. 200. Если собранными сведениями и произведенным освидетельствованием установлено будет невменяемое состояние обвиняемого во время совершения приписываемого ему преступления или возникшее после совершения преступления, то следователь направляет дело в суд со своим заключением о прекращении дела или приостановке впредь до выздоровления.

Ст. 201. Если собранные сведения и произведенное освидетельствование окажется не достаточным для суждения о психическом состоянии обвиняемого или, если следователь не согласится с заключением врача-эксперта, то следователем назначается повторная экспертиза через врачей-экспертов в числе не менее двух. После производства экспертизы дело направляется следователем в суд для разрешения вопроса о дальнейшем его движении.

Ст. 202. Суд в распорядительном заседании, признав, что имеющиеся в деле данные недостаточны для суждения о психическом состоянии обвиняемого, может вынести определение о помещении обвиняемого для наблюдения в соответствующее лечебное заведение, о чем соответствующее ходатайство может быть возбуждено и следователем.

Ст. 203. По получении дела от следователя, а в тех случаях, когда обвиняемый помещен был в лечебное заведение для наблюдения по окончании такового наблюдения суд рассматривает весь имеющийся в деле материал, и признав, что обвиняемый во время совершения приписываемого ему преступления находился в невменяемом состоянии, прекращает дело производством.

Ст. 204. Суд, признав, что обвиняемый, хотя и находился во вменяемом состоянии во время совершения приписываемого ему преступления, но после того впал в болезненное расстройство душевной деятельности, выносит определение о приостановлении дела до выздоровления обвиняемого или о прекращении дела, если болезнь является неизлечимой.

Ст. 205. Суд, признав, что обвиняемый во время совершения приписываемого ему преступления, а равно и после того, не находился и не находится в невменяемом стоянии, возвращает дело следователю для дальнейшего движения в общем порядке.

Глава XVII. ОКОНЧАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Ст. 206. Предварительное следствие подлежит прекращению при наличии оснований, указанных в ст. 4 Проц. Кодекса, а также:

1) при необнаружении виновного, и

2) при недостаточности собранных по делу доказательств для предания суду лица, привлеченного ранее к делу в качестве обвиняемого.

Ст. 207. О прекращении предварительного следствия следователь составляет мотивированное постановление с точным указанием деяния, служившего предметом исследования, и препровождает дело в суд, которому оно подсудно, уведомив о том прокурора. Суд рассматривает дело в распорядительном заседании и выносит определение о прекращении дела, если согласится с постановлением следователя. Если же суд не найдет возможным прекратить дело, то возвращает таковое следователю для производства дальнейшего предварительного следствия с указанием того, чем и в каком направлении должно быть дополнено следствие, или же направляет дело в порядке предания суду с соблюдением правил, изложенных в главе XX Проц. Кодекса.

Примечание. Прекращение дела, в виду невменяемого состояния обвиняемого, производится порядком, указанным в гл. XVI Проц. Кодекса.

Ст. 208. После прекращения дела по необнаружению виновного или по недостаточности доказательств, дело может быть возобновлено не иначе, как по определению суда. Определение о прекращении дела сообщается прокурору и может быть обжаловано прокурором в высшую инстанцию, коей принадлежат права судебного надзора в отношении суда, прекратившего дело.

Ст. 209. Приостановление предварительного следствия, а равно и возобновление его после устранения обстоятельств, вызвавших приостановление, производится судом, которому подсудно дело. Определение выносится в распорядительном заседании суда с заслушанием заключения прокурора.

Ст. 210. Следователь направляет дело для предания обвиняемого суду после того, как установлены: событие преступления, личность виновного, его возраст, судимость, классовая принадлежность и социальное положение, место и время совершения преступления, мотивы его, если установить их было возможно, а также обстоятельства, дающие основание для предания обвиняемого суду.

Ст. 211. Признав предварительное следствие законченным, следователь объявляет об этом обвиняемому и, в случае его о том просьбы, предъявляет ему все производство по делу, а также обязан спросить обвиняемого, чем он желает дополнить следствие.

Ст. 212. В случае указания обвиняемым обстоятельств, имеющих значение для дела и ранее не расследованных, следователь обязан соответственным образом дополнить предварительное следствие.

Ст. 213. После дополнения следствия, а в случае отсутствия необходимости в таком дополнении — непосредственно после допроса обвиняемого или предъявления ему производства, следователь приступает к составлению обвинительного заключения.

Ст. 214. Обвинительное заключение должно состоять из двух частей.

Первая (описательная) часть должна заключать в себе изложение обстоятельств дела, как они установлены предварительным следствием, с указанием тех доказательств, на которых основано заключение следователя о необходимости предания суду обвиняемого.

Во второй (резолютивной) части должны быть указаны: имя, отчество и фамилия и прозвище обвиняемого, его возраст, судимость, классовая принадлежность, род занятий; место, время и способ совершения преступления, мотивы его, если установить их было возможно; указание потерпевшего.

Кроме того, в резолютивной части должно быть указано, каким именно уголовным законом карается данное преступление.

К обвинительному заключению должен быть приложен список лиц, о которых дело выделено или прекращено, а также и список лиц, вызываемых на судебное заседание.

Ст. 215. По составлении обвинительного заключения следователь направляет дело прокурору.

Глава XVIII. ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Ст. 216. Стороны, свидетели, эксперты, переводчики, понятые, поручатели и залогодатели за обвиняемого и другие заинтересованные лица могут приносить жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие их права.

Жалобы приносятся суду того района, в котором расположена камера следователя, или тому суду, при котором следователь специально состоит.

Жалобы на медленность производства, несоблюдение сроков предъявления обвинения, принятие мер пресечения, и незаконные действия следователя подаются прокурору того района и суда, где следователь состоит.

Ст. 217. Жалобы подаются в суд или прокурору непосредственно или через следователя, на действия которого жалоба приносится.

В получении жалобы следователь выдает расписку.

Ст. 218. Жалобы могут быть письменные и устные, в последнем случае они записываются следователем, прокурором или судьей в протокол, который подписывается жалобщиком.

Ст. 219. Срок на принесенные жалобы устанавливается в семь суток, считая с того дня, когда жалобщику сделалось известным обжалуемое действие следователя.

Подача жалобы на избрание меры пресечения, на медленность действий и незаконные действия следователя не ограничена никаким сроком.

Ст. 220. Принесение жалобы, впредь до ее разрешения, не приостанавливает приведения в исполнение обжалуемого действия следователя.

Ст. 221. Следователь обязан в течение 24-х часов препроводить поступившую в нему жалобу к прокурору или в суд вместе с своими объяснениями.

Ст. 222. Суд и прокурор обязаны рассмотреть жалобу в течение 3-х суток после ее получения.

При разрешении жалобы суд и прокурор вправе истребовать от следователя объяснения, если таковые не были представлены ранее. Истребование от следователя производства по делу допускается только в тех случаях, когда без этого не представляется возможным разрешить принесенную жалобу.

Ст. 223. Принесшие жалобу допускаются к словесному объяснению на суде, если они находятся на лицо.

Ст. 224. Вынесенное судом или прокурором по жалобе определение объявляется жалобщику и немедленно приводится в исполнение. В случае несогласия следователя или жалобщика с постановлением прокурора, — последнее может быть обжаловано им в суд.

Глава XIX. ДЕЙСТВИЯ ПРОКУРОРА ПО ПРЕКРАЩЕНИЮ ДЕЛА И ПО ПРЕДАНИЮ СУДУ

Ст. 225. Действия прокурора по делам, поступившим от органов дознания, определяются нижеследующими статьями.

Ст. 226. Прокурор, получив в порядке статьи 107 Проц. Кодекса материал дознания, рассматривает, является ли дело достаточно выясненным, и либо направляет дело для производства дополнительного дознания или для производства предварительного следствия, либо прекращает дело производством при наличии оснований, указанных в ст. ст. 4 и 206 Проц. Кодекса, либо постановляет о предании обвиняемого суду.

Прекращение прокурором дела может быть обжаловано сторонами в суд, которому дело подсудно, в течение 7 суток со дня объявления им постановления о прекращении дела.

Ст. 227. Постановление свое о предании обвиняемого суду прокурор направляет вместе с делом в суд, которому дело подсудно, в трехдневный срок после составления постановления.

Ст. 228. Постановление прокурора о предании обвиняемого суду должно заключать в себе краткое изложение тех обстоятельств, которые в совокупности своей образуют состав преступления, вменяемого в вину обвиняемому, а также указание имени, отчества и фамилии обвиняемого, его возраста, судимости, указание потерпевшего, указание места и времени свершения преступления и классовой принадлежности и рода занятий обвиняемого, мотивы и способ совершения преступления, поскольку эти обстоятельства выяснены.

Кроме того, в постановлении прокурора должно быть указано, каким именно уголовным законом карается преступление.

К постановлению должен быть приложен список лиц, о которых выделено или прекращено дело, а также лиц, подлежащих вызову на судебное заседание.

Ст. 229. Действия прокурора по делам, по которым производилось предварительное следствие, определяется нижеследующими статьями.

Ст. 230. Получив от следователя уведомление, в порядке статьи 207 Проц. Кодекса о направлении дела в суд для прекращения, прокурор,

если найдет, что дело не подлежит прекращению, входит в суд со своим возражением и может, если признает нужным, поддерживать лично свое возражение в распорядительном заседании суда.

Ст. 231. Получив от следователя, в порядке ст. 215 Проц. Кодекса, дело с обвинительным заключением, прокурор, признав следствие неполным, возвращает дело следователю с указанием на те обстоятельства, которые необходимо расследовать, каковое указание является для следователя обязательным.

Ст. 232. Признав, что дело достаточно выяснено, но что для предания обвиняемого суду нет законных поводов или достаточных оснований, прокурор делает предложение суду, которому подсудно дело, о прекращении дела и вправе, если признает нужным, лично поддерживать свое предложение в распорядительном заседании суда.

Ст. 233. Признав, что дело достаточно выяснено и что имеются основания для предания обвиняемого суду, прокурор, если не найдет нужным вносить какие-либо изменения в обвинительное заключение следователя, сообщает суду о согласии своем с обвинительным заключением и предлагает суду утвердить таковое и предать обвиняемого суду.

В тех случаях, когда прокурор найдет нужным внести изменения в обвинительное заключение следователя, он обязан составить новое заключение, удовлетворяющее требованиям статьи 214 Проц. Кодекса, и препровождает таковое в суд с предложением утвердить и предать обвиняемого суду.

Первоначальное обвинительное заключение в этих случаях изъемлется из дела и остается в производстве прокурора.

Ст. 234. Приложенный к обвинительному заключению следователя список лиц, вызываемых в судебное заседание, может быть изменен прокурором независимо от внесения изменений в текст обвинительного заключения.

Ст. 235. Одновременно с предложением предать обвиняемого суду, прокурор излагает суду свое мнение о принятии, отмене или изменении меры пресечения, а также уведомляет суд, считает ли он необходимым лично или через иных членов прокуратуры поддерживать обвинение на суде; однако определение суда о поддержании прокуратурой обвинения на суде обязательно для последней.

Ст. 236. Прокурор вправе, если признает нужным, лично поддерживать свои предложения в распорядительном заседании суда.

Глава XX. ДЕЙСТВИЯ СУДА ПО ПРЕКРАЩЕНИЮ ДЕЛА И ПО ПРЕДАНИЮ СУДУ

Ст. 237. Народный судья по делам, поступившим непосредственно в Народный Суд, если не признает нужным производство дознания или предварительного следствия, либо выносит постановление о предании обвиняемого суду и назначает дело к слушанию, при чем указывается в повестке, посылаемой обвиняемому, сущность обвинения, либо прекращает дело в порядке ст. 107 Проц. Кодекса. В этих случаях прекращение может иметь место только по определению суда в полном составе Нар. Судьи и 2-х народных заседателей.

Ст. 238. Дела, поступившие в порядке ст. 227 Проц. Кодекса от прокурора с постановлением о предании обвиняемого суду, назначаются народным судьей к слушанию в судебном заседании.

Ст. 239. Дела, поступившие в порядке ст. 207 Проц. Кодекса от следователя с постановлением о прекращении дела, а также поступившие от прокурора в порядке ст. ст. 233–236 Проц. Кодекса вносятся народным судьей или председателем трибунала в распорядительное заседание народного суда или трибунала.

Ст. 240. Распорядительное заседание суда рассматривает исключительно следующие вопросы:

1) Достаточно ли обосновано предъявленное обвинение данными, приведенными в первой описательной части, обвинительного заключения.

2) Правильно ли формулировано обвинение, согласно данным описательной части обвинительного заключения.

3) Предусмотрено ли предъявленное обвинение Уголовным кодексом и какой именно статьей.

4) Подлежит ли изменению и какому именно список лиц, вызываемых в судебное заседание.

Примечание. Распорядительное заседание ограничивается рассмотрением обвинительного заключения и не может рассматривать актов предварительного следствия.

Ст. 241. Суд, по рассмотрении обвинительного заключения, выносит определение о прекращении дела, или о направлении его к доследованию, или же об утверждении обвинительного заключения и о предании обвиняемого суду.

Доклад в распорядительном заседании производится в народном Суде народным судьей, а в Революционном трибунале членом трибунала.

Ст. 242. Суд, признав, что предъявленное обвинение недостаточно обосновано (пункт 1-й ст. 240 Проц. Кодекса), выносит определение о прекращении дела или о направлении дела к доследованию.

Ст. 243. Суд, признав, что в приписываемом обвиняемому деянии нет состава преступления (пункт 3-й ст. 240 Проц. Кодекса), выносит определение о прекращении дела.

Ст. 244. Признав, что обвинительное заключение отвечает требованию ст. 240 Проц. Кодекса, суд выносит определение об утверждении обвинительного заключения и о предании обвиняемого суду.

В случае несогласия с содержащейся в обвинительном заключении формулировкой обвинения, суд поручает одному из судей составление нового обвинительного заключения с соответственно измененными обвинительными пунктами.

Новое обвинительное заключение заменяет собой первоначальное заключение, каковое в этом случае изъемлется из производства по делу.

Обвинительное определение, составленное судом, должно удовлетворять требованиям ст. 214 Проц. Кодекса.

Ст. 245. Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, может быть изменен судом независимо от изменений в тексте обвинительного заключения.

Ст. 246. При вынесении определения о предании обвиняемого суду, суд должен рассмотреть вопрос об отмене, изменении или назначении меры пресечения в отношении подсудимого.

Ст. 247. Одновременно с рассмотрением вопроса о предании обвиняемого суду, суд рассматривает поступившие к нему ходатайства сторон и выносит определение о допущении избранного подсудимым защитника или назначении такового, если к этому моменту защитник подсудимым не избран.

Ст. 248. В случае неправильного соединения следователем нескольких дел в одном следственном производстве (ст. 120 Проц. Кодекса), суд при рассмотрении вопроса о предании суду, обязан разделить дела, неправильно соединенные.

Ст. 249. Утвержденное судом обвинительное заключение сообщается под расписку в копии каждому из подсудимых не позднее, как за 3 суток до дня, назначенного для слушания дела; по делам, где предварительное следствие не производится, но имеется предложение прокурора о предании суду (ст. 227 Проц. Кодекса), таковое равным образом подлежит вручению обвиняемым. По делам, где нет предложения прокурора, обвинительное заключение заменяет повестка Народного Суда с указанием в ней сущности обвинения (ст. 237 Проц. Кодекса).

Ст. 250. При вручении копии обвинительного заключения подсудимому должно быть объявлено, что он имеет право избрать себе защитника или иметь такового по назначению, а также должен быть опрошен подсудимый, желает ли он дополнить списки свидетелей и экспертов, вызываемых в судебное заседание и истребовать какие-либо другие доказательства или предъявить новые ходатайства. Последние подлежат рассмотрению непосредственно на судебном заседании, или в особо созванном для сего распорядительном заседании, в зависимости от их содержания и степени их важности по обстоятельствам дела.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПРОИЗВОДСТВО В НАРОДНОМ СУДЕ

Глава XXI. ЕДИНОЛИЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАРОДНОГО СУДЬИ

Ст. 251. Народный судья разрешает единоличным своим постановлением следующие вопросы:

1) О передаче дела, подсудного народному суду с участием двух народных заседателей, народному суду с 6 заседателями.

2) О производстве предварительного следствия по делам, где таковое не является обязательным.

3) О производстве дознания по делам, не требующим предварительного следствия.

4) О предании обвиняемого суду по делам, поступившим непосредственно в народный Суд (ст. 237 Проц. Кодекса).

5) Об утверждении или усилении меры пресечения, принятого органами дознания.

6) О возбуждении уголовного преследования.

Ст. 252. Все другие вопросы, подлежащие разрешению народного суда, вне судебного заседания, рассматриваются в распорядительном заседании народного суда в составе председательствующего народного судьи и двух народных заседателей.

Народный судья вправе передавать на рассмотрение распорядительного заседания все вопросы, предоставленные его единоличному разрешению.

Ст. 253. По поступлении дела от органов дознания (ст. 107 Проц. Кодекса) или от прокурора (ст. 227 Проц. Кодекса), народный судья вносит дело в судебное заседание для рассмотрения по существу.

Ст. 254. Народный судья назначает день слушания дела, делает распоряжение о вызове в судебное заседание сторон и представителей их интересов, свидетелей, экспертов. По делам, где участие защитника является обязательным, народный судья принимает меры к назначению защитника через подлежащие учреждения, если подсудимым не избран защитник по соглашению.

Ст. 255. Для двух и более подсудимых по одному и тому же делу может быть назначен один защитник лишь в том случае, когда защита одного из них не противоречит защите другого; в противном случае для каждого подсудимого должен быть назначен особый защитник.

Ст. 256. Одновременно с назначением или с допущением защитника, народный судья разрешает ему объясниться с подсудимым, находящимся под стражей.

Подсудимый и его защитник, с момента его назначения или допущения, имеют право знакомиться с делом и выписывать из него нужные им сведения.

Ст. 257. Стороны, заявляя ходатайство о вызове свидетелей и экспертов и об истребовании других доказательств, должны указать, в разъяснение каких обстоятельств вызываются свидетели и эксперты и требуются другие доказательства. Ходатайства сторон должны быть удовлетворены, если обстоятельства, подлежащие выяснению, могут иметь значение для дела (ст. 115 Проц. Кодекса). В тех случаях, когда ходатайство стороны будет отклонено, основания отказа должны быть изложены в мотивированном определении суда.

Ст. 258. Народный суд, признав, что обстоятельства, о разъяснении которых ходатайствуют стороны, могут иметь значение для дела, не вправе отказать в вызове свидетелей и экспертов и в истребовании других доказательств на том лишь основании, что дело достаточно уже выяснено. Равным образом народный Суд не вправе ограничивать число свидетелей, вызываемых сторонами, или избирать из указанных сторонами свидетелей и экспертов тех или иных лиц для вызова в судебное заседание.

Ст. 259. Правила, изложенные в ст. ст. 257 и 258 Проц. Кодекса, относятся как к делам, по которым производилось предварительное следствие, так и ко всем другим делам, находящимся в производстве народного суда.

Ст. 260. По делам, по которым не производилось предварительное следствие или дознание и не состоялось предание суду прокурором (ст. 227 Проц. Кодекса), народный судья вправе, ранее назначения дела к слушанию, вызвать обвиняемого и разъяснить ему сущность предъявляемого обвинения, опросить обвиняемого, ходатайствует ли

он о вызове свидетелей и экспертов и об истребовании других доказательств.

Опрос обвиняемого и сделанные им заявления заносятся в протокол. Ходатайства, заявленные обвинением, рассматриваются и разрешаются порядком, указанным в ст. ст. 257 и 258 Проц. Кодекса.

Глава XXII. О СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Ст. 261. Председательствующий в судебном заседании народный судья управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношение к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины.

В случае возражения какой-либо из сторон против действий председателя, стесняющих или нарушающих ее права, означенные возражения подлежат обязательному занесению в протокол.

Ст. 262. Судебное заседание по каждому делу должно происходить непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение в перерыве других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускается.

Ст. 263. В случае нарушения подсудимым порядка заседания, а также при неподчинении подсудимого распоряжениям председателя, последний предупреждает подсудимого о том, что при повторении означенных действий он будет удален из зала заседания. При безуспешности такого предупреждения, подсудимый, по определению суда, может быть удален из зала заседания, после чего дело продолжается слушанием. Постановленный приговор немедленно по его вынесении объявляется подсудимому.

Ст. 264. При неисполнении распоряжений председателя прокурором или лицом, принадлежащим к составу коллегии защитников, суд сообщает об этом подлежащим учреждениям прокуратуры или защите на предмет возбуждения дисциплинарного преследования. В случае дальнейшего неподчинения указанных лиц распоряжениям председателя, слушание дела по определению суда может быть отложено, если не представляется возможным без ущерба для дела заменить удаленное лицо другим, причем суд входит в обсуждение вопроса о соответствующих мерах воздействия в отношении к указанным лицам.

Ст. 265. При неподчинении распоряжениям председателя участвующих в деле лиц, кроме лиц, указанных в предшествующей (264) статье, а также посторонними лицами, председатель вправе сделать

распоряжение об удалении этих лиц из зала судебного заседания. Кроме того, на означенных лиц может быть наложено взыскание в виде штрафа или ареста сроком до 2 недель.

Ст. 266. В назначенное для слушания дела время председатель, удостоверившись, что судьи и секретарь находятся на лицо, открывает заседание, объявляет, какое дело подлежит рассмотрению и делает распоряжение ввести подсудимого.

Ст. 267. Подсудимый, находящийся на свободе, может быть взят под стражу при открытии судебного заседания или в течение такового лишь в том случае, если суд мотивированным определением признает необходимым избрать в виде меры пресечения заключение его под стражу.

Ст. 268. Председатель удостоверяет в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения или предложения прокурора о предании суду.

Ст. 269. По делам о преступлениях, за которые назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 6 месяцев, а также по делам, рассматриваемым народным судом с участием 6-ти народных заседателей, явка подсудимого обязательна и слушание дела в отсутствие подсудимого допускается лишь:

1) при прямо выраженном согласии подсудимого;

2) если доказано, что подсудимый уклонился от вручения повестки о вызове в суд или скрывается от суда.

По остальным делам явка подсудимого необязательна. Суд праве, однако, признать явку подсудимого по обстоятельствам дела необходимой, о чем обязан в таком случае сделать указание в повестке при вызове в судебное заседание.

Ст. 270. При неявке подсудимого по делам, где явка не является обязательной, суд выслушивает заявление сторон относительно возможности слушать дело и выносит определение о слушании дела в отсутствии подсудимого или же об отложении дела, если присутствие подсудимого будет признано необходимым.

Ст. 271. При неявке подсудимого без уважительных причин по делам, где явка является обязательной, кроме случаев, указанных в п. п. 1, 2 ст. 269, а также по делам, где суд признал явку необходимой, — суд откладывает дело слушанием и возлагает на подсудимого судебные издержки по отложенному заседанию. Кроме того, суд вправе вынести определение о приводе подсудимого и об усилении меры пресечения или о назначении таковой, если ранее она не была принята. При назначении меры пресечения соблюдается правило ст. ст. 150 и 161 Проц. Кодекса.

Ст. 272. При неявке обвинителя или защитника и в случае невозможности заменить их другими лицами, причем в отношении защитника только с согласия на то обвиняемого, дело должно быть отложено слушанием, при этом в случае неявки без уважительной причины лиц, принадлежащих к составу прокуратуры или коллегии защитников, суд сообщает подлежащим учреждениям на предмет возбуждения дисциплинарного преследования.

Ст. 273. При неявке гражданского истца или представителя его интересов, гражданский иск устраняется от рассмотрения; в случае отложения дела потерпевший вправе предъявить вновь свой гражданский иск.

Ст. 274. При неявке потерпевшего или представителя его интересов по делам, где поддержание обвинения предоставлено потерпевшему (ст. 10 Проц. Кодекса), дело подлежит прекращению. Подсудимый, однако, вправе просить о рассмотрении дела по существу, в каковом случае рассмотрение дела является для суда обязательным.

Ст. 275. По установлении наличности сторон и представителей их интересов, председатель выясняет, кто из вызывавшихся свидетелей и экспертов явился в судебное заседание, и каковы причины неявки отсутствующих.

Если не все вызывавшиеся свидетели и эксперты окажутся на лицо, суд выслушивает объяснения сторон о возможности слушать дело и выносит определение о продолжении дела слушанием или об отложении дела.

Ст. 276. После разрешения вопроса о возможности слушать дело в отсутствии неявившихся свидетелей и экспертов суд опрашивает стороны об имеющихся у них ходатайствах о вызове новых свидетелей и экспертов, кроме тех, которые уже вызваны в судебное заседание, и об истребовании других доказательств или о приобщении таковых доказательств, имеющихся на руках у сторон.

Стороны, заявляя таковые ходатайства, обязаны указать, в разъяснение каких обстоятельств вызываются новые свидетели и эксперты и истребуются новые доказательства. Ходатайства эти разрешаются судом, согласно правилам ст. ст. 257 и 258 Проц. Кодекса, причем предварительно должны быть заслушаны заключения противной стороны. Разрешение заявленных сторонами на основании настоящей статьи ходатайств не ограничивает прав сторон на заявление тех же или иных ходатайств во все время судебного следствия в зависимости от хода его.

Ст. 277. В тех случаях, когда вызов новых свидетелей и экспертов или истребование других доказательств будет признано судом необходимым, суд вправе либо отложить дело слушанием, либо предоставить

сторонам право, без перерыва слушания дела, доставить свидетелей и экспертов и представить другие доказательства средствами сторон.

Разрешение ходатайств, заявленных сторонами, а равно и разрешение вопроса об отложении дела или о слушании его разрешается судом, независимо от того, заявлены ли эти ходатайства впервые в судебном заседании или ранее того, а также независимо от того, были ли эти ходатайства ранее уже отклонены в распорядительном заседании.

Ст. 278. По проверке наличности явившихся свидетелей председатель объясняет свидетелям о их обязанности показывать все им известное по делу, предупреждает их об ответственности за ложные показания, в чем отбирает у них подписку и делает распоряжение об удалении их из зала заседания в особое помещение и принимает меры к тому, чтобы они не входили в сношения между собой по делу, по которому они вызваны.

Ст. 279. Явившиеся в судебное заседание эксперты остаются в зале заседания, кроме тех случаев, когда суд по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон, признает необходимость удалить экспертов из зала заседания.

Ст. 280. Ранее начатия судебного следствия председатель разъясняет потерпевшему его право предъявления гражданского иска, если таковой ранее не был заявлен.

Ст. 281. Одновременно с этим председатель разъясняет подсудимому его право задавать вопросы свидетелям, экспертам и другим подсудимым и давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств в любой момент судебного следствия.

Примечание. Изложенные в настоящей статье права принадлежат подсудимому, независимо от того, имеется ли у него защитник или дело слушается без участия такового.

Ст. 282. По объяснении потерпевшему и подсудимому их прав, председатель объявляет сторонам состав суда по данному делу, разъясняет сторонам принадлежащее им право отвода и опрашивает их, заявляют ли они таковой отвод.

Ст. 283. Судебное следствие начинается чтением обвинительного заключения по делу. Если же предварительное следствие по делу не производилось, то судебное следствие начинается чтением постановления прокурора о предании суду или жалобы потерпевшего, или изложением председателем сущности предъявленного подсудимому обвинения.

Ст. 284. Затем председатель разъясняет подсудимому в понятных для последнего выражениях, сущность предъявленного обвинения и спрашивает, признает ли подсудимый правильным предъявленное ему обвинение и желает ли он немедленно давать показания.

Ст. 285. Суд выслушивает заявления сторон и выносит определение по вопросу о том, в каком порядке должно производиться исследование дела по судебному следствию; подлежат ли допросу ранее подсудимые или свидетели и в каком именно порядке подсудимые и свидетели должны быть допрошены.

Ст. 286. Если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон; однако, в случае требования кого-либо из судей или сторон, суд обязан произвести судебное следствие, несмотря на наличие признания подсудимого.

Если подсудимый не признает правильным предъявленное ему обвинение и желает дать показания по существу, — от суда зависит допустить таковые показания немедленно или перенести их к концу судебного следствия после допроса свидетелей. Последнее не лишает, однако, обвиняемого права давать объяснения по поводу показаний каждого отдельного свидетеля во время допроса последних по отдельным обстоятельствам дела, согласно требованиям ст. 281 Проц. Кодекса.

Ст. 287. Допрос подсудимого производится председателем и остальными судьями, а затем обвинителем, гражданским истцом, защитником и другими подсудимыми по тому же делу.

Примечание. Допрос подсудимого в отсутствие других подсудимых допускается только в исключительных случаях, если этого требуют интересы раскрытия истины.

Ст. 288. Свидетели допрашиваются порознь в отсутствии других еще недопрошенных свидетелей. Каждому свидетелю ранее допроса его по существу предлагаются вопросы для установления его самоличности и для определения его отношения к делу и сторонам.

Примечание. Участие в деле в качестве гражданского истца или в качестве лица, поддерживающего обвинение, не устраняет возможности допроса этих лиц в качестве свидетелей.

Ст. 289. Допрос начинается предложением свидетелю рассказать все, что ему лично известно по делу, избегая изложения сведений, источник которых им не может быть указан.

Ст. 290. По изложении свидетелем своего показания, председатель предлагает сторонам задавать вопросы свидетелю по тем пунктам, какие каждая из сторон найден нужным выяснить, при этом председатель вправе устранять вопросы, не имеющие отношения к делу.

При допросе свидетелей соблюдаются требования ст. 169 Проц. Кодекса.

Ст. 291. Вопросы предлагаются свидетелю сначала той стороной, по указанию которой он вызван, а затем остальными сторонами. Свидетель, вызванный по инициативе суда, допрашивается сначала обвинителем, а затем другими сторонами.

Ст. 292. Каждая сторона вправе предлагать свидетелю дополнительные вопросы в разъяснение или в дополнение ответов, данных на вопросы другой стороны.

Ст. 293. Председатель и члены суда могут задавать вопросы свидетелю как до так и по окончании допроса свидетеля сторонами в любой момент допроса.

Дальнейший допрос свидетелей в случае надобности производится порядком, указанным в статьях 288–292 Проц. Кодекса, впредь до исчерпания судом и сторонами всех вопросов.

Ст. 294. Каждый свидетель может быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку.

Ст. 295. Допрошенные свидетели не могут удалиться из суда до окончания судебного следствия без особого разрешения председателя. Председатель может разрешить допрошенным свидетелям удалиться из суда ранее окончания судебного следствия не иначе, как с согласия сторон.

Ст. 296. Свидетели при даче показаний могут иметь при себе письменные заметки в тех случаях, когда показания относятся к каким-либо вычислениям и другим данным, которые трудно удерживать в памяти.

Ст. 297. Свидетелям дозволяется прочтение имеющихся у них письменных документов, имеющих отношение к данному показанию; документы эти должны быть предъявлены сторонами и, по постановлению суда, могут быть приобщены к делу.

Ст. 298. В случае противоречия показаний данных подсудимым на судебном следствии или дознании, с показаниями, данными на предварительном следствии, эти последние, могут быть прочитаны по усмотрению суда или по требованию кого-либо из сторон.

Примечание. В случае отказа подсудимого на судебном следствии от дачи показания, подлежат прочтению показания, данные на предварительном следствии или на дознании.

Ст. 299. При слушании дела в отсутствии подсудимого или в случае смерти кого-либо из подсудимых, по усмотрению суда или по требованию кого-либо из сторон, может быть оглашено показание, данное отсутствующим или умершим подсудимым на предварительном следствии или на дознании.

Ст. 300. В случае запамятования каких-либо обстоятельств, а также при наличии противоречия показания, данного свидетелем на

судебном следствии, с показанием, данным на предварительном следствии или на дознании — могут быть прочитаны по усмотрению суда или по требованию кого-либо из сторон показания, данные свидетелем на предварительном следствии или на дознании.

Ст. 301. По усмотрению суда, а также в случае требования о том кого-либо из сторон, может быть оглашено показание, данное на предварительном следствии или на дознании неявившимся свидетелем, вызывавшимся в судебное заседание.

Примечание. Прочтение показаний свидетелей, не вызывавшихся в судебное заседание, допускается только по особому определению суда.

Ст. 302. Допрос экспертов производится с соблюдением правил, изложенных в статьях 174–176 Проц. Кодекса.

Заключение, данное экспертами, после его устного изложения должно быть представлено затем экспертами в письменном виде и приобщено к делу.

Ст. 303. Осмотр вещественных доказательств и оглашение письменных документов, может иметь место как по инициативе суда, так и по ходатайству сторон в любой момент судебного следствия, в зависимости от хода его.

Ст. 304. В случае признания экспертизы недостаточно ясной или неполной, а также в случае разногласия между экспертами, суд по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон, может назначить производство новой экспертизы, пригласив для того новых экспертов. При этом в случае надобности, дело может быть отложено слушанием.

Ст. 305. В случае необходимости для производства осмотра выезда на место преступления, суд может поручить производство такового одному из членов суда, либо в назначенное для этого время выезжает туда в полном составе. По прибытии председатель открывает судебное заседание и производит осмотр, при чем стороны имеют право обращать внимание суда и требовать занесения в протокол всего того, на что считают необходимым обратить внимание суда.

Ст. 306. Суд, признав, что дело недостаточно выяснено, и что могут быть собраны новые доказательства, вправе, по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон, отложить дело слушанием и потребовать новые доказательства или же направить дело к следователю или органам дознания для дополнительного расследования. В этом последнем случае дело, по окончании дополнительного расследования должно быть ранее слушания по существу, направлено для предания обвиняемого суду в порядке, предусмотренном XX и XXI главами Проц. Кодекса.

Ст. 307. По рассмотрении всех имеющихся в деле доказательств, председатель опрашивает стороны, имеют ли они чем-либо дополнить судебное следствие, а затем обсудив и удовлетворив или отказав в возбужденных ходатайствах, объявляет судебное следствие законченным.

Ст. 308. По окончании судебного следствия суд переходит к выслушанию прений сторон. Прения состоят из речей: сначала обвинителя, гражданского истца, а затем защитника или самого подсудимого, если защитника не имеется.

Ст. 309. Стороны во время прений не вправе представлять новые доказательства, не бывшие предметом рассмотрения на судебном следствии. В случае необходимости предъявления новых доказательств, стороны могут ходатайствовать о возобновлении судебного следствия, каковое ходатайство разрешается судом в зависимости от обстоятельства дела.

Ст. 310. Обвинитель вправе отказаться от обвинения, если придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного обвинения. Отказ обвинителя от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать дело слушанием и разрешить на общем основании вопрос о правильности предъявленного обвинения и ответственности подсудимого.

Ст. 311. По окончании прений стороны могут обменяться еще один раз репликами. Право последней речи всегда принадлежит защитнику или подсудимому, если защитника не имеется.

Ст. 312. Председатель останавливает стороны в тех случаях, когда они в речах выходят за пределы рассматриваемого дела, при этом председатель не вправе однако ограничивать продолжительность речей сторон определенным временем.

Ст. 313. После последней речи защитника председатель объявляет прения сторон законченными и предоставляет подсудимому последнее слово, после чего суд удаляется для вынесения приговора. Во время последнего слова не могут задаваться подсудимому вопросы судом и сторонами.

Примечание. В случае, если в последнем слове подсудимый раскрывает новые обстоятельства, существенные для дела — суд вправе как по своей инициативе, так и по ходатайству сторон возобновить судебное следствие в порядке ст. 309 Проц. Кодекса.

Ст. 314. По окончании прений, но до удаления суда в совещательную комнату стороны вправе представить суду в письменном виде предлагаемую ими формулировку обвинения, в зависимости от данных судебного следствия. Предлагаемая новая формулировка не имеет обязательной силы для суда, действующего в этих случаях по правилам гл. XXIII Проц. Кодекса.

Глава XXIII. ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОБВИНЕНИЯ И О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУДУ НОВЫХ ЛИЦ

Ст. 315. Рассмотрение дела в судебном заседании производится лишь в отношении лиц, до открытия судебного заседания преданных суду и притом лишь в отношении первоначально предъявленного им обвинения. В случае необходимости дополнить или изменить первоначальное обвинение, а также в случаях привлечения к суду лиц, соблюдаются нижеследующие правила.

Ст. 316. Суд, обнаружив во время судебного заседания совершение подсудимым, кроме преступного деяния, составляющего предмет рассматриваемого дела, еще и другого преступления, несвязанного с первоначальным, выделяет дело по новому обвинению для расследования и рассмотрения в общем порядке и продолжает дело слушанием.

Если новое обвинение находится в тесной связи с обвинением первоначальным и отдельное рассмотрение последнего не предоставляется возможным, суд приостанавливает слушание дела и направляет все дело для расследования, предания суду и рассмотрения в общем порядке с самого начала.

Ст. 317. В тех случаях, когда судом обнаружены будут во время судебного заседания новые обстоятельства, требующие изменения первоначальной формулировки обвинения, и изменение это влечет за собой более тяжкое наказание, суд в случае ходатайства о том какой-либо из сторон приостанавливает слушание дела и направляет дело для расследования, предания суду и рассмотрения в общем порядке. В тех случаях, когда изменение первоначального обвинения, не влечет за собой более тяжкого наказания, суд продолжает слушание дела и выносит приговор по новой формулировке обвинения.

Ст. 318. Суд, усмотрев в показаниях кого-либо из допрошенных свидетелей наличность лжесвидетельства, заносит в протокол, по возможности дословно, показания этого свидетеля и заслушав заключение прокурора, если он участвует в деле, выносит мотивированное определение о привлечении свидетеля к ответственности, о чем и объявляет свидетелю и направляет дело для расследования, предания суду и рассмотрения отдельно от данного дела в общем порядке. При этом суд вправе принять меры пресечения в отношении свидетеля, привлеченного к ответственности.

Ст. 319. Суд, усмотрев во время судебного заседания наличность указаний на совершение преступления кем-либо из лиц, не привлеченных к делу в качестве подсудимых, заслушивает заключение прокурора, если таковой участвует в деле, и выносит мотивированное определение

о привлечении данного лица к ответственности, после чего направляет дело для расследования, предания суду и рассмотрения отдельно от данного дела в общем порядке, о чем и объявляет привлеченному к ответственности лицу. При этом суд вправе принять меры пресечения в отношении лица, привлеченного к ответственности.

Ст. 320. В тех случаях, когда вновь предъявленное обвинение находится в тесной связи с обвинением, предъявленным подсудимым по данному делу и отдельное рассмотрение этих обвинений не представляется возможным, суд приостанавливает слушанием дело и направляет все дело как о наличных подсудимых, так и о вновь привлеченном лице для рассмотрения, предания суду и рассмотрения в общем порядке.

Глава XXIV. ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА

Ст. 321. Во время совещания и постановки приговора в совещательной комнате могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному делу; присутствие в совещательной комнате во время совещания запасных судей, а равно секретаря судебного заседания и иных лиц не допускается.

Ст. 322. Судьи во время совещания и постановки приговора не вправе читать имеющиеся в деле и не оглашавшиеся во время судебного следствия показания свидетелей и экспертов и другие документы. Равным образом судьи не вправе рассматривать вещественные доказательства, которые не были предъявлены сторонами во время судебного следствия.

Ст. 323. Суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании.

Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Ст. 324. При постановке приговора суд должен разрешить следующие вопросы:

1) Имело ли место деяние, приписываемое подсудимому.

2) Содержит ли в себе это деяние состав преступления.

3) Совершил ли означенное деяние подсудимый.

4) Подлежит ли подсудимый наказанию за учиненное им деяние.

5) Какое именно наказание должно быть назначено подсудимому и подлежит ли оно отбытию подсудимым.

6) Подлежит ли удовлетворению заявленный гражданский иск, а если иск заявлен не был, то надлежит ли принять меры обеспечения могущего быть заявленным гражданского иска.

7) Как поступить с вещественными доказательствами.

8) На кого должны быть возложены судебные издержки.

Ст. 325. В тех случаях, когда во время предварительного и судебного следствия возникал вопрос о вменяемости подсудимого, суд сверх того обязан при постановке приговора поставить на свое разрешение вопрос о вменяемости подсудимого, хотя бы вопрос этот в распорядительном заседании суда был уже однажды разрешен в порядке правил главы XVI Проц. Кодекса.

Ст. 326. Если судом будет признано, что подсудимый во время совершения приписываемого ему деяния находился в невменяемом состоянии, то суд выносит определение о прекращении дела, причем входит в обсуждение вопроса о необходимости принятия по отношению к подсудимому мер социальной защиты.

Если судом будет признано, что подсудимый впал в болезненное расстройство душевной деятельности после совершения приписываемого ему деяния, то суд выносит определение о приостановлении дела впредь до выздоровления подсудимого или о прекращении дела производством, если болезнь признана неизлечимой.

Ст. 327. Председатель ставит на разрешение суда вопросы в порядке, указанном в статье 324 Проц. Кодекса, при чем должен ставить каждый вопрос в такой форме, чтобы по нему могло быть лишь два ответа.

Ст. 328. Постановке приговора предшествует совещание судей, руководимое председателем. При вынесении решения по каждому отдельному вопросу никто из судей не вправе воздерживаться от подачи голоса. Председатель подает свой голос последним.

Ст. 329. Все вопросы решаются простым большинством голосов. Судья, оставшийся в меньшинстве, вправе изложить в письменном виде свое особое мнение, которое приобщается к приговору, но оглашению не подлежит.

Если во время обсуждения в совещательной комнате суд признает необходимым выяснить какое-либо обстоятельство путем передопроса свидетелей или иного судебного действия, то он, не постановляя приговора, возобновляет судебное следствие по делу, предоставляя сторонам и подсудимому дать дополнительное объяснение по поводу вновь произведенных действий.

Ст. 330. Суд выносит приговор:

1) об оправдании подсудимого в тех случаях, когда недоказано событие преступления, ему приписываемого, или недоказано участие подсудимого в совершении преступления, или когда деяние, учиненное подсудимым, не содержит в себе состава преступления;

2) об освобождении подсудимого, признанного виновным, от наказания по амнистии или давности;

3) о назначении подсудимому наказания.

В случаях, когда суд по внутреннему своему убеждению, основанному на обстоятельствах дела, признает справедливым не подвергать подсудимого наказанию, он может, изложив основания своего постановления, войти с ходатайством в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об освобождении осужденного от наказания.

Ст. 331. В отношении заявленного гражданского иска суд:

1) постановляет об оставлении иска без рассмотрения, если подсудимый оправдан за отсутствием в его деянии состава преступления;

2) постановляет об отказе в иске при оправдании подсудимого в виду недоказанности события преступления;

3) удовлетворяет иск или отказывает в нем во всех остальных случаях в зависимости от доказанности оснований и размеров иска.

Ст. 332. При оставлении гражданского иска без рассмотрения, потерпевший справе вновь предъявить свой иск в порядке гражданского судопроизводства. Если при разборе уголовного дела отказано в гражданском иске, вторичное предъявление того же иска в порядке гражданского судопроизводства не допускается.

Ст. 333. В случае необходимости произвести подробный расчет по гражданскому иску или необходимости собрать в отношении последнего дополнительные сведения, суд вправе признать право на удовлетворение иска и передать его в народный суд для определения, в порядке гражданского судопроизводства, размеров его удовлетворения.

Ст. 334. Если гражданский иск не был предъявлен, суд, усмотрев, что потерпевшему причинены вред и убытки, вправе при вынесении обвинительного приговора постановить о принятии мер обеспечения будущего гражданского иска.

Ст. 335. Вещи, добытые преступным деянием и не являющиеся вещественными доказательствами по делу, возвращаются их владельцу, хотя бы последний не предъявлял гражданского иска. В случае спора о праве на означенные вещи, спор этот подлежит разрешению в исковом порядке, причем вещи не выдаются до вступления в законную силу решения, вынесенного в порядке гражданского судопроизводства.

В отношении вещественных доказательств, суд при вынесении приговора руководится правилами, изложенными в ст. 73 Проц. Кодекса.

Ст. 336. В отношении судебных издержек, суд при вынесении приговора руководится правилами, изложенными в ст. ст. 94 и 95 Проц. Кодекса. В приговоре суд ограничивается указанием, на кого должны

быть возложены судебные издержки; подробный же расчет таковых для определения сумм, падающих на каждое лицо в отдельности, производится судом в распорядительном заседании.

Ст. 337. По разрешении всех вопросов, суд переходит к составлению приговора.

Приговор должен состоять из описательной и резолютивной части.

Ст. 338. Описательная часть приговора должна содержать в себе формулировку обвинения, в котором подсудимый оправдан или которое признано доказанным, с указанием имени, отчества, фамилии и прозвища подсудимого, его возраста, классовой принадлежности и социального положения; личности потерпевшего, места, времени и способа совершения преступления и других отличительных признаков, какие по обстоятельствам дела могут иметь место.

Равным образом в описательной части приговора должны быть изложены добытые судебные следствием данные, положенные судом в основу выносимого приговора.

Резолютивная часть приговора должна содержать в себе указание на личность подсудимого, на оправдание его или на признание предъявленного обвинения доказанным и на избранное судом наказание.

Ст. 339. Наказание должно быть обозначено таким образом, чтобы не возникало, при исполнении приговора, никаких сомнений относительно рода и размеров наказания назначенного судом.

В тех случаях, когда суд признает необходимым назначить смягченное наказание, в приговоре должны быть указаны основное наказание, основания смягчения и род и размер того наказания, которое в конечном итоге избрано судом.

В тех случаях, когда подсудимый осужден за несколько преступлений, в приговоре должны быть указаны наказания, назначенные судом за каждое преступление в отдельности и то наказание, которое в конечном итоге избрано судом.

Если подсудимому предъявлено несколько обвинений и они признаны доказанными лишь в части их, в приговоре должно быть точно указано, по какому именно обвинению подсудимый оправдан и по какому осужден.

Ст. 340. Приговор должен содержать в себе, после изложения резолютивной части, указание на порядок и срок обжалования.

Ст. 341. Приговор должен быть написан рукой одного из судей и подписан всеми судьями, участвовавшими в его вынесении.

Ст. 342. Приговоры провозглашаются именем РСФСР.

Ст. 343. После подписания приговора, суд возвращается в зал заседания, где председатель прочитывает во всеуслышание приговор. Все находящиеся в зале заседания лица выслушивают приговор стоя.

Ст. 344. При вынесении приговора оправдательного или освобождающего подсудимого от наказания председатель немедленно после провозглашения приговора объявляет подсудимого свободным по данному делу; мера пресечения, принятая против подсудимого по данному делу, немедленно отменяется.

Ст. 345. При вынесении приговора, присуждающего подсудимого к наказанию, суд обязан обсудить вопрос о мере пресечения и вправе на время до вступления приговора в законную силу изменить ранее принятую меру пресечения или назначить таковую, если ранее она назначена не была; при этом соблюдаются правила ст. ст. 150 и 161 Проц. Кодекса.

Ст. 346. Приговор, присуждающий подсудимого к наказанию, приводится в исполнение лишь по вступлении в законную силу. Приговор признается вступившим в законную силу по истечении срока, установленного для обжалования, если жалоба принесена не была; в случае же принесения жалобы приговор вступает в законную силу в день оставления жалобы без последствий судом II-й инстанции.

В тех случаях, когда жалоба принесена лишь в части приговора, приговор в остальной части считается вступившим в законную силу в день истечения срока, установленного для обжалования.

Ст. 347. Срок отбытия наказания в виде лишения свободы исчисляется со дня приведения приговора в исполнение. В тех случаях, когда подсудимый при вынесении приговора был заключен под стражу или находился под стражей в порядке предварительного заключения, срок отбытия наказания считается со дня заключения подсудимого под стражу.

Глава XXV. ОБЖАЛОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ И ПРИГОВОРОВ НАРОДНОГО СУДА

Ст. 348. Жалобы на приговоры и определения народного суда приносятся в совет народных судей, в районе которого находится данный народных суд, и подаются в этот последний.

Жалобы, поданные с пропуском срока, возвращаются народным судом жалобщику; жалобы, поданные своевременно, народный суд в течение трех суток обязан препроводить в совет народных судей.

Подача жалобы в срок непосредственно в совет народных судей не является препятствием к рассмотрению жалобы этим последним.

Ст. 349. В случае пропуска срока обжалования по уважительным причинам, жалобщик может ходатайствовать перед тем же судом

о восстановлении срока. Эти ходатайства рассматриваются судом в распорядительном заседании и определения суда могут быть обжалуемы в совет народных судей в общем порядке.

Ст. 350. Все жалобы на приговор и определения народного суда и на постановления народного судьи приносятся в Совет Народный Судей в течение 14 суток со дня вынесения обжалуемого приговора или определения народного суда, или постановления народного судьи.

Подача жалобы на приговор приостанавливает приведение в исполнение обжалуемого приговора. Подача жалобы на всякое иное определение народного суда или постановление народного судьи приостанавливает приведение в исполнение обжалуемого определения на постановление лишь в тех случаях, когда народным судом или народным судьей это будет признано необходимым по обстоятельствам дела.

Ст. 351. Определения народного суда о наложении взысканий в порядке ст. 265 Проц. Кодекса и определения народного суда о принятии меры пресечения в случаях, предусмотренных ст. ст. 271 и 345 Проц. Кодекса, являются окончательными и обжалованию не подлежат.

Ст. 352. Свидетели, эксперты и переводчики, подвергшиеся по определению народного суда взысканию за неявку, представляют свои ходатайства об освобождении от взыскания и объяснения причин неявки в тот же народный суд. Ходатайства эти рассматриваются судом в распорядительном заседании; определение, вынесенное судом, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Ст. 353. Жалобы на приговор народного суда могут быть принесены каждой из заинтересованных сторон исключительно лишь по поводу формального нарушения прав и интересов данной стороны при производстве по делу или рассмотрении дела на суде и именуются кассационными жалобами и не могут касаться существа приговора. Все остальные жалобы, приносимые на определение народного суда и постановления народного судьи, именуются частыми жалобами. Жалобы, приносимые прокурором, именуются кассационными протестами. Прокурор вправе приносить кассационные протесты и по поводу нарушения прав и интересов всех участвующих в процессе сторон.

Ст. 354. Обжалование жалобщиком существа приговора сверх указаний на имевшее место на суде при рассмотрении дела нарушение законов или даже обжалование существа без указания на формальные нарушения, не освобождает совет народных судей от обязанностей рассмотреть жалобу и все производство по делу в ревизионном порядке. Сама жалоба в этих случаях приобщается к делу, и все производство имеет место, согласно правилам ст. 373–374 Проц. Кодекса о производстве в порядке надзора, с вызовом или без вызова сторон.

Глава XXVI. ПРОИЗВОДСТВО В СОВЕТЕ НАРОДНЫХ СУДЕЙ

I. Производство по кассационным жалобам и протестам

Ст. 355. Рассмотрение кассационных жалоб и протестов производится советом народных судей в судебном заседании. К слушанию дела должны быть вызваны стороны; нерозыск стороны, а также неявка стороны, получившей своевременно повестку, не останавливает рассмотрения дела.

Ст. 356. Рассмотрение дела и вынесение определения производится советом народных судей применительно к правилам, изложенным в главах XXII и XXIV Проц. Кодекса. Слушание дела начинается докладом одного из судей, после чего стороны, если они участвуют в заседании, дают объяснения, при чем первое слово предоставляется стороне, принесшей жалобу или протест. После дачи объяснений сторонами совет народных судей выслушивает заключение прокурора и предоставляет последнее слова подсудимому или его защитнику.

Примечание. Стороны вправе подавать дополнительные кассационные жалобы и протесты и письменные объяснения на них до дачи прокурором заключения по делу.

Ст. 357. Совет народных судей рассматривает вопрос об отмене или изменении приговора лишь при наличии кассационной жалобы или протеста. При наличии в деле нескольких подсудимых, если приговор был обжалован или опротестован лишь в отношении некоторых из них, совет народных судей рассматривает дело лишь в отношении этих последних подсудимых. Изъятия из этого правила допускаются лишь в случаях, предусмотренных ст. 368 Проц. Кодекса.

Ст. 358. Независимо от рассмотрения поводов к обжалованию приговоров, указанных в кассационных жалобах и протестах, совет народных судей обязан всякий раз осмотреть все производство по делу в ревизионном порядке и, в случае обнаружения нарушений законов, влекущих за собой отмену приговора, отменяет таковой и направляет дело для нового рассмотрения. При отмене приговора соблюдаются правила ст. ст. 368, 370 и 378 Проц. Кодекса.

Ст. 359. Основаниями к отмене приговоров в кассационном порядке являются:

1) Недостаточность и неправильность проведенного следствия.

2) Существенное нарушение форм судопроизводства.

3) Нарушение или неправильное применение закона.

4) Явная несправедливость приговора.

Ст. 360. Недостаточным и неправильно проведенным признается следствие, которое либо проведено не полно, т.е. таким образом, что остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор, либо проведено неправильно, т.е. таким образом, что не подвергались обследованию и выяснению возможные действительные причины, обстоятельства и виновные в совершении преступления, коих подлежало выяснить.

Ст. 361. Существенными нарушениями форм судопроизводства признаются нарушения статей настоящего Проц. Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного приговора.

Приговор во всяком случае подлежит отмене:

1) при неправильном составе суда;

2) в случае непрекращения дела судом при наличии условий, обязательно влекущих прекращение (ст. 4 Проц. Кодекса);

3) при рассмотрении дела в отсутствии подсудимого, когда такое рассмотрение по закону не допускается;

4) в случае рассмотрения без участия защитника дела, в котором участие защитника является обязательным.

Ст. 362. Нарушением или неправильным применением закона является:

1) неприменение судом закона, который подлежал применению;

2) применение закона, не подлежащего применению;

3) неправильное истолкование закона, противоречащее его точному смыслу или общему характеру;

4) применение узаконений и распоряжений, изданных не надлежащими инстанциями или не в надлежащем порядке, или же нарушающих постановления центральной власти.

Отмена приговора во всех этих случаях может последовать только, если допущенная судом ошибка повлекла за собой постановление иного наказания, нежели то, которое должно быть определено судом при надлежащем применении закона.

Ст. 363. Приговор признается явно несправедливым:

1) когда он, не находя себе никакого подтверждения в данных судебного следствия, является совершенно голословным, и

2) когда назначенное судом наказание, хотя и не выходит за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствует содеянному.

Ст. 364. В случае осуждения народным судом подсудимого за деяние, не содержащее в себе состава преступления, а также в случае неприкращения дела судом при наличии поводов к прекращению (ст. 4 Проц. Кодекса), совет народных судей, отменяя приговор народного суда, прекращает дело производством, не передавая его в народный суд на новое рассмотрение.

Ст. 365. В случае нарушения народным судом правил о подсудности, Совет Народных Судей, отменяя приговор Народного Суда, передает дело по надлежащей подсудности.

В случае если судом вынесен по неподсудному ему делу приговор, не возбуждающий сомнений в его правильности и без превышения компетенции соответствующего суда, совет народных судей вправе не отменять приговор, а ограничиться соответствующим указанием в порядке надзора на неправильность действий соответствующему суду.

Ст. 366. Во всех остальных случаях отмены приговора совет народных судей, отменяя приговор народного суда, передает дело для нового рассмотрения в другой народный суд или в тот же народный суд, в ином составе судей.

Совет народных судей вправе, не передавая дела для нового рассмотрения, сократить или смягчить наказание в порядке применения соответствующего акта амнистии, если таковая не была применена или была применена неправильно.

Ст. 367. Определения, выносимые советом народных судей, должны содержать в себе, в случае отмены приговора, указание тех статей закона, которые признаны нарушенными, и указание того, в чем именно нарушение выразилось, и почему оно признано существенным. При отмене приговора по явной его несправедливости, в определении должно содержаться указание на те основания, по которым суд признал приговор явно несправедливым.

Кроме того, в определении должно быть указано, в какой стадии должно начаться новое производство по делу в народном суде.

Ст. 368. В случае отмены приговора в виду нарушений, указанных в п. 1 ст. 361 Проц. Кодекса, а также при отмене приговора по основаниям, указанным в ст. ст. 321 и 364 Проц. Кодекса, когда основание относится ко всем осужденным, совет народных судей отменяет приговор полностью в отношении всех осужденных подсудимых, в том числе и тех, в отношении которых приговор не был обжалован или опротестован.

Ст. 369. В случае передачи дела советом народных судей для нового рассмотрения, указания, сделанные советом народных судей, обязательны по данному делу для народного суда, вторично его рассматривающего.

Народный суд возобновляет производство по делу с той стадии процесса, какая указана в определении совета народных судей об отмене первоначального приговора.

Ст. 370. Если первоначальный приговор был отменен по жалобе осужденного, то при вторичном рассмотрении дела не может быть назначено более тяжкое наказание, нежели то, которое было избрано судом при первом рассмотрении дела.

Ст. 371. Приговор, постановленный народным судом при вторичном рассмотрении, может быть обжалован на общем основании.

Ст. 372. Определения совета народных судей могут быть обжалованы сторонами в порядке высшего судебного контроля в Народный Комиссариат Юстиции.

Подание жалобы не останавливает приведения в исполнение определения.

II. Производство в порядке надзора

Ст. 373. Председателю совета народных судей, губернскому прокурору и прокурору, состоящему при совете народных судей, принадлежит право истребования производства по любому делу и любой стадии процесса для осмотра его в порядке надзора. Народному суду надлежит, по получении требования о высылке дела для осмотра, препроводить таковое в совет народных судей или прокурору, приостановив по нему производство. В тех случаях, когда по данному делу уже происходит судебное заседание, отсылка дела допускается лишь после вынесения приговора.

Ст. 374. Дело, по получении его из народного суда, поступает к прокурору, состоящему при совете народных судей, который, если не усмотрит в производстве никаких нарушений, докладывает о том председателю Совета Народных Судей и в случае его на то согласия, производство в порядке надзора прекращается. При несогласии председателя, а равно во всех случаях, если прокурор усмотрит существенные нарушения, он направляет дело с своим заключением в Президиум совета народный судей, от которого будет зависеть либо постановить о дальнейшем направлении дела с преподанием народному суду соответствующих указаний, в случае же, когда приговор по делу уже вынесен, постановить о направлении дела в Народный Комиссариат Юстиции в порядке высшего судебного контроля.

Истребование дела по вышеизложенным основаниям не ограничено никакими сроками.

III. Производство по частным жалобам

Ст. 375. Частные жалобы рассматриваются советом народных судей в судебном заседании без вызова сторон, но последние, если они явятся в заседание, должны быть допущены к даче объяснений.

Ст. 376. Рассмотрение дела и вынесение определения производится советом народных судей применительно к правилам, изложенным в главах XXII и XXIV Проц. Кодекса. Слушание дела начинается докладом одного из судей, после чего стороны, если они присутствуют, дают объяснения, при чем первое слово предоставляется стороне, принесшей жалобу. Затем суд выносит определение об оставлении частной жалобы без последствий или об отмене обжалованного определения народного суда.

Ст. 377. Совет народных судей рассматривает частные жалобы лишь в отношении тех лиц, которыми они были принесены.

Глава XXVII. ПРОИЗВОДСТВО ПО ВОЗОБНОВЛЕНИЮ ДЕЛ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Ст. 378. Возобновление дел, по которым состоялись вошедшие в законную силу приговоры народного суда, допускается:

1) если установлена подложность доказательств, на которых основан приговор;

2) при преступных злоупотреблениях со стороны судей, постановивших приговор;

3) если откроются новые обстоятельства, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или участие его в менее тяжком или более тяжелом преступлении, нежели то, за которое он был осужден. Новыми признаются такие обстоятельства, которые не могли быть известны суду при вынесении приговора.

Ст. 379. Пересмотр оправдательных приговоров допускается лишь в течение года со дня открытия новых обстоятельств, указанных в п. 3 предыдущей 378 ст. и не позже 5 лет со дня вступления приговора в законную силу.

Ст. 380. Преступные злоупотребления судей, а также лжесвидетельства и дача ложного заключения экспертом или подложность иных доказательств служат основанием к возобновлению дела лишь в том случае, когда обстоятельства эти установлены вошедшим в законную силу другим приговором суда.

Ст. 381. О возобновлении дела, по которому состоялся оправдательный приговор, может ходатайствовать лишь прокуратура. О пересмотре обвинительного приговора могут возбуждать ходатайства: прокуратура, осужденный, его защитник, его родственники и те профессиональные и общественные организации, в которых осужденный состоял или состоит.

Смерть осужденного не является препятствием к возобновлению о нем дела, по которому состоялся обвинительный приговор.

Ст. 382. Ходатайства о возобновлении дела направляются заинтересованными лицами и учреждениями к прокурору. Прокурор, получивший означенное ходатайство, а также по собственной инициативе, если признает нужным возбудить вопрос о возобновлении дела — производит необходимое расследование лично, или через органы дознания или органы предварительного следствия.

Ст. 383. По окончании расследования прокурор дает свое заключение и выдает копию заключения и актов расследования лицам и учреждениям, возбудившим ходатайство. Помимо того, прокурор, если признает необходимым возбудить вопрос о возобновлении дела, представляет акты расследования со своим заключением в порядке высшего судебного контроля в Народный Комиссариат Юстиции.

Ст. 384. Заинтересованные лица и учреждения обращаются с ходатайством о возобновлении дела в порядке высшего судебного контроля в Народный Комиссариат Юстиции, куда представляют полученные ими от прокурора копии актов расследования, а также и иные документы, служащие подтверждением возбужденного ходатайства.

Ст. 385. Народный Комиссариат Юстиции, рассмотрев в порядке высшего судебного контроля представленные документы и материалы, выносит мотивированное определение об отклонении или удовлетворении ходатайства о возобновлении дела.

Ст. 386. При удовлетворении ходатайства о возобновлении дела, Народный Комиссариат Юстиции в порядке высшего судебного контроля выносит определение об отмене первоначального постановленного приговора и о новом рассмотрении дела. В случае отмены приговора, по которому осужденный отбывает наказание, дальнейшее отбывание наказания приостанавливается до нового рассмотрения дела.

Ст. 387. При новом рассмотрении дела, народный суд рассматривает дело и постановляет приговор на общем основании. Постановленный при новом рассмотрении дела приговор может быть обжалован на общем основании в совет народных судей.

Глава XXVIII. ОСОБЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В НАРОДНОМ СУДЕ

I. О заочных приговорах

Ст. 388. Заочным является приговор, постановленный в отсутствии подсудимого. В отношении заочных приговоров соблюдаются нижеследующие правила, которые, однако, не относятся к случаям:

1) указанным в ст. 263 и пунктах 1 и 2 ст. 269 Проц. Кодекса;

2) когда подсудимый явился в суд после открытия судебного заседания, но до вынесения приговора и был допущен к даче объяснений;

3) когда подсудимый, находившийся при разборе дела, сам оставил зал заседания до провозглашения приговора.

Ст. 389. Копия заочного приговора должна быть послана подсудимому не позже трех суток со дня вынесения приговора; при этом подсудимому должно быть послано также уведомление о порядке и сроках обжалования и подачи просьбы о новом рассмотрении дела.

Ст. 390. Подсудимый вправе, в течение семи суток со дня вручения ему уведомления и копии приговора, подать просьбу о новом рассмотрении дела с указанием причин неявки.

Ст. 391. Народный судья в течение трех суток со дня получения просьбы подсудимого, обязан рассмотреть таковую; признавая причины неявки подсудимого неуважительными, народный судья оставляет просьбу о новом рассмотрении дела без последствий и уведомляет о том подсудимого. Означенное постановление народного судьи может быть обжаловано лишь совместно с обжалованием приговора.

Ст. 392. В течение семи суток со дня получения извещения об оставлении без последствий просьбы о новом рассмотрении дела, подсудимый вправе принести на общем основании кассационную жалобу в Совет Народных Судей на заочный приговор Народного суда.

Ст. 393. В случае признания причин неявки подсудимого уважительными, Народный суд удовлетворяет просьбу о новом рассмотрении дела и назначает дело к слушанию в судебном заседании с вызовом сторон. Новое рассмотрение дела производится на общем основании.

Ст. 394. При новом рассмотрении дела народный суд выносит приговор, по объявлении которого первоначально постановленный приговор теряет силу. Вновь вынесенный приговор может быть обжалован на общем основании.

Ст. 395. В случае неявки подсудимого без уважительных причин к новому рассмотрению дела, таковое рассмотрение не производится и Народный суд выносит определение об оставлении в силе

постановленного заочно приговора. Приговор этот может быть обжалован в общем порядке в совет народных судей в течение 14-ти суток со дня вынесения народным судом означенного определения.

Ст. 396. Подсудимый, не подавший отзыва на заочный приговор, вправе принести на общем основании кассационную жалобу на заочный приговор в совет народных судей в течение 14-ти суток со дня вручения ему уведомления и копии заочного приговора.

II. О дежурных камерах народного суда

Ст. 397. Рассмотрение дел в дежурных камерах производится народным судьей с двумя народными заседателями. Рассмотрение в дежурных камерах дел, подсудных народному суду с участием шести народных заседателей, не допускается.

Ст. 398. В дежурные камеры направляются все те дела о задержанных обвиняемых, которые, по мнению органов, произведших задержание, не требуют особого расследования или по которым обвиняемые признали себя виновными. Одновременно с делом должны быть доставлены в дежурную камеру обвиняемый и вещественные по делу доказательства, а также по возможности свидетели.

Примечание. Назначение защитника по делам, рассматриваемым в дежурных камерах, не обязательно.

Ст. 399. Народный суд вправе принять дело к немедленному рассмотрению в дежурной камере лишь в том случае, если им признано будет, что имеющийся в деле материал является совершенно достаточным, и что дело вполне выяснено.

Ст. 400. Народный суд, признав немедленное рассмотрение дела в дежурной камере невозможным, выносит определение о направлении дела для дополнительного расследования и для рассмотрения в общем порядке. При этом народный суд должен рассмотреть вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого.

Ст. 401. Если при рассмотрении дела в дежурной камере подсудимый укажет, в опровержение предъявленного ему обвинения, на доказательства, которые не представляется возможным рассмотреть в том же заседании, слушание дела прерывается, и дело должно быть передано для рассмотрения в общем порядке. При этом народный суд должен рассмотреть вопрос о мере пресечения в отношении подсудимого.

Ст. 402. Рассмотрение дел в дежурных камерах производится по правилам, установленным для производства дел в Народном суде. Определение и приговоры народного суда, постановленные

в дежурных камерах, могут быть обжалованы в общем порядке в Совет Народных Судей.

III. Производство в особых сессиях народных судов

Ст. 403. Особые сессии народного суда рассматривают дела в судебном заседании в составе председателя и 2 или 6 народных заседателей. Председателем в особых сессиях является народный судья по назначению президиума совета народных судей.

Ст. 404. Предание суду, приготовительные к судебному заседанию действия, рассмотрение дела, вынесение приговора и возобновление дел в особых сессиях производятся, согласно правилам, установленным для производства дел в народном суде.

Ст. 405. Постановления председателя особой сессии, определения и приговоры особых сессий подлежат обжалованию на общем основании, установленном для постановлений народного судьи и определений и приговоров народного суда.

IV. О судебных приказах

Ст. 406. По делам о преступлениях, предусмотренных 1-й частью ст. 132 и ст. ст. 215–227 Угол. Кодекса, народный судья в случаях явной бесспорности нарушения постановляет приговор судебным приказом в порядке нижеследующих статей.

Ст. 407. Судебные приказы постановляются без вызова сторон; но обвинитель и подсудимый, явившиеся к разбору дела, должны быть допущены к даче объяснений в случае их о том просьбы.

Примечание. Судебные приказы не могут быть выносимы по делам, в которых к обвиняемому предъявлен гражданских иск.

Ст. 408. В судебном приказе должны быть указаны: имя, отчество и фамилия или прозвище осужденного; его возраст, совершенное им преступное деяние; место, время и способ совершения преступного деяния; статья Уг. Код., предусматривающая данное преступное деяние, и назначенное судьей наказание.

Ст. 409. Судебный приказ после его постановления вступает в силу немедленно и приводится в исполнение.

Ст. 410. Осужденный судебным приказом вправе в течение 3-х суток после получения его копии ходатайствовать о судебном рассмотрении дела. Осужденный не имеет такого права в тех случаях, когда судебный приказ бы постановлен по его ходатайству.

Ст. 411. Народный судья, получив в установленный срок ходатайство подсудимого о судебном разбирательстве дела, назначает день слушания дела и вызывает стороны. Рассмотрение дела производится в судебном заседании с участием двух народных заседателей на общем основании. При вынесении приговора народный суд не связан ранее постановленным судебным приказом ни по вопросу о виновности подсудимого ни по вопросу о размерах наказания.

С вынесением приговора в судебном заседании, ранее постановленный судебный приказ теряет силу.

Ст. 412. В случае неявки подсудимого и его защитника без уважительной причины в судебное заседание, народный суд выносит определение об оставлении в силе судебного приказа, который получает значение вступившего в законную силу приговора. Означенное определение народного суда может быть обжаловано в общем порядке.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Глава XXIX. ПРОИЗВОДСТВО В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРИБУНАЛАХ

I. Основные положения

Ст. 413. Производство в революционных трибуналах определяется правилами, установленными для производства дел в народных судах с изъятиями, определенными в нижеследующих статьях.

Ст. 414. Предъявление гражданских исков при рассмотрении дел революционными трибуналами не допускается. Революционный трибунал, усмотрев из дела, что преступлением причинены вред и убытки Республике или частным лицам, вправе при вынесении приговора, постановить о принятии мер обеспечения будущего гражданского иска (ст. 334 Проц. Кодекса).

Ст. 415. Допущение обвинения и защиты в судебном заседании по делам, рассматриваемым в революционных трибуналах, необязательно и разрешается каждый раз Ревтрибуналом в распорядительном заседании в зависимости от важности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела.

Трибунал обязан допустить или назначить защитника, если по делу допущен обвинитель.

Отказ подсудимого от защитника не препятствует допущению обвинителя.

Ст. 416. Революционный трибунал вправе не допустить к защите любое из формально правомочных на то лиц, если признает данное лицо несоответствующим для выступления по данному делу в зависимости от существа особого характера дела.

Ст. 417. Принятие революционными трибуналами к своему производству дел может иметь место исключительно на строгом основании правил о подсудности (ст. 28 Проц. Кодекса). Отступления от этих правил допускаются исключительно:

а) для революционных трибуналов всех категорий в тех случаях, когда в данном районе нет народного суда или трибунала той категории, которым подсудно данное дело;

б) для всех отделений трибунала в случае принятия ими к производству дел, подсудных продналоговому отделению; принятие однако продналоговым отделением дел, подсудных другим отделениям революционного трибунала, не допускается;

в) в точно определенных ниже случаях персональной подсудности отдельных категорий должностных лиц коллегиями Верховного Трибунала;

г) по особым постановлениям Президиума ВЦИК, Верховного Трибунала или Прокурора Республики о передаче на рассмотрение ревтрибунала дела, ему неподсудного.

II. О предварительном следствии

Ст. 418. По всем делам, поступающим на рассмотрение ревтрибуналов, производство предварительного следствия является обязательным. Однако, по делам о преступлениях продналоговых и некоторых воинских, предусмотренных ст. ст. 78, 80, 201–208, 211, 212 Угол. Кодекса, производство предварительного следствия не является обязательным и в этих случаях органы дознания направляют материалы дознания непосредственно в ревтрибунал, не представляя означенного материала на предварительное рассмотрение прокурора. Предварительное следствие по делам, подсудным ревтрибуналам, производится следователями, состоящими при ревтрибуналах под ближайшим наблюдением состоящего при ревтрибунале помощника губ. прокурора.

Ст. 419. Состоящий при революционных трибуналах следователь вправе, если признает производство предварительного следствия излишним в виду ясности дела или сознания обвиняемого придать актам дознания силу актов предварительного следствия и не производить такового, или же ограничиться производством отдельных следственных действий (ст. 111 Проц. Кодекса); в случае несогласия прокурора

с постановлением следователя, прокурор вправе предписать следователю производство полностью предварительного следствия или отдельных следственных действий.

Ст. 420. Постановления и распоряжения следователей, состоящих при трибуналах, по делам, находящимся в их производстве, обязательны для всех без исключения следственных и розыскных органов Республики. Следователи, состоящие при трибуналах, не связаны пределами своих участков и производят следственные действия на всей территории РСФСР по особым мандатам за подписями председателя трибунала и состоящего при революционном трибунале помощника прокурора.

Ст. 421. Районный народный следователь, получив дело, подсудное ревтрибуналу, сообщает о том прокурору, состоящему при соответствующем революционном трибунале. Прокурор по сношению с губернским прокурором либо оставляет дело в производстве у данного народного следователя, либо, найдя необходимым передать дело следователю, состоящему при революционном трибунале, командирует для производства предварительного следствия по данному делу одного из состоящих при революционном трибунале следователей. Одновременно с сим, прокурор извещает районного народного следователя об изъятии от него дела и предписывает ему передать дело подлежащему следователю, каковое требование является для районного следователя обязательным.

Ст. 422. Следователь, усмотрев из дела, подсудного революционному трибуналу, что потерпевшему причинены вред и убытки, обязан разъяснить потерпевшему его право возбудить иск в порядке гражданского судопроизводства. Признав необходимым принять меры обеспечения будущего гражданского иска, следователь входит о том с представлением в революционный трибунал, который разрешает в распорядительном заседании вопрос об обеспечении гражданского иска или об отклонении представления следователя.

III. Предание суду и подготовительные действия к судебному заседанию

Ст. 423. Все дела, подлежащие рассмотрению в судебном заседании революционных трибуналов, рассматриваются предварительно в распорядительном заседании по вопросу о прекращении дела или о предании обвиняемых суду, при чем при разрешении этих вопросов революционный трибунал обязан заслушать заключение прокурора. Дача прокурором заключения является не обязательной лишь по делам, по

которым предварительное следствие не производится (ст. 418 Проц. Кодекса).

Ст. 424. Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, определяется ревтрибуналом в распорядительном заседании. Революционный трибунал вправе не вызывать тех из допрошенных на предварительном следствии или на дознании свидетелей, показания которых не вызывают сомнения в своей достоверности. Свидетели, чьи показания имеют значение для дела и в то же время страдают существенной неполнотой или находятся в противоречии с показаниями других свидетелей или представляются запутанными, — подлежат обязательному вызову в судебное заседание.

Разрешение вопроса о вызове в судебное заседание экспертов производится также в распорядительном заседании революционного трибунала.

Ст. 425. Обвинительное заключение должно быть вручено в копии каждому из подсудимых не позднее как за 3 суток до слушания дела. По делам, указанным в ст. 418 Проц. Кодекса, вручение вышеуказанных копий может быть заменено вручением выписки из протокола распорядительного заседания о предании суду.

IV. О судебном заседании и об обжаловании

Ст. 426. Слушание дела в революционном трибунале в отсутствии подсудимого сверх случаев, указанных в пунктах 1 и 2 ст. 269 Проц. Кодекса, допускается в тех случаях, когда подсудимый находится вне переделов РСФСР. В случае его возвращения в пределы Республики и по его заявлению, ему обязательно должен быть восстанавливаем кассационных срок; если же дело рассматривалось в Трибунале, где кассационные обжалования не допускаются, дело подлежит пересмотру в порядке надзора.

Ст. 427. Революционный трибунал вправе при рассмотрении дела прекратить допрос свидетеля или свидетелей в любой момент допроса таковых, если признает, что показаниями допрошенных свидетелей вполне установлены те обстоятельства для установления которых свидетель вызывался; трибунал обязан мотивировать указанное определение.

Ст. 428. Оглашение имеющихся в деле документов и приобщение новых документов, а равно оглашение показаний данных на предварительном следствии и на дознании свидетелей, как вызывавшимися, так и не вызывавшимися в судебное заседание, разрешается революционным трибуналом по его усмотрению, как по собственной инициативе,

так и по ходатайству сторон. Равным образом могут быть оглашены по усмотрению революционного трибунала, как по его инициативе, так и по ходатайству сторон, показания, данные подсудимым на предварительном следствии или на дознании.

Ст. 429. Стороны имеют право ссылаться в прениях на все имеющиеся в деле документы и показания, независимо от того, оглашались или не оглашались в судебном заседании означенные документы и показания. Равным образом революционный трибунал вправе при вынесении приговора принимать в соображение вышеуказанные документы и показания, независимо от их оглашения в судебном заседании.

Ст. 430. Ревтрибунал вправе, независимо от ранее состоявшегося определения о допущении сторон к участию в судебном заседании, постановить о недопущении прений сторон, если признает дело достаточно выясненным на судебном следствии.

Ст. 431. Обращение дела в судебном заседании к доследованию допускается лишь в тех случаях, если революционным трибуналом установлена будет такая неполнота имеющегося в деле материала, которая никоим образом не может быть восполнена в том же судебном заседании; во всех остальных случаях обращение дела к доследованию не допускается. Об обращении дела к доследованию ревтрибуналом должно быть вынесено мотивированное определение.

Ст. 432. Протоколы распорядительных и судебных заседаний революционных трибуналов составляются на основании правил, изложенных в ст. ст. 81–85 Проц. Кодекса. Нарушения правил настоящего Проц. Кодекса, не удостоверенные протоколом, считаются не имевшими места.

Выдача копий протокола судебного заседания сторонам допускается лишь в случаях подачи ими кассационной жалобы и может быть заменена выдачей выписок о тех обстоятельствах, которые занесены в протоколы по ходатайству стороны, или о занесении которых в протокол стороне было отказано.

Ст. 433. Приговоры революционных трибуналов могут быть обжалованы сторонами в кассационном порядке. Срок для обжалования устанавливается: для прокурора в течение 48 часов с момента провозглашения приговора, а для подсудимого в течение 48 часов с момента вручения ему копии приговора. Копия приговора обязательно вручается подсудимому в течение 24 часов с момента провозглашения приговора. Ходатайства о восстановлении срока на принесение кассационной жалобы подаются в революционный трибунал, постановивший приговор, и разрешаются в распорядительном заседании.

Ст. 434. Приговоры ревтрибуналов, действующих в боевой обстановке, кассационному обжалованию не подлежат. Список таковых трибуналов утверждается Пленумом Верховного Трибунала по представлению Военной Коллегии Верховного Трибунала. Приговоры указанных ревтрибуналов могут быть отменены или изменены лишь в порядке надзора, согласно правилам, изложенным в главе XXX Проц. Кодекса.

Ст. 435. В местностях, объявленных на военном положении, революционным трибуналам предоставляется право в случаях вынесения приговора к высшей мере наказания (расстрел) входить в течение 24 часов после вынесения приговора при подаче осужденным кассационной жалобы с представлением о непропуске таковой и обращения приговора к немедленному исполнению. Вопрос о пропуске или непропуске кассационной жалобы подлежит разрешению губернским исполнительным комитетом или его президиумом в течение 24 часов с момента получения представления революционного трибунала, при этом губернский исполнительный комитет не вправе, однако, входить в рассмотрение вопроса о доказанности и недоказанности преступления и разрешает вопрос исключительно исходя из соображений опасности и распространенности данной категории преступных деяний в данной местности и необходимости принятия экстренных мер к их искоренению.

Представление трибунала о непропуске кассационной жалобы не освобождает его от необходимости соблюдения правил, предписанных ст. 448 Проц. Кодекса, и получение соответствующего извещения от Верховного Трибунала о приостановке приговора и истребовании дела имеет силу независимо от разрешения губернским исполнительным комитетом вопроса о непропуске жалобы.

Указанное право предоставляется губернским исполнительным комитетам всякий раз особым постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, с точным указанием срока, на который оно вводится.

Ст. 436. В отношении Военных Трибуналов и Военно-Транспортных, право, предоставленное согласно предыдущей статье губернским исполнительным комитетам, принадлежит соответственно уполномоченным Народного Комиссариата Путей Сообщения на дорогах и Революционным Военным Советам фронтов, армий и военных округов, а где таковых нет, — командующим фронтами, армиями и военными округами, причем это право принадлежит указанным учреждениям и лицам, независимо от предварительного разрешения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Ст. 437. Революционный трибунал после получения кассационной жалобы или протеста обязан направить все дело в течение 24 часов в Верховный Трибунал по кассационному его отделу; при этом трибунал вправе приложить к делу свои объяснения по поводу принесенной жалобы или протеста.

Ст. 438. Принесение кассационной жалобы или протеста приостанавливает приведение в исполнение приговора, от трибунала зависит в этих случаях принятие соответствующих мер пресечения.

Ст. 439. Одновременно с направлением дела с кассационной жалобой или протестом в Верховный Трибунал, президиум губернского революционного трибунала вправе, если усмотрит в производстве явное нарушение, допущенное соответствующим отделением трибунала, не останавливая однако, направления дела в Верховный Трибунал, сделать соответствующие указания вынесшему приговор отделению революционного трибунала, сообщив о сем в Верховный Трибунал.

Ст. 440. Президиум ревтрибунала вправе, усмотрев в вынесенном каким-либо из его отделений приговоре существенные нарушения, приостановить приговор и направить в Верховный Трибунал в порядке надзора.

Ст. 441. Частные жалобы на определения отделений революционного трибунала приносятся в президиум революционного трибунала и разрешаются в распорядительном заседании без участия сторон. При расследовании жалобы в состав президиума не могут входить лица, участвовавшие в вынесении обжалованного определения.

Глава XXX. ПРОИЗВОДСТВО В ВЕРХОВНОМ ТРИБУНАЛЕ

I. Кассационное производство

Ст. 442. Поступающие в Верховный Трибунал кассационные жалобы и протесты рассматриваются в кассационной коллегии Верховного Трибунала в порядке поступления. Дела, по которым вынесены приговоры, присуждающие к высшей мере наказания (к расстрелу), подлежат выделению и направлению к слушанию с таким расчетом, чтобы с момента поступления дела и до выяснения по нему определения кассационной коллегии не протекло более одной недели.

Наблюдение за соответствующим распределением и подготовкой дел к слушанию их возлагается на состоящего при Верховном Трибунале помощника прокурора Республики.

Ст. 443. Рассмотрение дела в кассационной коллегии происходит в открытом судебном заседании и начинается оглашением кассационной жалобы или протеста, после чего суд заслушивает заключение прокурора и объяснения сторон, если таковые допущены к участию в деле. Подсудимому, если он присутствует, должна быть дана возможность, в случае его в том просьбы, предоставить объяснения.

Стороны в судебное заседание не вызываются; допущение сторон к участию в судебном заседании разрешается по усмотрению кассационной коллегии, определение которой по данному вопросу объявляется одновременно с опубликованием списка дел, назначенных к слушанию.

Ст. 444. При рассмотрении кассационной жалобы и протестов, кассационная коллегия руководится правилами, изложенными в ст. ст. 357—358 Проц. Кодекса. Основаниями к отмене приговора в кассационном порядке являются обстоятельства, указанные в ст. ст. 359—363 Проц. Кодекса.

Ст. 445. В случае признания явного несоответствия назначенного наказания с деянием осужденного, кассационная коллегия или постановляет об отмене приговора и передаче дела для нового рассмотрения в другой революционный трибунал или в тот же революционный трибунал в другом составе судей, или же изменяет приговор и смягчает наказание по своему усмотрению в пределах установленных соответствующей ст. Угол. Кодекса. Признав необходимым смягчить наказание в размере, не предусмотренном соответствующей статьей Угол. Кодекса, кассационная коллегия входит с соответствующим представлением в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Во всех остальных случаях отмены приговора, кассационная коллегия действует, согласно правилам ст. 364—365 Проц. Кодекса или же направляет дело для нового рассмотрения в другой губернский революционный трибунал или в тот же революционный трибунал в другом составе судей.

Ст. 446. Определения кассационной коллегии могут быть опротестованы прокурором в пленум Верховного Трибунала в течение 24-х часов с момента вынесения определения. Равным образом каждый член кассационной коллегии, участвовавший в вынесении определения и оставшийся при особом мнении, вправе в течение суток со дня вынесения означенного определения обжаловать его в пленум Верховного Трибунала, представив при этом в письменном виде свое мотивированное особое мнение. Опротестование определения кассационной коллегии приостанавливает приведение его в действие.

Ст. 447. Кассационная коллегия вправе при вынесении определения, независимо от того, что последовало оставление в силе приговора революционного трибунала, включить в свое определение указания на допущенные революционным трибуналом нарушения, каковые указания являются для данного трибунала обязательными.

II. Производство в порядке надзора

Ст. 448. Председателю Верховного Трибунала, его заместителю, Прокурору Республики и его помощнику, состоящему при Верховном Трибунале, принадлежит право истребования любого дела из производства революционных трибуналов всех категорий и приостановка приговора для просмотра его в порядке надзора. Председателям Военной и Военно-транспортной коллегии Верховного Трибунала таковое же право принадлежит исключительно в отношении дел, находящихся в производстве подведомственных им Военных и Военно-Транспортных Трибуналов.

Ревтрибунал немедленно по получении требования о высылке дела, препровождает таковое, приостановив по нему производство. В тех же случаях, когда по данному делу происходило судебное заседание, отсылка дела допускается лишь после принесения приговора.

Ст. 449. Дело по получении его из революционного трибунала поступает к прокурору, состоящему при Верховном Трибунале по соответствующей коллегии, который, если не усмотрит в производстве никаких нарушений, докладывает о том председателю соответствующей коллегии и в случае его на то согласия производство в порядке надзора прекращается. При несогласии председателя, а равно во всех случаях, если прокурор усмотрит существенные нарушения, он направляет дело с своим заключением в кассационную коллегию, от которой будет зависеть либо постановить о дальнейшем направлении дела с преподанием трибуналу соответствующих указаний; в случаях же, когда приговор по делу уже вынесен, постановить либо об отмене приговора и передаче дела для нового рассмотрения в другой или тот же Трибунал в ином составе судей, либо о соответствующем изменении приговора. Означенное право принадлежит исключительно кассационной коллегии или пленуму Верховного Трибунала, притом как в отношении губернских, так и Военных и Военно-транспортных Трибуналов.

Ст. 450. При вынесении приговора, присуждающего к расстрелу, революционный трибунал, независимо от наличия или отсутствия кассационной жалобы или протеста, обязан немедленно по вынесении приговора сообщить о таковом телеграфно в Верховный Трибунал

с указанием часов, минут вынесения приговора, краткого существа обвинения, фамилии и имени, классового происхождения и социального положения, а также возраста осужденного. Приговор может быть приведен в исполнение только в случае неполучения в течение 72 часов с момента вручения Верховному Трибуналу посланного ему сообщения, распоряжения Верховного Трибунала о приостановке приговора и истребования дела в порядке надзора.

При подаче кассационной жалобы приговор, во всяком случае не приводится в исполнение до рассмотрения жалобы в Кассационной коллегии.

Ст. 451. При рассмотрении дел в порядке надзора, Кассационная коллегия не связана заключением прокурора и вправе вынести определение как об отмене приговора и о назначении дела к слушанию вновь, так и об отмене всего производства по делу и начатии дела со стадии предварительного следствия.

III. Возобновление дел

Ст. 452. Возобновление дел, по которым состоялись вошедшие в законную силу приговоры революционного трибунала, производится по правилам, установленных ст. ст. 378–381 Проц. Кодекса. Ходатайства о возобновлении дел направляется заинтересованными лицами к прокурору, состоящему при революционном трибунале, вынесшем данный приговор.

Ст. 453. Прокурор, получив означенное ходатайство, а также по собственной инициативе, если признает нужным возбудить вопрос о возобновлении дела, производит необходимое расследование как лично, так и через органы дознания или органы предварительного следствия, после чего весь собранный материал представляет со своим заключением в Верховный Трибунал.

Ст. 454. Вопрос о возобновлении дела разрешается Народным Комиссариатом Юстиции в порядке высшего судебного контроля, куда Верховный Трибунал направляет всю переписку с своим заключением.

IV. Производство в верховном трибунале в качестве суда первой инстанции

Ст. 455. Производство в Судебной, Военной и Военно-Транспортной коллегиях Верховного Трибунала, действующих в качестве суда первой инстанции, определяется правилами, установленными для производства дел в революционных трибуналах. Приговоры указанных

коллегий не подлежат обжалованию в кассационном порядке и могут быть отменяемы или изменяемы лишь пленумом Верховного Трибунала в порядке надзора. Прокурору Республики или помощнику его, поддерживающему обвинение на суде, предоставлено право обжаловать в пленум Верховного Трибунала приговоры Судебной, Военной, Военно-транспортной коллегий, однако исключительно в части, касающейся неправильного применения закона при определении наказания, в течение 24-х часов с момента вынесения приговора.

Ст. 456. Судебной коллегии Верховного Трибунала в качестве суда первой инстанции подсудны:

1) Дела исключительной важности, переданные на рассмотрение судебной коллегии постановлением президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета или пленума Верховного Трибунала, а равно предложенные к рассмотрению в Судебной коллегии прокурором Республики и начальником Главного Политического Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел. Судебная коллегия при этом вправе дела, предложенные на ее рассмотрение прокурором Республики или начальником Главного Политического Управления, принять к своему рассмотрению или же передать для рассмотрения в любой революционный трибунал по своему усмотрению.

2) Дела по обвинению в преступлениях по должности членов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Народных Комиссаров, членов коллегий Народных Комиссариатов, членов президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, членов Реввоенсовета Республики, членов коллегий Верховного Трибунала, помощников Прокурора Республики, членов коллегии Главного Политического Управления Народного Комиссариата Внутренних Дел, полномочных послов и аккредитованных при иностранных правительствах, должностных лиц.

3) Дела по обвинению в преступлениях по должности губернских прокуроров и их помощников, членов президиума губернского исполнительного комитета и членов губернского исполнительного комитета, заведующих отделами, председателей и членов президиума революционных трибуналов и председателя и членов совета народных судей, при чем все означенные в сем пункте дела могут быть приняты судебной коллегией к своему рассмотрению, или же переданы ею в другой какой-либо революционный трибунал в зависимости от важности дела.

Ст. 457. Для рассмотрения дел, переданных в Судебную коллегию, пленум Верховного Трибунала вправе, в отдельных случаях образовать состав судей по делу, по своему усмотрению из числа председателей и членов иных коллегий Верховного Трибунала.

Ст. 458. Военной коллегии Верховного Трибунала, действующей в качестве суда первой инстанции, подсудны:

1) Дела, изъятые из ведения военных революционных трибуналов постановлением Военной Коллегии или переданные Военной Коллегии постановлением Кассационной Коллегии или пленума Верховного Трибунала.

2) Дела по обвинению о преступлениях по должности и других преступных деяниях, отнесенных к производству революционных трибуналов: начальника и комиссара штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии, помощника начальника и помощника комиссара того же штаба; начальников управлений и отделов штаба и комиссаров при них; начальников и комиссаров управлений, непосредственно подчиненных Революционному Военному Совету Республики и Революционным Военным Советам фронтов, командующих фронтами, армиями и военными округами и заместителей этих командующих; начальников, комиссаров штаба округа, фронта армий; председателей, заместителей и членов Революционных Военных Трибуналов фронтов и армий; начальников особых отделов фронтов и армий и их помощников; военных прокуроров и их помощников. Данная персональная подсудность распространяется одинаково по морскому ведомству, соответственно занимаемым должностям.

Ст. 459. Военно-транспортной коллегии Верховного Трибунала, действующей в качестве суда первой инстанции подсудны:

1) Дела, изъятые из ведения Военно-транспортных революционных трибуналов постановлением Военно-транспортной коллегии или переданные Военно-транспортной коллегии постановлениями кассационной Коллегии или пленума Верховного Трибунала.

2) Дела по обвинению в преступлениях по должности и в других деяниях, отнесенных к производству революционных трибуналов: начальников и комиссаров управлений и самостоятельных отделов Народного Комиссариата Путей Сообщения и их помощников, начальников и комиссаров Округов Путей Сообщения; начальников и комиссаров управлений дорог и водных областей и их помощников, председателей и комиссаров окружных комитетов по перевозкам и их заместителей; председателей, их заместителей и членов Военно-транспортных Трибуналов; начальников окружных и дорожных Транспортных Отделов Государственного Политического Управления и их помощников; начальников отделов охраны Округов Путей Сообщения; председателей, членов президиумов и правлений профессиональных и кооперативных организаций ведомства Народного Комиссариата Путей Сообщения не ниже дорожного масштаба и особых уполномоченных Народного Комиссариата Путей Сообщения.

Ст. 460. Пленум Верховного Трибунала вправе дело, подсудное одной из коллегий Верховного Трибунала, передать на рассмотрение другой коллегии Верховного Трибунала.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

Глава XXXI. ПРОИЗВОДСТВО В ПОРЯДКЕ ВЫСШЕГО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ

Ст. 461. Производство в порядке высшего судебного контроля имеет место исключительно:

1) в порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам;

2) по жалобам и протестам на определение совета народных судей, вынесенные в кассационном порядке (ст. 372 Проц. Кодекса);

3) по ходатайству заинтересованных лиц и учреждений и по представлению прокуратуры о пересмотре вошедших в законную силу приговоров народного суда и революционных трибуналов.

Ст. 462. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам производится по правилам, установленным в главе XXVII Проц. Кодекса.

Ст. 463. Протесты и жалобы на состоявшиеся в кассационном порядке определения совета народных судей поступают к помощнику прокурора Республики, который, признав протест лишенным оснований, оставляет его без дальнейшего движения, а в противном случае входит в Народный Комиссариат Юстиции в порядке судебного контроля с представлением о рассмотрении означенного протеста или жалобы.

Ст. 464. Ходатайства о пересмотре вошедших в законную силу приговоров ревтрибуналов могут быть возбуждаемы только центральными и областными органами Советской власти и губернскими исполнительными комитетами, каковые ходатайства рассматриваются в порядке высшего судебного контроля после дачи по ним заключения помощника прокурора Республики. Ходатайства об отмене вошедших в законную силу приговоров народных судов могут быть подаваемы всеми заинтересованными лицами и подаются прокурору, состоящему при соответствующем совете народных судей, и препровождаются в случае признания их основательными этим прокурором вместе с своим заключением в порядке высшего судебного контроля в Народный

Комиссариат Юстиции, где и рассматриваются после дачи по ним заключения помощника прокурора Республики.

Ст. 465. Независимо от ходатайства, Народный Комиссариат Юстиции в порядке высшего судебного контроля имеет право затребовать любое дело, находящееся в производстве совета народных судей, народного суда и революционного трибунала.

Ст. 466. В отличие от надзора, осуществляемого для народного суда советом народных судей и для революционных трибуналов — Кассационной Коллегией Верховного Трибунала — отмена вошедших в законную силу приговоров в порядке высшего судебного контроля Народным Комиссариатом Юстиции может иметь место, кроме случаев возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, исключительно при установлении:

а) явного нарушения или неприменении судом узаконений Советской власти; б) принятия судебными органами к своему производству дел, не подлежащих судебному разбирательству (земельные споры, вопросы об общих мероприятиях Советской власти и т.п.); в) явного противоречия приговора или решения руководящим началам советского законодательства по общей политике Рабоче-Крестьянского Правительства.

Ст. 467. Указания и разъяснения, сделанные Народным Комиссариатом Юстиции в порядке высшего судебного контроля, обязательны для всех народных судов и революционных трибуналов РСФСР.

Ст. 468. Все поступающие в Народный Комиссариат Юстиции в порядке судебного контроля дела, по которым вынесены приговоры и определения ревтрибуналами разрешаются только после истребления заключения помощника прокурора республики, состоящего при Верховном Трибунале.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

Глава XXXII. ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРОВ

Ст. 469. Судебный приговор приводится в исполнение немедленно по вступлении его в законную силу (ст. 378 Проц. Кодекса). Приговор оправдательный или освобождающий от наказания приводится в исполнение председателем немедленно по провозглашении приговора (ст. 346 Проц. Кодекса).

Примечание. Приговор о лишении ордена Красного Знамени вступает в законную силу и приводится в исполнение лишь по утверждении

приговора по этой части Президиумом Всероссийского Центрального Исполнения Комитета.

Ст. 470. Приговор обращается в исполнение судом, его постановившим, для чего суд сообщает копию приговора местам заключения, милиции и иным органам, на которые возлагается фактическое исполнение приговора.

Надзор за правильным приведением приговора в исполнение осуществляется прокуратурой.

Ст. 471. Отсрочка приведения в исполнение приговора допускается лишь в нижеследующих случаях:

1) При болезни осужденных, препятствующей отбытию ими наказания, таковое отлагается до его выздоровления.

2) Если беременность осужденной является препятствием к отбыванию ею наказания, то таковое откладывается до истечения года после родов.

3) Когда немедленное отбытие наказания может повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи, в виду особых обстоятельств или особых условий его положения, как-то: пожара или иных стихийных бедствий, тяжкой болезни или смерти единственного работоспособного члена семьи и т.д.

Ст. 472. Если лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, помещено было в лечебное заведение, в виду психической или иной болезни, то время, проведенное осужденным в лечебном заведении, не засчитывается в срок наказания.

Ст. 473. Условно досрочное освобождение может последовать лишь по отбытии присужденным к лишению свободы или принудительным работам не менее половины срока наказания.

В случае сокращения срока наказания по амнистии или помилованию, условно-досрочное освобождение допускается по отбытии не менее половины того срока, какой исчислен в конечном выводе после сокращения наказания по амнистии или помилованию.

При зачете срока наказания в виде лишения свободы времени, проведенного осужденным под стражей до вступления приговора в законную силу, половинный срок, необходимый для применения условно-досрочного освобождения, исчисляется со всего наказания, первоначально назначенного судом до зачета предварительного заключения. При этом в означенный половинный срок засчитывается время, проведенное осужденным под стражей до вступления приговора в законную силу.

Ст. 474. Ходатайства об условно-досрочном освобождении могут быть возбуждаемы самим заключенным, его родственниками, организациями, учреждениями и должностными лицами.

Ст. 475. Штраф и судебные издержки взыскиваются с имущества осужденного судебным исполнителем или милицией.

Ст. 476. Уплата штрафа может быть отсрочена или рассрочена на срок до шести месяцев в тех случаях, когда немедленная уплата штрафа является непосильной для осужденного.

Ст. 477. Вопросы об отсрочке исполнения приговора, об отсрочке и рассрочке уплаты штрафа, о замене штрафа принудительной работой, об условно-досрочном освобождении, а также всякого рода сомнения и споры, возникающие при приведении приговора в исполнение, разрешаются судом, вынесшим данный приговор. Если приговор приводится в исполнение вне района суда, его постановившего, то все указанные в настоящей статье вопросы разрешаются в отношении приговоров, постановленных народным судом, тем народным судом, в районе которого приговор приводится в исполнение, а в отношении приговоров, вынесенных революционным трибуналом — тем революционным трибуналом, в районе которого приговор приводится в исполнение с истребованием подлинного дела.

Ст. 478. Указанные в предшествующей статье вопросы разрешаются судом в судебном заседании с извещением прокурора и осужденного. Гражданский истец вызывается в тех случаях, когда подлежит рассмотрению вопрос, связанный с приведением в исполнение приговора, в части касающейся гражданского иска. Неявка вызываемых лиц не останавливает рассмотрения дела.

Слушание дела начинается докладом одного из судей, после чего суд заслушивает заключение прокурора и объяснения осужденного и его защитника, а также гражданского истца, если они участвуют в заседании. По заслушании заключения прокурора и объяснения сторон суд выносит определение.

Ст. 479. Ходатайства об условно-досрочном освобождении рассматриваются судом, не позже, как в месячный срок со дня поступления такового ходатайства, причем в судебное заседание вызываются: прокурор, осужденный и лица и учреждения, возбудившие ходатайства. Неявка вызываемых лиц и учреждений не останавливает рассмотрение дела.

Присутствие представителя губ. распределительной комиссии всегда обязательно, при чем суд должен заслушать его заключение. Обжалование определений суда об отказе в досрочном освобождении не допускается.

Ст. 480. Вопрос об отмене условно-досрочного освобождения или условного осуждения разрешается судом, постановившим приговор по новому преступлению, совершенному условно освобожденным или

условно осужденным. Определение об отмене выносится либо совместно с приговором по новому преступлению, либо отдельно в судебном заседании с вызовом прокурора и условно осужденного или условно освобожденного. Неявка вызываемых лиц не останавливает рассмотрение дела.

Ст. 481. При необходимости вынести приговор по совокупности (ст. 30 Угол. Кодекса) о лице, о котором постановлено несколько приговоров, приговор по совокупности выносится судом, вынесшим позднейший приговор, или же судом, приговором которого было назначено тягчайшее из всех назначенных осужденному наказаний.

Научное электронное издание

УПК РСФСР 1922 ГОДА — ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
(к 100-летию со дня принятия)

Монография

Под ред. доктора юридических наук,
профессора А. И. Чучаева

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10
Тел.: +7(495) 691-87-81
E-mail: igpran@igpran.ru

Подписано к использованию: 25.01.2023

Тираж: 500 экз.